

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

А. С. МАЙХРОВИЧ
БЕЛОРУССКИЕ
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ДЕМОКРАТЫ

ВАЖНЕЙШИЕ АСПЕКТЫ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Редакторы:
Н. С. КУПЧИН, В. М. КОНОН

М И Н С К
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА»
1977

Рецензенты:

доктор философских наук А. С. Клевченя,
доктор филологических наук Ю. С. Пширков,
кандидаты философских наук Н. Н. Мохнач, С. Ф. Сокол

Майхрович А. С.

М14 Белорусские революционные демократы. Важнейшие аспекты мировоззрения. Под ред. Н. С. Купчина, В. М. Конона. Мн., «Наука и техника». (Ин-т философии и права АН БССР).

208 с.

В работе раскрыты классовая сущность и идейное своеобразие революционно-демократического направления в общественно-политической и философской мысли Белоруссии второй половины XIX — начала XX в. Мировоззрение К. Калиновского, Ф. Богусевича, Я. Купалы, Я. Коласа рассматривается в плане единства социального, нравственного и эстетического аспектов. Излагается общественно-политическая программа белорусских революционных демократов, в основе которой лежали идея исторического предназначения трудового народа и тенденции наивно-уравнительного крестьянского социализма, анализируются их нравственно-гуманистические представления и эстетические взгляды.

10604—086
М 22—77
М316—77

1Ф

© Издательство «Наука и техника», 1977.

ВВЕДЕНИЕ

В истории общественно-политической и философской мысли Белоруссии, в развитии национальной культуры революционно-демократическое направление занимает исключительно важное место. Идеология революционного демократизма оформилась в условиях кризиса самодержавно-крепостнического строя и роста крестьянского движения накануне и после реформы 1861 г. Она отразила существенные тенденции процесса формирования белорусской нации и национальной культуры во второй половине XIX — начале XX в., стала ярким свидетельством роста социального и национального самосознания трудового белорусского народа, все более активно поднимавшегося на борьбу против самодержавно-помещичьих государственных порядков. Выступая от имени всего трудового белорусского народа, революционные демократы выражали преимущественно интересы трудового крестьянства, с этим классом связывали свои революционные идеалы. Их общественно-политическая программа включала требования общедемократического характера: уничтожение самодержавия, демократизация общественной жизни, ликвидация помещичьего землевладения, наделение крестьян землей, свободное развитие национальной культуры. Последовательная борьба за претворение этих требований в жизнь способствовала расширению фронта освободительного движения трудящихся масс всей России.

Беспощадная критика революционными демократами общественных порядков той поры приобретала значение, выходящее за рамки их социально-политической программы, а осознание созидательной роли трудового народа, утверждение его как подлинного властителя жизни, убежденность в историческом предназначении трудящихся масс имели глубоко прогрессивный общественный смысл. Поиски путей освобождения трудового народа привели революционных демократов к осознанию необходимости уничтожения существовавшего общественного строя. Утверждение революционного действия как единственно возможного средства достижения народной свободы было пронизано активным агитационно-призывным пафосом, наполнено стремлением способствовать скорейшему разрешению вооруженным путем непримиримого социального конфликта той поры.

Развитие революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии совершалось под благотворным влиянием идей русских революционных демократов. Начальный этап его фор-

мирования относится к 30—40-м годам XIX в. Оформление революционного демократизма как самостоятельного идеологического течения связано с революционной и публицистической деятельностью К. Калишовского. Его идеи и принципы во второй половине XIX в. были восприняты Ф. Богушевичем. Поражение восстания 1863 г., последовавшие за этим репрессии, а также общее социально-экономическое положение Белоруссии как отсталой национальной окраины царской России предопределили тот факт, что условия для более или менее широкого развития революционно-демократической идеологии в общественной мысли были созданы лишь в период революции 1905—1907 гг. Наиболее полное и завершённое выражение революционно-демократические идеи получили в начале нашего века в творческой деятельности Я. Купалы, Я. Коласа, Тётки.

Будучи в первую очередь идеологическим отражением реальных процессов созревания классового самосознания трудового народа, прежде всего трудовой крестьянской массы, выражением ее коренных социальных требований в условиях господства антинародных общественных порядков, революционный демократизм — в силу своего соответствия прогрессивным тенденциям исторического развития — определил характер и направление идейных интересов в различных областях социальной и духовной жизни, составил период исторического значения в формировании общественной мысли и культуры Белоруссии. Революционно-демократическое направление развивалось как обладающая единством совокупность идей и принципов мировоззренческого характера, как утверждение системы ценностей, в основе которой лежала идея исторического предназначения трудового народа и тенденции наивно-уравнительного крестьянского социализма. Идеиная проблематика революционно-демократического направления охватывала общественно-политические, социально-экономические и национальные отношения, проблемы социально-нравственного и идейно-эстетического порядка, вопросы формирования духовной культуры, сущности и предназначения литературы и искусства.

Круг тех явлений, на которые было направлено внимание белорусских революционных демократов, определил объем идейного содержания революционного демократизма. Конкретный анализ этого содержания выявит сущность важнейших социальных (народ, свобода, человек, труд), нравственно-гуманистических (принцип общего блага, человек и народ) и эстетических (народность искусства) проблем, разрабатывавшихся белорусскими революционными демократами. Причем своеобразие этого содержания в целом обуславливалось взаимосвязью всего круга отмеченных идей. Сам факт преимущественного внимания белорусских революционных демократов к социальной, нравственной и эстетической проблематике согласовался с общим характером их мировоззрения.

Как система взглядов на мир в целом мировоззрение покоится на

совокупности идей и принципов, которые определяют характер познания и оценки всех явлений действительности. Подчеркнем такие важнейшие черты мировоззрения, как, во-первых, концептуальность, т. е. широту, универсальность точки зрения на мир, которая находит уровень однородности для всех явлений, попадающих в поле внимания, благодаря чему становится возможным их взаимосвязанное объяснение, и, во-вторых, оценочность, т. е. выражение определенного отношения к этим явлениям, интерпретация их в плане истинности, добра, подлинности, красоты, включая также спектр негативных, отрицательных оценок. Именно благодаря чертам концептуальности и оценочности вырабатываются ориентиры жизнедеятельности, определяется и указывается направление конкретного практического действия.

Гораздо чаще, чем «чистые» мировоззренческие формы, встречаются соединения различных слагаемых в общей мировоззренческой структуре. Примером такого своеобразного соединения идей и понятий социального, нравственного и эстетического порядка является мировоззрение белорусских революционных демократов. Специфическая особенность мировоззренческой позиции белорусских революционных демократов — рассмотрение явлений в единстве социального, нравственного и эстетического аспектов, что обусловило своеобразие процесса познания и оценки (многогранность в пределах целостности) действительности того времени.

Такая особенность позиции белорусских революционных демократов определялась историческими обстоятельствами духовного развития народа в дооктябрьский период. Всевозможные формы дискриминации национальной белорусской культуры (запрещение языка, отсутствие национальных школ и др.) обусловили неравномерность развития различных сторон духовного бытия народа. Искусство, прежде всего художественная литература, оказалось формой наиболее жизнестойкой, выразившей общественное самосознание белорусского народа. А. И. Герцен отмечал, что у народа, лишенного общественных свобод, именно литература и искусство становятся трибуной, с которой он слышит правду о своих нуждах и интересах.

Формирование революционно-демократических идей в Белоруссии происходило в сложной взаимосвязи с развитием революционно-демократического направления в белорусской дооктябрьской литературе. Поэтому постоянно следует учитывать специфику публицистической и художественной форм выражения революционно-демократической тенденциозности. Логика развития идей призвана была согласовываться с логикой развития эстетического сознания, прежде всего с развитием литературы, выразившей важные общественные идеи своего времени. В связи с этим особо следует подчеркнуть идеологическую широту самого понятия «эстетика» применительно к системе воззрений белорусских революционных демократов. Проблемы революционно-демократической эстетики оказываются пробле-

мами мировоззренческими в первую очередь. Подобное, хотя и с меньшей степенью очевидности, относится к понятию «этика».

Выразительная нравственно-эстетическая окрашенность революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии несколько не затухала его четкой общественно-политической, классовой определенности. Наиболее важной сферой духовных интересов белорусских революционных демократов была область социальной жизни. Революционно-демократическая идеология отличалась обостренным вниманием к широким социальным общностям. Причем фиксация и выявление крупных, значимых социальных общностей (трудовой народ, прежде всего трудовое крестьянство, с одной стороны, и враждебное ему окружение — «панство», социальная система угнетения, с другой), а также раскрытие характера их отношений обуславливали и понимание революционными демократами сущности действительности в целом. Повсеместно доминировал классовый принцип познания и оценки явлений, определявшийся взглядом на действительность сквозь призму коренного социального противоречия между трудовым народом и эксплуататорами. Как активная идеологическая форма революционный демократизм призван был утверждать трудовой народ, строй его жизни и отношений между людьми, основанных на принципах трудовой народной этики, а также вскрывать хищническую, антигуманную сущность «панства», буржуазно-помещичьей социальной системы, стремиться к ее уничтожению.

С такой же четкой классовой определенностью позиция революционных демократов раскрылась в сфере нравственно-гуманистической, где доминировал принцип общего, народного блага в его активном социально-деятельном наполнении, фиксирующем процессы возрастания социального самосознания трудящихся масс. Принцип этот соединялся с нравственным освящением труда, признанием трудовой деятельности необходимой предпосылкой существования истинного человека, что было формой неприятия общественной системы того времени, построенной на эксплуатации людей труда. Революционно-демократическая тенденциозность определяла также сущность эстетических представлений, основу которых составляли идея служения искусства трудовому народу, делу социального и национального освобождения трудящихся масс и идея подлинности искусства, возникающего на народной основе.

Поскольку тенденция к универсальности и широте утверждения классовой точки зрения отчетливо выявилась в процессе развития революционно-демократического направления, постольку революционный демократизм может быть определен как социальная философия. Причем конкретно-исторические обстоятельства формирования национальной белорусской культуры обусловили тот факт, что развитие революционного демократизма в меньшей мере приняло русло логического совершенствования и дифференциации ведущих понятий

(что было присуще развитым национальным культурам), чем направление выработки социально-критической аргументации, выражения черт позитивной программы и развития аналитических начал в общем процессе развертывания и обогащения того социального и нравственно-эстетического содержания, которое составляло идейную основу белорусской революционно-демократической литературы.

Недостаточная внутренняя логически-понятийная расчлененность и развитость мировоззренческой формы придавали ей несколько наивный, непосредственно «крестьянский» характер. Это отразилось на степени теоретической разработанности идеологической программы, на широте духовных интересов. Тесная связь с художественной формой познания вела к известной абстрактности, расплывчатости многих понятий и представлений, что сочеталось со стремлением к конкретности и наглядности. Вместе с тем революционно-демократическое направление в общественной мысли Белоруссии характеризуется большой идеологической цельностью, высокой степенью развития социально-критических начал и революционно-преобразующей устремленности.

Выдвинутая белорусскими революционными демократами программа общественно-политических преобразований по своему непосредственному социальному значению имела буржуазно-демократическую направленность. Однако пафос их социальной критики направлен не только против явлений политической, социально-экономической и духовной жизни, поддерживаемых самодержавно-помещичьими государственными установлениями, но также против капиталистических форм хозяйствования, буржуазных норм жизни и собственнической, эгоистической морали. Антибуржуазная, антикапиталистическая тенденция в высшей степени присуща белорусским революционным демократам. В этом плане следует подчеркнуть, что сущность их общественной позиции в целом определялась последовательным утверждением идей равенства и братства людей труда, свободных работников земли, идей наивно-уравнительного крестьянского социализма. Такая идеологическая основа рождала высокий свободолобивый пафос борьбы со всяким общественным устройством, которое зиждется на эксплуатации и унижении народа, человека труда. Именно решительная борьба против эксплуататорского общественного устройства, построенного на угнетении трудового народа, определяет историческое значение революционно-демократического направления в общественно-политической и философской мысли Белоруссии.

Три ведущие темы образуют идейный стержень революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии — тема народа, его исторического предназначения; тема свободы, осознание ее сущности и поиски путей социального и национального освобождения трудового народа; тема человека труда, выразителя народных интересов и активного борца за социальное освобождение

трудящихся масс. Процесс развития, развертывания этих тем составил центральную проблематику революционно-демократической идеологии. Причем сложность исследования заключается в воссоздании того русла, в котором эти идеи получили определенность и оформление; это русло образовано соединением понятий и представлений социально-политического, нравственного и эстетического порядка.

Характер основных социально-политических понятий революционных демократов обуславливался их позицией выражения освободительных устремлений трудового народа, в первую очередь трудовой крестьянской массы, позицией утверждения необходимости революционной борьбы с буржуазно-помещичьими общественными установлениями. Вместе с тем и в социально-критической аргументации, и в призыве к борьбе, и в обосновании позитивной программы убедительность нравственного порядка играла весьма существенную роль; в целом элемент социально-нравственный пронизывает всю сферу представлений белорусских революционных демократов. В то же время связью с развитием национального искусства определялось особое формообразующее значение эстетического начала в процессе становления революционно-демократической идеологии. Причем эстетическое начало не только давало выразительную оболочку идейному содержанию, но также выступало как важный (наряду с социально-нравственным) элемент общего строя мировоззрения. Так, например, тенденция к утверждению простых, обозримо наглядных форм жизни, присущая позитивной программе революционных демократов, являясь непосредственным отражением специфических эстетических предпочтений, свидетельствовала о содержательном проявлении эстетического начала как слагаемого общего строя мировоззрения. Подобная тенденция объективно была выражением неприятия многоиерархической буржуазно-помещичьей системы, а также несла отпечаток уравнительных устремлений революционных демократов. Другой пример широкой содержательной роли эстетического начала — принцип представительства человека труда в отношении народной общности; принцип этот фиксирует присущий всем белорусским революционным демократам момент выражения общего посредством конкретного, а это типичный эстетически-выразительный момент, который в немалой степени влияет на понимание и трактовку революционными демократами взаимоотношений общности и индивида.

Центральная тема всей революционно-демократической идеологии — тема народа. Раскрытие и утверждение созидательного могущества трудового народа, убежденность в историческом предназначении трудящихся масс составляют основополагающий постулат идеологии белорусских революционных демократов. Трактовка самого понятия «народ» в социальном аспекте была последовательным проявлением классовой позиции белорусских революционных демократов, выразивших преимущественно интересы трудового крестьянства. Как идеологи трудовой крестьянской массы революционные

демократы склонны были ставить знак равенства между трудовым народом и трудовым крестьянством, в характерных чертах крестьянского уклада жизни и человеческих отношений, основанных на принципах трудовой этики, стремились найти прообраз будущего, не знающего эксплуатации и унижения людей труда. Классовая ограниченность вела к канонизации крестьянской целостности и самобытности, лишала революционных демократов подлинной исторической перспективы. Вместе с тем революционные демократы сумели выразить насущные освободительные устремления широких народных масс, призывали к борьбе с буржуазно-помещичьими порядками; их деятельность в этом отношении имела прогрессивное значение. Нередко в трактовке проблемы народа революционные демократы выходили за пределы своей идеологической программы. Благодаря ряду социально-нравственных уточнений и дополнений само понятие «народ» расширилось, включая не только трудовое крестьянство, но и вообще всех людей труда; по крайней мере ведущим критерием выступал в этом отношении классовый фактор: с наибольшей определенностью народное трактовалось в противопоставлении панскому, эксплуататорскому, вообще всему тому, что существует за счет чужого труда.

Тема народа — основополагающая и сквозная в революционно-демократической идеологии — прошла ряд этапов в своем развитии. Всегда четкая в социальной направленности эта тема сразу оформилась в плане раскрытия преобразующей роли народных масс в жизни общества, их созидательного могущества и утверждения исторического предназначения трудового народа (К. Калиновский). Первоначальный этап становления революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии отмечен несколько абстрактным, преимущественно агитационно-публицистическим выражением ведущих идей, что вызвало в дальнейшем необходимость тщательного познания и раскрытия конкретных обстоятельств существования трудового народа в условиях буржуазно-помещичьей действительности (Ф. Богусевич). Аспект социальной трактовки проблемы народа начинает сочетаться с национальным аспектом. Причем если процесс формирования революционно-демократического направления во второй половине XIX в. характеризуется преимущественным развитием принципов социальной критики общественных установлений того времени, то в начале XX в. происходит как дальнейшее развертывание социально-критических начал, так и широкое и рельефное выражение черт позитивной программы, что отразилось на трактовке проблемы народа. В деятельности Я. Купалы и Я. Коласа широкое и многогранное развитие получила идея социальной активности трудового народа, органически соединенная с идеей величия и могущества народных масс.

Типической особенностью революционно-демократических убеждений была неотрывность темы народа от поиска путей его социально-

го и национального освобождения. Именно это в корне отличает революционно-демократическое направление в общественной мысли Белоруссии от всякого рода либерально-народнических концепций, которым присуще соединение проблемы народа (причем народом оказывается единство «верхних» и «нижних» социальных слоев) с проблемой культуры и вообще с кругом нравственно-просветительской проблематики, призванной обосновать идею гармонии интересов противоположных классов. По этой линии происходило отмежевание революционного демократизма от шляхетского либерализма В. Дунина-Марцинкевича, а затем от буржуазно-либеральных, национально-культурнических идеологических построений в начале XX в.

Революционные демократы обосновывали в сущности идею крестьянской свободы, несущую оттенок уравнительности и утопизма. Процесс становления революционно-демократической идеологии раскрывает все более крепнущую тенденцию к пониманию свободы как такого будущего состояния действительности, достижение которого обуславливалось прежде всего необходимостью уничтожения существовавших антинародных общественных порядков, что откроет возможности полной реализации трудовым народом своих творческих возможностей, развертывания лучших начал трудового крестьянского уклада жизни. В целом в трактовке свободы обнаруживается попытка к соединению аспектов общественно-политического, социально-конкретного и зависимого от него нравственно-эстетического. Кристаллизация всего круга освободительных идей, прежде всего идей социальной и национальной свободы трудового белорусского народа, оказывается наиболее полным выражением позитивной программы революционных демократов, их устремленности к утверждению идеала трудовой крестьянской гармонии человека и окружающей среды как высшего жизненного состояния. Это утверждение происходило в тесной связи с развитием социально-критических начал, с раскрытием угнетенного и бесправного положения народа и человека труда в условиях буржуазно-помещичьей действительности, выход из которого — в вооруженной борьбе с антинародными общественными порядками.

Революционный демократизм покоился на идее величия и могущества трудового народа; причем, являясь идейным, духовным течением, революционный демократизм был вместе с тем реальным политическим и социальным движением, которое стремилось утвердить народ и человека труда субъектом истории, общественной жизни. Характерная особенность революционно-демократической идеологии — поиск такой формы выражения насущных социальных и духовных интересов народной общности, которая естественно и органично включала бы в себя интересы и потребности человека труда. Белорусские революционные демократы постоянно и повсеместно учитывали социальную, жизненную позицию и точку зрения человека труда,

крестьянина-труженика. Проблема человека заняла значительное место в системе их идейных воззрений. В целом следует иметь в виду, что сохранение уровня социально-конкретной наглядности, простой и ясной определенности понятий и представлений в сочетании с моментом уравнительности обусловливало принцип однородности отношения общего и частного; интерес отдельного человека труда выступал как интерес каждого другого и, следовательно, всех людей труда, а тем самым как общий интерес трудового народа. Проявление идеи народа оказывалось органично связанным с проблемой человека; всеобщие идеи и принципы обретали форму, которая являлась по существу эстетической, антропоморфной. Человек труда представлял в системе взглядов белорусских революционных демократов как типичный выразитель народных интересов и одновременно интересов своих собственных. В этом аспекте система мировоззрения белорусских революционных демократов оказывалась по существу одним из вариантов «наивного гуманизма», наивного потому, что обнаруживала слишком близкое, прямое соединение общего и частного. Принцип связи общего и частного характеризует различные этапы развития революционно-демократического направления общественной мысли Белоруссии; в целом процесс формирования революционно-демократических идей свидетельствует об углублении трактовки проблемы народа и проблемы человека, о том, что понимание взаимосвязи общего и частного обогащалось, обретало гибкие и разносторонние формы.

В гуманистической концепции белорусских революционных демократов истинным, подлинным человеком выступал представитель народа, крестьянин-труженик. Проблема человека постоянно рассматривалась в неразрывной связи с общими, народными потребностями и интересами, прежде всего с потребностями социального и национального освобождения. Если начальному этапу формирования революционно-демократической идеологии присущи моменты однозначномеханистического совпадения общего и единичного, то в дальнейшем наблюдается тенденция к индивидуальным и психологическим характеристикам человека труда; особое внимание уделяется чертам социальной активности и духовности. Истинность человека, его сущностная характеристика начинает определяться приобщенностью к состоянию свободы — как новой, достойной человека мировоззренческой и жизненно-практической позиции, диктующей постоянство его активности в отношении к враждебной буржуазно-помещичьей действительности. В целом индивидуально-психологическое соседствовало с элементами «объектности», «вещественности» (эти элементы обуславливались своеобразием трактовки отношений крестьянина-труженика и окружающей его среды) в понимании и обрисовке человека белорусскими революционными демократами. Разрешение этой дилеммы в обрисовке образа было внутренне связано с действенной стороной программы революционных демократов. Именно активное

участие трудового крестьянства совместно с рабочим классом в социальной борьбе означало на практике выход за пределы «крестьянского мира», становилось первостепенным фактором роста личности в массах.

Таким образом, сфера преимущественных идейных интересов белорусских революционных демократов включает проблематику социальную, нравственно-гуманистическую, идейно-эстетическую. Эта сфера объединяется важнейшими, центральными темами — народ, свобода, человек. Единство и взаимообусловленность, своего рода синкретизм социальной, нравственной и эстетической проблематики не исключают известной самостоятельности функционирования и качественной определенности идей, отражающих явления социальной жизни, область нравственно-гуманистических ориентаций и идейно-эстетических представлений. Если же характеризовать мировоззрение белорусских революционных демократов в целом, то следует исходить из широты и универсальности проявления классовой точки зрения (интерпретация действительности сквозь призму конфликтности, противоречивости), обрисовывая это мировоззрение как социально-философское, внутренняя структура которого испытала сильное содержательное и формирующее влияние нравственного и эстетического начал. Собственно, это и есть формулировка центральной исследовательской задачи.

Тесная связь процесса формирования революционно-демократической идеологии с развитием белорусской доктябрьской литературы предполагает необходимость специфической интерпретации конкретных явлений искусства. Причем особую роль приобретает нацеленность на раскрытие широкого мирозерцательного значения того или иного (как правило, крупного) художественного явления или совокупности явлений, осознанных в целостности. Следует подчеркнуть, что сама возможность рассмотрения исторически конкретных форм искусства как определенных мировоззренческих структур обусловлена диалектико-материалистическим пониманием искусства как формы общественного сознания, т. е. формы, имеющей мировоззренческий характер.

Конкретизация и реализация этого плодотворного взгляда возможны при посредстве разработанной в эстетике системы категорий и понятий. Необходимо раскрыть содержательные эстетические характеристики определенного художественного явления и выяснить логику их взаимосвязи, т. е. выделить существенные стороны (состояния) явления и попытаться представить его как единое целое. Причем конкретное наполнение понятий, привычных для эстетики (например, идеал, прекрасное, трагическое, комическое и др.), находится в сложной опосредованной связи со всем строем представлений данной культуры. Так, например, первоначальный этап формирования идеала в новой белорусской литературе совершался в рамках кристаллизации поэтического начала. Природа идеального оказыва-

лась и социально-конкретной (выражением потребности свободного развития трудового народа) и нравственной (труд как основа подлинного, истинного человека). Идеальное представало, таким образом, антагонистом существовавшей буржуазно-помещичьей действительности и вместе с тем являлось оформлением новой цели, бывшей выражением реальных интересов трудового белорусского народа в дооктябрьское время, прежде всего его стремления к социальному и национальному освобождению.

При рассмотрении художественного явления важен сам факт наличия или отсутствия того или иного содержательного аспекта. Так, явление, характеризующееся развитым идеальным началом, которое не знает внутреннего движения, ориентировало на покоящееся состояние, а потому отстраняющееся от противоречивых сторон действительности (В. Дунин-Марцинкевич), выступает как примета прошлого в сравнении с художественной формой, ориентированной на трагические коллизии жизни, хотя сфера идеального в ней еще только начинает оформляться и занимает незначительное место (Ф. Богушевич).

Однако фиксация эстетических характеристик, обнаруживающих мировоззренческий смысл художественного явления, есть лишь статичное, бессистемное его описание, стройность и завершенность которого могут быть достигнуты лишь раскрытием специфического для данного явления принципа взаимосвязи присущих ему состояний. В белорусской литературе второй половины XIX — начала XX в. эта взаимосвязь покоится на доминанте одного из содержательных эстетических моментов (например, идиллически-нормативного у В. Дунина-Марцинкевича, трагического у Ф. Богушевича), но может строиться и на равноправности трагического и гармонически-идеального (Я. Купала). Доминантное состояние выступает как качественная определенность явления, которая окраивает его другие грани, но не исчерпывает их целиком. Сложность, неоднотипность доминанты оказывается приметой развитости явления, его зрелости. Период зрелости белорусской революционно-демократической литературы отмечен рельефным развертыванием ее характерных черт как своеобразного явления национальной культуры, их фиксацией в оболочке органического единства исследовательских, познавательных начал, ведущих к раскрытию трагических социальных противоречий XX в., и гармонически-созидательных идеальных принципов, выразивших поиски форм жизни и человеческих взаимосвязей, свободных от эксплуатации и угнетения. Вскрытие сущности и особенностей проявления исследовательских и идеально-позитивных возможностей исторически-конкретной формы искусства позволяет охарактеризовать ее мировоззренческую направленность и широту.

Процесс развития революционно-демократических идей выявил постоянно сохраненными ими содержательной определенности на всех этапах формирования. Единство трех ведущих проблем — народ, сво-

бода, человек — характеризует разные этапы становления революционно-демократической мысли. Такое постоянство есть следствие устойчивых ценностных ориентаций революционно-демократической идеологии, что отразилось на логике ее исторического развертывания. Несколько упрощая, можно сказать, что различие этапов обусловлено степенью оформленности и широты тех или иных сторон идейного содержания. Вместе с тем общая линия формирования свидетельствует о преимущественном развитии на начальных этапах принципов социальной критики, что в дальнейшем подкрепляется широким и рельефным выражением позитивной программы и социально-преобразующей устремленности.

* * *

Необходимость раскрытия мировоззрения белорусских революционных демократов в плане единства социального, нравственного и эстетического аспектов, а также взаимодействия познавательных и действенных, социально-критических и идеально-позитивных начал подготовлена исследованиями, в которых показаны существенные черты общественной позиции ряда представителей революционно-демократической мысли. В книге И. Н. Луццкого, посвященной развитию общественно-политической и философской мысли Белоруссии во второй половине XIX в., воссозданы исторические обстоятельства и атмосфера восстания 1863 г. в Белоруссии и Литве, показана деятельность выдающегося белорусского революционера-демократа К. Калиновского¹. Значительное место уделено в ней анализу взглядов Ф. Богусевича. В работе И. Н. Луццкого дан анализ идейных факторов и предпосылок, обусловивших развитие революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии, раскрыт процесс плодотворного влияния идей русских революционных демократов Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена на формирование воззрений белорусских революционных демократов. Революционная деятельность и идейная позиция К. Калиновского были предметом исследования А. Ф. Смирнова и Г. В. Киселева². А. Ф. Смирнов и Н. Н. Мохнач рассматривали особенности начального этапа формирования революционно-демократических идей³. В работах В. В. Чепко и С. М. Самбук дана характеристика общест-

¹ И. Н. Луццкы і кн. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку. Мінск, 1958.

² А. Ф. С м и р н о в. Кастусь Калиновский. Мінск, 1959; Г е н а д з ь К і с я л ё ў. Сейбіты вечнага. Мінск, 1963; Г е н а д з ь К і с я л ё ў. З думай пра Беларусь. Мінск, 1966.

³ А. Ф. С м і р н о ў. Франц Савіч. Мінск, 1961; Н. Н. М о х н а ч. Идейная борьба в Белоруссии в 30—40-е годы XIX в. Мінск, 1971.

венного движения в Белоруссии в 40—50-е годы XIX в. и в период восстания 1863 г.⁴

Идейная позиция белорусских революционных демократов охарактеризована И. Н. Луцицким и М. Н. Климовичем в коллективной работе «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», Н. С. Купчинным и Д. И. Широкановым в «Истории философии в СССР», И. Н. Луцицким, Р. В. Надольским, В. М. Кононом и автором этих строк в «Очерках истории философской и социологической мысли Белоруссии»⁵.

В последние годы появились работы, в которых рассматриваются проблемы эстетики белорусских революционных демократов. Революционно-демократическая позиция в области эстетики освещается в книге С. И. Карабана⁶. Ряд существенных вопросов развития революционно-демократической эстетической мысли (эстетика фольклора и эстетические принципы революционных демократов, проблема идеала и др.) исследован В. М. Кононом⁷. Вышла также работа, посвященная эстетике Я. Коласа⁸. Особо следует подчеркнуть ценность литературоведческих работ, в которых показан процесс формирования революционно-демократической белорусской литературы, для изучения революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии⁹.

⁴ В. У. Чапко. Палітыка царызму. Грамадскі рух у 1840—1850 гг. «Гісторыя Беларускай ССР», т. 1. Мінск, 1972, с. 583—592; С. М. Самбук. Паўстанне 1863 г. на Беларусі. «Гісторыя Беларускай ССР», т. 2. Мінск, 1972, с. 47—72.

⁵ Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 2. М., 1956, с. 650—669; История философии в СССР, т. 3. М., 1968, с. 515—522; т. 4. М., 1971, с. 650—653; Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии. Мінск, 1973, с. 323—375, 426—480.

⁶ С. И. Карабан. Очерки истории белорусской эстетической мысли и литературной критики. Мінск, 1971.

⁷ В. М. Конон. Демократическая эстетика Белоруссии. Мінск, 1971; Э. Дорошевич, Вл. Конон. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии. М., 1972.

⁸ А. С. Майхрович. Эстетические взгляды Якуба Коласа. Мінск, 1970.

⁹ Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры, т. 2. Мінск, 1969; Ю. С. Пшыркоў. Якуб Колас. Мінск, 1951; В. В. Барысенка. Францішак Багушэвіч і праблема рэалізму ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Мінск, 1957; С. Майхрович. Нарысы беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Мінск, 1957; М. Ларчанка. Па шляху рэалізму. Мінск, 1959; А. А. Семяновіч. Беларуская драматургія (дакастрычніцкі перыяд). Мінск, 1961; В. В. Івашнін. У истоков социалистического реализма. Мінск, 1963; Р. Бярозкін. Свет Купалы. Мінск, 1965; І. Я. Навуменка. Янка Купала. Духоўны воблік героя. Мінск, 1967; І. Я. Навуменка. Якуб Колас. Духоўны воблік героя. Мінск, 1968; М. М. Грынчык. Фальклорныя традыцыі ў беларускай дакастрычніцкай паэзіі. Мінск, 1969; М. А. Лазарук. Беларуская паэма ў другой палавіне XIX — пачатку XX стагоддзя. Мінск, 1970; М. Р. Ярош. Янка Купала і беларуская паэзія. Мінск, 1971; С. Х. Александровіч. Пудывіны роднага слова. Мінск, 1971; А. А. Лойка. Беларуская паэзія пачатку XX стагоддзя. Мінск, 1972; В. А. Каваленка. Вытокі. Уплывы. Паскоранасць. Развіддзі беларускай літаратуры XIX — XX стагоддзяў. Мінск, 1975.

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИОННО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Воссоединение Белоруссии с Россией в конце XVIII в. восстановило прерванную нить общности исторических судеб двух братских народов, имело важное значение для дальнейшего экономического, социально-политического и культурного развития белорусского народа. Включение Белоруссии в общерусскую хозяйственную систему вело к интенсификации процессов разложения феодально-крепостнических отношений, к постепенному развитию капитализма. Социально-экономическое развитие Белоруссии в первой половине XIX в. свидетельствовало о глубоком кризисе феодального способа производства, медленном, но неуклонном созревании нового, капиталистического общественного уклада. Социальная реальность переходной эпохи — обострение классовых противоречий феодального общества, формирование новых производительных сил, вступающих в конфликт со старыми производственными отношениями, — порождала значительные сдвиги в области духовной жизни. Объективный исторический процесс смены общественно-экономических формаций являлся основой возникновения новых идеологических течений, выражавших ведущие тенденции общественного развития. В русле таких кардинальных перемен в общественной жизни совершалось зарождение и развитие революционно-демократической идеологии.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В освободительном движении и общественной мысли Белоруссии первой половины XIX в. находят своеобразное переплетение основные тенденции общественно-политического движения в России того времени с устремлениями и идеями польского национально-освободительного движения, имевшего, по определению В. И. Ленина, «гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»¹. Участники одного из первых в Белоруссии тайных обществ — филоматы своими программными требованиями провозглашали те же антикрепостнические и антисамодержавные идеи, что и русские дворянские революционеры. Движение декабристов имело весьма значительный отклик в Белоруссии². В идеологии и практике возникавших в Белоруссии революционных организаций соединялись идеи декабристов и идеи польского национально-освободительного движения, наиболее прогрессивные представители которого связывали национально-освободительные задачи с решением социальных проблем. В 30—50-е годы XIX в., когда в общественно-политическом движении и общественной мысли России оформляется революционно-демокра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

² П. Н. Ольшанский. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.

тическое направление (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, петрашевцы), развертывается чрезвычайно важный и благотворный для развития общественно-политической и философской мысли Белоруссии процесс влияния идей русской революционной демократии. Идеи Белинского, Герцена, Огарева нашли широкий отклик во всей России, в том числе и Белоруссии. Распространению в Белоруссии революционно-демократических и социалистических идей содействовали некоторые члены кружка М. В. Петрашевского³. Немалое воздействие на формирование прогрессивной общественной мысли Белоруссии первой половины XIX в. имела философско-историческая концепция известного польского историка И. Лелевеля, отстаивавшего принцип социального детерминизма, взгляд на историю как закономерный процесс, в котором решающую роль играют народные массы. Лучшие идеи И. Лелевеля были восприняты участниками освободительного движения в Белоруссии, стремившимися следовать им на практике (М. Волович).

В общественной мысли Белоруссии первой половины прошлого века еще весьма значительными были позиции просветительской философии и социологии. Идеи Просвещения оказали глубокое воздействие на формирование мировоззрения участников тайных обществ 20—40-х годов XIX в., выдвигавших задачи ликвидации крепостничества и свержения самодержавия. Члены общества филоматов (1817—1823 гг.), «Демократического общества» (1836—1838 гг.), «Содружества польского народа» (1835—1838 гг.), Минской тайной организации (1848—1849 гг.), «Братского союза литовской молодежи» (1848—1849 гг.) объективно выражали тенденции буржуазно-демократического характера.

Ведущую роль в освободительном движении Белоруссии второй четверти XIX в. играли представители польского и ополяченного местного дворянства. Польские шляхетские революционеры стремились к осуществлению национально-освободительных задач, и лозунг борьбы с деспотизмом означал прежде всего призыв к борьбе с самодержавием за восстановление независимого польского государства в границах 1772 г. В этой борьбе, по мнению шляхетских революционеров, должны были объединиться все сословия, все социальные группы. Проповедь классового мира, идея исключительности роли шляхты, игнорирование социальных проблем были выражением мировоззренческой ограниченности шляхетских революционеров, свидетельством узости той социальной почвы, на которую они опирались. Вместе с тем следует учитывать факт формирования в 40-х годах революционно-демократической идеологии в Польше (С. Ворцель, Э. Дембовский). Наиболее радикальные участники польского национально-освободительного движения выдвигали на первый план

³ История Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, с. 287.

социальные проблемы, прежде всего аграрные, стремились к превращению национально-освободительного движения в антифеодальную крестьянскую революцию. Такой, например, была позиция польского революционного демократа Э. Дембовского.

Среди участников освободительного движения в Белоруссии 30—40-х годов значительный удельный вес составляла обедневшая шляхта, по своему социальному положению мало чем отличавшаяся от белорусского крестьянства. Этот в сущности разночинный слой в польском освободительном движении становился выразителем тенденций, вступающих в противоречие с задачами, выдвигавшимися шляхетскими революционерами. Тесно связанные с жизнью и устремлениями белорусского крестьянства, испытавшие все тяготы существования на нижней ступени социальной лестницы представители этого разночинного слоя оказывались носителями радикально-демократической точки зрения на самодержавно-крепостнические отношения как систему угнетения одними социальными слоями других, прежде всего как систему угнетения народа, крестьянства царем и помещиками. В 30—40-е годы XIX в. пока еще спорадически М. Волович, Ф. Савич, Ю. Бокшанский и другие выдвигали идеи революционно-демократического характера⁴. Особенно показательна в этом отношении деятельность Ф. Савича, идейное развитие которого свидетельствует об отходе от шляхетской революционности и поисках революционно-демократических форм и методов борьбы. Ф. Савич, как писал М. Ловицкий, «часто посягал на лютую ненависть помещикам: всех повесить, всех вырезать»⁵. Деятельность Ф. Савича, Ш. Конарского и других наиболее радикальных представителей «Содружества польского народа», а позже Ю. Бокшанского свидетельствовала о нарастании и усилении демократических тенденций в шляхетском национально-освободительном движении, охватывавшем в 30—60-е годы Белоруссию.

Придя к выводу о необходимости крестьянской революции, Ф. Савич вместе с тем разделял многие идеи шляхетских революционеров (просветительские устремления, иллюзии относительно нравственного перерождения дворянства, польский мессионизм). В целом представители радикально-демократического крыла в охватывавшем Белоруссию польском национально-освободительном движении, постепенно отходя от шляхетской революционности, тем не менее сохраняли черты двойственности мировоззренческой позиции. Сильные стороны их программы — необходимость крестьянской революции, идея интернационального единства народов России, Польши, Белоруссии и Литвы в борьбе против самодержавно-крепостнических порядков —

⁴ А. Смирноў. Франц Савіч. Мінск, 1961; А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. М., 1962; Н. Н. Мохнач. Идеиная борьба в Белоруссии в 30—40-е годы XIX в. Мінск, 1971.

⁵ «Русский архив», 1909, № 4, с. 547—548.

способствовали формированию революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии.

Процесс постепенного вытеснения дворянской революционности разночинно-демократической в целом завершается к началу 60-х годов XIX в. «Падение крепостного права,— писал В. И. Ленин,— вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической бесцензурной печати в частности»⁶. Именно в новый, разночинный этап освободительного движения революционно-демократическое направление в общественной мысли Белоруссии получает отчетливую идейную оформленность, решительно отмежевывается от либерально-реформаторских тенденций и становится самостоятельным течением общественно-политической и философской мысли. Деятельность наиболее радикальных представителей освободительного движения и общественной мысли Белоруссии второй четверти XIX в., таких, как М. Волович, Ф. Савич, Ю. Бокшанский, выдвигавших идеи революционно-демократического характера, способствовала развитию социальной философии революционной демократии. Однако только революционная и публицистическая деятельность одного из руководителей восстания 1863 г. в Белоруссии и Литве К. Калиновского и его соратников знаменовала собою утверждение идеологии крестьянских революционных демократов как определенной системы идейных, мировоззренческих принципов, ставших основой практического революционного действия.

Революционно-демократическое направление в общественной мысли Белоруссии возникло на конкретной социальной почве, в условиях резкого обострения противоречий феодально-крепостнического общества. Его зарождение и развитие совершались под благотворным влиянием освободительного движения и передовой общественной мысли России и Польши, а также под воздействием буржуазно-демократического и частично рабочего революционного движения и прогрессивных философских, социологических и социалистических течений Западной Европы конца XVIII — первой половины XIX в.

В процессе усиления антифеодальной борьбы, роста крестьянского движения против крепостнических порядков было закономерным появление философии и социологии революционной демократии — такого идеологического течения, представители которого поднялись до высшей, революционной формы неприятия самодержавно-крепостнических отношений, выдвинули задачу коренного преобразования общественного строя в интересах трудящихся масс. Идея крестьянской революции, отстаивание насущных социальных потребностей трудящихся масс, борьба против существовавшего антинародного самодержавно-крепостнического строя и стремление к установлению такой общественной организации, в которой трудящиеся массы зай-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

мут центральное, ведущее место, составили основу идеологической программы белорусских революционных демократов.

Совокупность общественно-политических, социально-экономических и идейных факторов обусловила утверждение революционно-демократической тенденции в общественной жизни Белоруссии. Условия крайнего обнищания противоречий феодально-крепостнического общества, возникновение революционной ситуации накануне отмены крепостного права способствовали дифференциации различных социальных сил и групп в общественной жизни, ускорили переход напуганных ростом крестьянского движения либералов на откровенно охранительные позиции. Именно тогда произошло оформление общественно-политической позиции революционных демократов как последовательных защитников интересов крестьянства в борьбе против крепостников.

Положившая начало эпохе капиталистического развития в России буржуазная по своему характеру реформа 1861 г. была проведена господствующим классом и оставила нетронутыми многочисленные остатки крепостничества в общественной жизни России, прежде всего такие, как самодержавие, помещичье землевладение, политические привилегии дворянства. Боровшихся за полное уничтожение крепостнических отношений крестьян не могла удовлетворить грабительская реформа. Обнародование «Положений» 19 февраля привело лишь к усилению крестьянского движения. Антифеодальная борьба в Белоруссии соединялась с национально-освободительным движением и приобретала особую остроту. Вспыхнувшее в Белоруссии и Литве восстание 1863 г. носило буржуазно-демократический характер, было направлено против социального и национального угнетения.

В период восстания 1863 г. белорусские революционные демократы во главе с К. Калиновским выдвинули самостоятельную идеологическую программу; произошло последовательное размежевание их с польскими шляхетскими революционерами. Будучи организационно связанной с польским национально-освободительным движением, деятельность К. Калиновского в период подготовки и проведения в Белоруссии и Литве восстания 1863 г. по своим целям и задачам, по методам борьбы решительно преодолела ограниченность шляхетской революционности и приобрела последовательную революционно-демократическую направленность.

Восстание 1863 г. способствовало пробуждению национального самосознания белорусского народа. К этому периоду относится возникновение национального движения в Белоруссии. Это движение не было социально однородным, в нем противоборствовали различные течения: либерально-дворянское (а позднее либерально-буржуазное) и революционно-демократическое. Виднейшим представителем либерально-дворянского течения в национальном движении 60—70-х годов XIX в. был В. Дуниц-Марцинкевич. Выдающийся белорусский революционный демократ К. Калиновский и его последователи в про-

тивоположность консервативным утопическим стремлениям дворянских либералов к установлению социальной гармонии между помещиками и крестьянами выдвигали идею социальной и национальной свободы трудового белорусского народа, путь к достижению которой лежал через революционную борьбу против буржуазно-помещичьей системы.

Таким образом, возникновение революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии в идеологическом отношении означало решительное отмежевание, с одной стороны, от позиции польских шляхетских революционеров, ставивших на первый план национально-освободительные задачи и игнорировавших социальные проблемы, а с другой, от классово-примиренческой либеральной тенденции в белорусском национальном движении.

Чрезвычайно важным фактором, способствовавшим оформлению революционно-демократической идеологии в общественно-политической и философской мысли Белоруссии начала 60-х годов XIX в., было восприятие идей русских революционных демократов. Следует подчеркнуть, что со второй половины XIX в. значительно усиливается процесс воздействия русского освободительного движения и социальной мысли на общественное движение в Белоруссии. Идеи русских революционных демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, которые последовательно и решительно выступали в защиту интересов крестьянства, разоблачали антинародную сущность самодержавно-крепостнических общественных порядков, утверждали идею крестьянской революции, горячо воспринимались их сторонниками в Белоруссии. Идеологическая программа «Современника» оказала плодотворное влияние на процесс формирования мировоззрения К. Калиновского. В период учебы в Петербурге он поддерживал тесные связи с революционным обществом, которое возглавлял С. Сераковский, друг Н. Г. Чернышевского. Важнейшие положения революционно-демократической программы К. Калиновского созвучны идеям Н. Г. Чернышевского. Издававшаяся К. Калиновским совместно с В. Врублевским и Ф. Рожанским «Мужыцкая праўда» обнаруживает поразительную близость со многими лучшими образцами русской революционно-демократической литературы, в частности с известной прокламацией Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон!» Как верно отмечали исследователи (И. Н. Лушицкий, А. Ф. Смирнов, Г. В. Киселев), эта близость не была результатом прямого заимствования, а являлась следствием глубокого внутреннего, идейного родства белорусских революционных демократов с выдающимися представителями русской революционной мысли ⁷.

Как выразители интересов трудовой крестьянской массы, идей наивно-уравнительного крестьянского социализма белорусские рево-

⁷ Г. Кісялёў. Сейбіты вечнага. Мінск, 1963, с. 70.

люционные демократы особенно обостренно восприняли направление развития социологических идей русских революционных демократов, которое связано с критикой эксплуататорской общественной системы и идеями утопического социализма.

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОГО РЕФОРМАТОРСТВА

Революционно-демократическое направление в общественной мысли Белоруссии утверждалось в борьбе с различными охранительными и консервативными устремлениями. Это отразилось на общем характере революционно-демократической идеологии; момент полемического противопоставления присущ важнейшим положениям программы революционных демократов. Особое значение в этой идеологической борьбе приобретало развенчание социально-примиренческой позиции дворянских либералов, стремившихся обосновать возможность достижения согласия между помещиками и крестьянами.

Устремленная в прошлое социально-примиренческая либерально-дворянская программа выдвигала на первый план абстрактно трактуемые нравственные принципы, которые выступали как средство объяснения и основа упорядочения действительности и прежде всего сферы социальных отношений. Несколько запоздалое оформление в общественной жизни Белоруссии идеологии либеральных кругов дворянства в 50—60-е годы XIX в., когда происходило крушение шляхетской революционности и выход на арену социального действия крестьянских революционных демократов, привело к крайне двойственному и противоречивому сочетанию классово-примиренческих иллюзий с некоторыми новыми, демократическими веяниями, хотя иерархически-сословный дух, пусть даже поднятый на ступень просветительства и заботы о «ближних» своих — крестьянах, оставался доминирующим. Такая социальная программа наиболее полно была выражена В. Дуниным-Марцинкевичем.

Чуждые плоской реакционной апологетики попытки лучших представителей просвещенного белорусского дворянства осознать коренные перемены в социальной жизни — надвигающуюся ломку старых феодально-крепостнических отношений, утверждение капиталистических методов хозяйствования и основанных на чистогане принципов буржуазной морали — из-за отсутствия социальной перспективы и исторического мышления не поднимались выше идеализации патриархальных форм жизни и сопутствующих им «простых» нравственных норм, считавшихся вневременными, общечеловеческими образцами отношений между людьми. С позиций идеализированного прошлого велась и критика буржуазной морали.

Гиперболизация роли абстрактно-гуманистических идей в общественной жизни выразилась у В. Дунина-Марцинкевича в выдвижении широкой культурно-просветительской программы, реализация которой должна была содействовать общественному благополучию.

Утопические в социально-реформаторском отношении просветительские задачи оказались тем не менее почвой осознания задач формирующейся новой белорусской литературы, а также истоком реальных шагов в этом направлении. Социальная ориентированность такой литературы была двойственной: она обращалась одновременно к помещику и простому крестьянину, стремясь утвердить идею классового компромисса. Вместе с тем В. Дунина-Марцинкевич ввел в литературу представителя трудового народа, стремился воссоздать образ белорусского крестьянина. И хотя интерес писателя к народной жизни был ограничен узкими, патриархально-идиллическими рамками, подобная устремленность его внимания приобретала демократическую окраску.

Общественная и эстетическая позиция В. Дунина-Марцинкевича отличалась крайней противоречивостью. Патриархально-примиренческие иллюзии уживались у него с искренним сочувствием трудовому народу, глубоко консервативное стремление содействовать гармонии непримиримых классовых противоречий соседствовало с гуманистической идеей служения простому народу, идеей, хотя и оставшейся в границах просветительства, но выразившей назревшую общественную потребность в существовании национальной школы, в развитии форм белорусского искусства, выходящих за рамки фольклора и анонимных устных и рукописных произведений.

Мировоззрению В. Дунина-Марцинкевича присущ по преимуществу абстрактный нравственно-эстетический характер, оно пронизано тенденцией к отысканию и утверждению гармонических взаимосвязей как в сфере социальных отношений, так и в области культуры, морали, национальной жизни. Основой, на которой возможны такие типы устойчивого гармонического единства, Дунина-Марцинкевич считал патриархальные отношения.

Ориентация на прошлое как источник идеализированных форм отношений между людьми соединялась со стремлением к идеальному настоящему, возможность существования которого ставилась в зависимости от степени реализации почерпнутых из прошлого образцов. Попытка реставрации идеализированного прошлого обусловила тенденцию к пониманию Дуниным-Марцинкевичем бытия как покоящегося, упорядоченного, гармонически завершенного. Соответственно этому содержание категории «идеал» находилось в прямой зависимости от наличия элемента абсолютной устойчивости, возникающей в результате согласия приходящих к единству начал, противоположность которых не считалась их определяющей характеристикой, будто сфера непримиримых классовых противоречий или область морали, единой и неразрывной в представлении Дунина-Марцинкевича. Попытки устойчивой, покоящейся гармонии были реакцией на конкретно-исторические условия кризиса феодально-крепостнической системы, когда нависла угроза разрушения старого уклада жизни. Как стремление отвести эту угрозу возникает попытка реставрации

утраченной под напором капиталистических отношений простой и естественной патриархальной гармонии. Тенденция упорядочения существующего доминирует у Дунина-Марцинкевича. Он стремился видеть действительность организованной, завершено покоящейся. Действительность незавершенная, находящаяся в становлении, противоборстве разных начал, оказывается вне поля зрения Дунина-Марцинкевича.

Вместе с тем нельзя утверждать, что Дунин-Марцинкевич совершенно отстранялся от дисгармоничных, противоречивых проявлений действительности. Один из его важнейших мировоззренческих принципов — принцип гармонического единства обнаруживает не только нравственно-эстетический подход к окружающему. Стремление к достижению единства, согласия могло возникнуть лишь на основе выделения тех начал, которым следует прийти к единению. Тем самым наличие дисгармонии достаточно определенно осознавалось. Однако суть проблемы в том, что нацеленность на принцип гармонического единства, являясь скрытой формой признания факта существования противоречий, делает акцент на возможности примирения начал, приводящихся к согласию. Однако предварительно эти начала идеализируются, ибо в своем подлинном, реальном виде они несовместимы. Противоречия, по сути не осознаваясь таковыми, снимаются гармонией. Убежденность в возможности ее достижения была единственной духовной опорой представителя уходящего в прошлое класса.

Очищение действительности от противоречий и конфликтов, уменьшение роли познавательного начала в области эстетики вели к утверждению и обоснованию дореалистической формы искусства. Логике «самодвижения» идейно-образной системы, отражающей объективный жизненный процесс, Дунин-Марцинкевич стремился подчинить идеальному целесообразному началу. Конструируется такое понятие о действительности, выдвигается такая ее концепция, которая соответствует идеальной целевой посылке. Отсюда вытекает и рационалистическое понимание художественного творчества как конструирования, как средства выражения и утверждения определенных идей, т. е. доминирует своего рода утилитарный подход к искусству.

В области социальной жизни принцип гармонического единства стал утверждением и обоснованием идеи классового солидаризма. Дунин-Марцинкевич был далек от безоговорочного оправдания существующего. Он осознавал, что среди крестьян «укоренен с детства взгляд против панов»⁸. Для него даже несомненны реальные основания для такой враждебности. Он изображает работающих на помещика крестьян, которые «шлют проклятия..., поглядывают искоса, что живешь их трудом, сытый во дворце»⁹.

Однако Дунин-Марцинкевич склонен оценивать это лишь как

⁸ В. Ду н и н - М а р ц и н к е в и ч. Збор твораў. Мінск, 1958, с. 215.

⁹ Там же, с. 224.

факт, не видя в подобных фактах выражения социальной противоречивости общественного устройства того времени. Тем не менее он остро ощущал антигуманность общественного состояния, при котором одни работают, а другие лишь пользуются благами труда своих подданных. Но это не вело Дунина-Марцинкевича к радикальным выводам. Не приемлются лишь крайности, злоупотребления в отношении крестьян, но прежде всего по абстрактно-гуманистическим соображениям, а не с высоты широких социальных обобщений. Устранение крайностей оказывается путем к искоренению зла, носителями которого выступают преимущественно лишь плохие посредники между помещиками и крестьянами — управляющие, экононы. Это один аргумент Дунина-Марцинкевича. Другой связан с попытками представителя класса, не имеющего будущего, нащупать реальную почву, подтверждающую возможность достижения классового согласия. Отсутствие исторической перспективы могло породить лишь обращение к прошлому; это обращение было неотделимо от идеализации его, шедшей в типичном для писателя нравственно-эстетическом плане, что в конечном счете вело к идеализации норм патриархальной морали. Тем самым социальное противоречие растворялось в нравственной сфере, социальные отношения трансформировались во взаимосвязи большой патриархальной семьи, отцов и детей.

Дунина-Марцинкевич воспринимал действительность сквозь призму широких абстрактно-эстетических понятий «гармония» и «дисгармония». Понятия эти не обладают самостоятельностью: первое призвано преодолеть, подчинить второе. Противоположные начала должны быть соединены, а это оказывается возможным лишь путем низведения дисгармонии на ту идеальную почву, на которой исчезает всякая враждебность. Это — почва патриархальных отношений.

Однако даже идеализация норм патриархальной морали, стремление толковать их расширительно не скрывают лежащего в основе подобной тенденции сословного подхода к окружающему. Аналогично функциям внутри патриархальной семьи в сфере социальных отношений помещики призваны управлять и заботиться о своих подданных («Шукай пацехі сярод подданих; будзь для іх бацькам і аса-лодай») ¹⁰, а крестьяне — повинуватся і прылежно работат («Гнацца за ізбыткам, дзетачкі, не грэба! Хваліць толькі бога, шыра працаваці, любіць добрых паноў ¹¹, маўляў родных браці. Вось вашае дзела») ¹². Верховные, регулирующие функции принадлежат «вер-

¹⁰ В. Ду н і н-М а р ц і н к е в і ч. Збор твораў, с. 31.

¹¹ Писатель не говорит о том, что всякого пана нужно любить. Всеобщепри- миренческий призыв у него совершенно отсутствует. Дунина-Марцинкевич видел, что помещики далеки от того образа доброго пана, которого он стремился нарисовать в своих произведениях. Но в зависимости от того, насколько сами помещики сумеют переродиться в нравственном отношении, будет зависеть и облик общества, считал Дунина-Марцинкевич.

¹² В. Ду н і н-М а р ц і н к е в і ч. Збор твораў, с. 187.

лу», «пиз» лишен всякой активности и есть лишь объект управления и воздействия.

Обращение к прошлому, его идеализация были выражением тенденции сохранения рушившихся патриархальных устоев и неприятия утвердившихся капиталистических отношений и буржуазной морали. Обретение утраченных моральных ценностей становится единственным средством спасения от всеобщей враждебности и распада.

Очевидности социального антагонизма, обнажающего факт существования верхов за счет народа, Душин-Марцинкевич стремился противопоставить деятельность просвещенных помещиков на благо крестьян. Это деятельность культурно-просветительская: организация национальных школ, создание литературы на белорусском языке. Успехи в этом направлении должны уравновесить существующее неравенство. «Наше несчастливое прошлое,— писал В. Душин-Марцинкевич в письме к И. Крашевскому,— привело крестьянский люд к упадку... Время уже... осознать это и, организуя школы, приюты и принося иные жертвы, стремиться этих младших братьев своих, которые могут быть благодарными, прижать к сердцу и для всеобщего добра с ними крепко объединиться»¹³. Особую роль в осуществлении этой задачи призвана сыграть литература на белорусском языке, обращающаяся к помещику и крестьянину, проповедующая идеальное состояние общества, в котором сохранены формы простых и доброжелательных патриархальных отношений.

Касаясь истоков своей литературно-художественной деятельности, Душин-Марцинкевич писал: «Живя среди народа, который разговаривает по-белорусски, проникнутый строем его мыслей, мечтая о доле этого братского народа, онемевшего с детства от неучения и темноты, решил я для приобщения его к просвещению в духе его обычаев, преданий и умственных способностей писать на его собственном наречии»¹⁴. Необходимость «приобщения к просвещению» и морального совершенствования постоянно подчеркивал Душин-Марцинкевич. Идея полезности искусства, его воспитательного значения, важная и необходимая в целом, была в то же время заключена в рамки конкретных идеологических задач, сущность которых позволяет говорить о достаточно узком социально-утилитарном подходе к литературе. Пробуждение народа к потребностям духовной жизни рассматривалось Душиным-Марцинкевичем как необходимый шаг внутреннего развития, который сделает реальным утверждение нравственных представлений, выступающих в качестве образца отношений между людьми, прежде всего между помещиком и крестьянином. Достижение этой цели в значительной степени зависит от самих помещиков, от того, насколько они будут способствовать укоренению этих нравственных представлений.

¹³ В. Душин-Марцинкевич. Збор твораў, с. 416—417.

¹⁴ Там же, с. 416.

В условиях повсеместной неграмотности даже произведения на белорусском языке могли оказаться доступными народу лишь через посредство просвещенных помещиков. В предисловии к «Литературным хлопотам» Дунина-Марцинкевич рисует идиллическую сцену: хорошо воспитанная пани читает крестьянам, собравшимся в праздничный день, отрывки из книг. Писатель подчеркивает как новый сам принцип духовного общения противоположных социальных слоев, в результате чего крестьяне узнают, что «помещики описывают их обычаи и интересуются их долей»¹⁵. Абстрактно-просветительский характер позиции Дунина-Марцинкевича, ее социальная ограниченность нашли здесь свое отчетливое выражение. Почва духовности оказывается нейтральной и всеобщей, вступление на нее становится формой разрешения жизненных противоречий. Но это не в полном смысле почва познания, а скорее лишь область нравственных предписаний. Дунин-Марцинкевич даже формулирует противоположность этих устремлений: «Лучше знать немного, но всегда быть благочестивым»¹⁶.

Позиция Дунина-Марцинкевича как выразителя процесса становления национального самосознания белорусского народа не отличается достаточной четкостью. Двойственность писателя в национальном вопросе с особой очевидностью выявилась в его двуязычных произведениях, в которых помещики говорят по-польски, крестьяне — по-белорусски. Соответственно этому национальная определенность («народ») понимается прежде всего как наличие языкового единства, охватывающего все социальные слои. Белорусский язык Дунина-Марцинкевич считал «крестьянским», языком простого народа. Поэтому Белоруссия не является для него самостоятельной в национальном отношении, оказывается территориально-этнографической, а не национальной целостностью. Притягательная сила Белоруссии видится в сохранении «лучшего» из минувших времен. В «Литературных хлопотах» одна из частей названа «Путешествие в Белоруссию». Это путешествие в ту идеализированную страну, где царят отношения братства, любви, гостеприимства. Там «старопольское» и «белорусское» выступают как идентичные, однопорядковые обозначения. А национальные отношения как таковые, как отношения народов, например белорусского и польского, не осознаются Дуниным-Марцинкевичем. Белоруссия, какой ее хотел видеть Дунин-Марцинкевич, предстает краем, где старопольско-белорусское дворянство объединено с белорусским патриархальным крестьянством, образуя идеальное самобытное единство. Такая социально-национальная идеализаторская тенденция была всецело утопической. Реальное же, истинное значение обрела патриотическая привязанность Дунина-Марцинкевича к родному краю.

¹⁵ В. Ду н і н-М а р ц і н к е в і ч. Збор твораў, с. 275.

¹⁶ Там жа, с. 191.

Общая идея социальной гармонии помещика и крестьянина тесно переплеталась со взглядом Дунина-Марцинкевича на судьбы культуры. Утверждение Дуниным-Марцинкевичем самобытного характера культуры Белоруссии опиралось на реальные черты духовного богатства белорусов, нашедшего воплощение во всем складе мировоззрения народа, в его преданиях, песнях, обычаях, укладе быта. Вместе с тем культурная самобытность Белоруссии связывается у Дунина-Марцинкевича не только с характером народной поэзии и особенностями уклада быта, но также неотделима от цели идеализаторских устремлений мыслителя и писателя, мечтающего о гармоническом устройстве общества. Тенденция классового солидаризма получает у Дунина-Марцинкевича высшее обоснование потребностями духовного, культурного порядка. Проблема культурной определенности Белоруссии решается как единство, синтез двух культур — дворянской и народной. Первая принесет высокий уровень духовности, вторая станет основой самобытности. Подобное единство дворянской и народной культур, считал Дунин-Марцинкевич, будет новой белорусской культурой. Идея культурной самобытности получила у Дунина-Марцинкевича отчетливый консолидирующий характер, противопоставлялась слепой подражательской ориентированности аристократической верхушки на культуру, язык, нравы Запада.

Дунин-Марцинкевич не мыслил иного состояния общества, кроме такого, в котором помещики и крестьяне объединились бы в одной семье для общего блага. Необходимой предпосылкой такого объединения выступает духовно-нравственное совершенствование человека. Выдвигаемый в качестве образца тип человека, несущий обязательные черты идеализируемой патриархальной морали и идеализируемых патриархальных отношений, распадается на две разновидности. Одна из них связана с идеализированным образом просвещенного помещика, другая — с идеализированным образом крестьянина, носителем патриархальных добродетелей.

Писатель хотел бы видеть в своем излюбленном человеческом типе гуманного помещика наиболее полное воплощение широко понимаемой «человечности», которая объединяет высокую нравственную культуру, образованность и возвышенные идеальные побуждения содействовать благу простого народа. Отклонения от высших добродетелей патриархальной морали, трактуемой в общечеловеческом духе, в духе братского единения всех людей, усматривались в индивидуалистической позиции. Эти отклонения фиксировались как разрыв «сердца» и «разума», нравственности и знания. В данном случае Дунин-Марцинкевич оставался в границах противопоставления патриархальной морали буржуазной, синонимом которой выступал торгашеский «разум». Поэтому писатель так настойчиво подчеркивал, что нельзя обращать внимания на богатство человека, а прежде всего следует видеть его «сердце» и «славу у людей».

Проблема личности если и осознавалась В. Дуниным-Марцинке-

вичем (разумеется, речь идет прежде всего о просвещенном дворянстве), то никогда не рассматривалась в плане ее самоценности, а лишь в прямой, паглядной связи с интересами общего, целого. Дуин-Марцинкевич постоянно подчеркивал важность органической связи человека с интересами общего, целого, с другими людьми, рождающей деятельность во имя общего блага. Однако объективная оценка усилий человека определяется характером, сущностью этого общего блага. «Человечность» идеального образа помещика у Дуина-Марцинкевича могла обнаруживаться лишь в формах патриархальной простоты, естественности и натуральности, которые давали не только оболочку, но и наполняли определенным социальным содержанием тот «общий интерес», которому были подчинены и устремления человека. А ведь проблема человека, связываемая с процессом формирования индивидуальности, личности, включает в себя как необходимый момент преодоление рамок «естественности», «натуральности», что ведет к противоречиям и конфликтам. Однако Дуин-Марцинкевич стремился избежать всяких противоречий, тем более противопоставления человека и среды. Поэтому и активность его идеального, гуманного и образованного помещика оказывалась активностью чисто абстрактного гуманизаторски-просветительского плана. Собственно, неоправданность своих надежд в отношении помещиков признал и сам Дуин-Марцинкевич, который в предисловии к переводу «Папа Тадеуша» писал, что его деятельность не нашла поддержки «среди тех богатых людей нашей сторонки, которые... должны были помочь открыть темному народу глаза»¹⁷.

На трактовке образа крестьянина, представителя трудового народа, также проявилась патриархально-идеализаторская тенденциозность Дуина-Марцинкевича. Идеализированный образ крестьянина призван был стать иллюстрацией патриархальных добродетелей. И если писателю удалось показать некоторые реальные черты народного характера, то это произошло вопреки патриархальной тенденциозности.

Объективно гиперболизация патриархальных взаимосвязей вела по сути к снятию проблемы «человек и общество», к замене ее проблемой человеческих (нравственных) отношений, но рассматриваемой прежде всего в рамках патриархальной семьи и с позиции ее утверждения. Оказалось, что Дуина-Марцинкевича привлекает более всего момент взаимосвязи людей, чем человек как таковой, что поиски начал общности, цементирующих ее основополагающих доминируют над интересом к отдельному человеку. Получается, что, с одной стороны, расширительно трактуемые человеческие отношения становятся в форме патриархальной семьи моделью будущего общественно-го устройства, с другой же, содержание и внутренний смысл, оправдание человека как такового целиком исчерпываются принципом все-

¹⁷ В. Дуи н-Ма р ц и н к е в и ч. Зб о р т в о р а ъ, с. 370.

общего блага, выдвигающего на первый план устойчивость и единение в гармонии противоположных классов. Поэтому даже та активность, которая приписывается представителям просвещенного дворянства, не есть живая индивидуально-самостоятельная активность, она носит характер внешнего по отношению к человеку нормативного предписания. Проблема свободы тем самым переносится в сугубо нравственную сферу. Причем важнейшее у Дунипа-Марцинкевича требование внутреннего «выправления», «совершенствования» оказывается лишенным самостоятельно-творческого начала, ибо конечная цель «совершенствования» заранее известна и выдвинута в качестве идеального образца. Представители парода также включены в идиллически-нормативный образец идеального состояния-блага, причем для крестьянской семьи это состояние выступает на достаточно ограниченном, натурально-первичном уровне.

В период развертывания широкого демократического движения, обострения непримиримых общественных противоречий идеал патриархальной гармонии обнаружил свое резкое несовпадение с интересами будущего. Попытки гармонического упорядочивания действительности, прежде всего сферы классовых отношений, консервативно-охранительные по своему социальному характеру, утопические с точки зрения подлинного процесса развития общества, предпринимаемые в условиях наступления капиталистических порядков, ломки старых феодальных устоев, свидетельствовали об отсутствии исторической перспективы, о бесплодных попытках противостоять ведущим тенденциям в социально-экономической, политической и духовной жизни, настоятельно утверждавших демократические, разночинные круги субъектом общественного действия.

Глава 2

„МУЖИЦКАЯ ПРАВДА“

К. КАЛИНОВСКОГО

Процесс формирования революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии во второй половине XIX в. включает два этапа. Первый связан с деятельностью К. Калиновского, второй — представлеи творчеством Ф. Богусевича и его последователей. Два эти этапа — отражение процесса развития самосознания трудового белорусского народа, выражение его коренных социальных, политических и духовных потребностей.

Основу общественно-политической программы выдающегося белорусского революционера-демократа, политического деятеля и публициста Кастуся Калиновского (1838—1864 гг.) составило утверждение идеи могущества трудового народа, выражение силы и самостоятельности трудящихся масс и типичного их представителя — человека труда, крестьянина-труженика. отстаивание прав трудового белорусского народа как самостоятельного субъекта общественной жизни, последовательная и бескомпромиссная борьба за социальное и национальное освобождение народных масс определили пафос деятельности К. Калиновского. Беспощадная критика общественных порядков того времени, призыв к единству всех людей труда в борьбе против царя и помещиков стали основанием революционно-демократической идеологии, в которой осознание общности коренных интересов людей труда сочетается с практической действительностью, с пониманием значения вооруженной борьбы как единственного средства достижения свободы народа.

Социальная программа революционного демократизма была первой в общественной жизни Белоруссии подлинно широкой гуманистической программой, потому что центральное место в ней занимал трудовой народ, крестьянство по преимуществу, и именно осуществление коренных социальных и национальных требований всех людей труда выдвигается важнейшей общественной задачей и целью. Не свободная от наивно-уравнительных утопических элементов, от абстрактно-правственной и упрощенной, сохраняющей уровень утилитарно-практической наглядности трактовки явлений общественной жизни социально-политическая программа революционных демократов выражала интересы трудящихся масс — ведущей силы общественного развития. Широта социальной основы крестьянского демократизма определила значение и высоту гуманистического пафоса революционно-демократической идеологии, в которой бескомпромиссность выступления против всякого рода эксплуататоров, паразитирующих на труде народа, призыв к вооруженной борьбе, тенденция к уничтожению существующих форм экономической и социальной зависимости человека труда органично слиты с раскрытием места и значения трудящихся масс в жизни общества как создателей всех духовных и материальных ценностей, с высокой идеей истинности, подлинности человека труда, с устремленностью к такому будущему состоянию общества, в котором люди труда занимали бы центральное, ведущее место.

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ. ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Стремление содействовать процессу все возрастающей активности и самостоятельности трудящихся масс белорусского народа, прежде всего трудового крестьянства, — одна из центральных тенденций «Мужицкой правды» К. Калиновского, его «Писем белорусскому народу из-под виселицы», «Приказа... народу земли литовской и белорусской». Эти важнейшие революционно-демократические документы — воззвания периода восстания 1863 г. порождены ощущением назревающих перемен в общественной жизни, наполнены страстным желанием активно содействовать консолидации сил трудового белорусского народа, стремлением вдохновить его на революционную борьбу против царя и помещиков.

Трудовой белорусский народ и его типичный представитель — крестьянин-труженик призываются к активной общественно-исторической деятельности как сила, до сих пор скованная всей существующей системой общественных отношений и зависимостей, а теперь начинающая подниматься к осознанию своего положения и своих коренных социальных, экономических и национальных потребностей. «Миновали уже времена, когда всем казалось, что мужицкая рука годится только для сохи»¹. — таков по-крестьянски размахистый эпитет первого номера первой белорусской революционной газеты-прокламации, поставившей своей целью утверждение мужицкой правды, которая является «единственно справедливой» из всех существующих на земле «правд», призванных на самом деле скрывать зло и несправедливость, господствующие в мире. Стремление раз и навсегда расстаться с тяжелым наследием прошлого, покончить с бесправным и подневольным положением трудового белорусского народа, указать пути, ведущие к народной свободе, определило революционно-пропагандистский и гуманистический пафос издаваемой К. Калиновским белорусской газеты.

Враждебный трудовому народу мир, чьи порядки установлены царем и помещиками, предстает в «Мужицкой правде» как мир эксплуататоров и угнетателей, который существует лишь благодаря созидательной деятельности людей труда. Враждебность трудовому народу самодержавно-крепостнических порядков — коренная, исходная посылка, определяющая высоту разоблачения общественных институтов. Постоянно на первом плане фиксация социального момента, раскрытие противоречивости интересов и потребностей противоположных социальных лагерей. Вместе с тем мир эксплуататоров, ан-

¹ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. Материалы и документы. М., 1964, с. 124.

тинародные социально-экономические и политические отношения отрицаются и разоблачаются не только на основе осознания неравенства как явления социально-экономического, но и с нравственной точки зрения как неистинные, несправедливые. Эта нравственная критика существующего наряду с критикой социально-экономической и политической составляет важное слагаемое общей революционно-демократической программы К. Калиновского.

Нравственный момент в социально-критической аргументации «Мужицкой правды» весьма значителен. В противоположность самодержавно-крепостнической действительности «мужицкое» выступает синонимом правды, справедливости, истинности, а человек труда — носителем этой правды и истинности. Да и само название газеты-прокламации «Мужицкая правда», газеты для крестьян, призванной раскрыть сущность «мужицкой правды», «мужицкой справедливости» и «мужицкой свободы», полемически заострено на нравственном моменте, противопоставлено неправде существующего мира, враждебного народным интересам и устремлениям. Человек труда, крестьянин, кормящий всех «своим хлебом», носитель истинности и справедливости, разорен и бесправен. Пафос неприятия и разоблачения самодержавно-крепостнической действительности получает таким образом весьма веские дополнительные, нравственно-гуманистические основания. Мужичья правда оказывается единственной существующей в мире правдой и выступает как конкретно очерченный социальный идеал, достижение которого связано с борьбой против существующей неправды и несправедливости самодержавно-крепостнических общественных отношений.

Стремление выразить именно крестьянскую, мужичью правду, докопаться до «настоящей справедливости» определяет постоянное, чуть ли ни в каждой строке упоминание слов «правда», «справедливость», «совесть» и производных от них определений: «мы сами можем писать и писать такую правду справедливую, как бог на небе», «я пишу и писать буду, как бог и совесть подсказывают», «но, по правде говоря, мало кто хочет сказать так, как совесть подсказывает, — по справедливости»² и т. д. «По справедливости» — это означает для Калиновского реальный, конкретный учет интересов человека труда и действие в соответствии с этими интересами. Причем осознание простым крестьянином своих подлинных интересов не простой, однозначный процесс. «Каждый по-своему толкует, на свою сторону тянет. Царь говорит, что он добра желает, паны говорят, что они добро думают нам сделать, а мужик бедный от их доброты как пропал, так и пропадет»³. Как противопоставление тому, что говорят царь и помещики, как их неприятие, отрицание и разоблачение рожда-

² Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., с. 124, 126, 124.

³ Там же, с. 126.

ется призыв: «Мы, мужики, братья ваши, мы будем говорить всю правду, только слушайте нас!»⁴

Правда мужицкая — это прежде всего многовековая обида, это выявление неправды, которую вынуждены терпеть люди труда, это раскрытие обстоятельств несвободы, в которых находится простой труженик. При этом Калиновский учитывал конкретную социально-политическую обстановку, сложившуюся в Белоруссии после обнародования манифеста об отмене крепостного права, который не принес, да и не мог принести крестьянам подлинного освобождения. Критика царского манифеста в «Мужицкой правде» — это разоблачение его антинародной сущности, стремление показать враждебность всех действий царского правительства в отношении крестьян. «...Манифест, который царь с Сенатом и с панами для нас написал, такой дурацкий, что черт знает на что похож, — никакой в нем нет правды, нет от него для нас никакой пользы. Понаделали канцелярий, устроили суд, как будто это не все равно — получать по з... с судом или без суда. Завели писарей, посредников, а все на мужицкие деньги — и большие деньги... А из этого-то и видно, что ничего хорошего для нас и не думали сделать»⁵.

Обнажается коренное несоответствие, полярная противоположность между действиями царского правительства и реальными насущно-жизненными потребностями людей труда, которым «не манифесты, а свобода нужна»⁶. О какой свободе, какой справедливости может идти речь, когда «все, что тяжело, взваливают на мужика, когда с него дерут последнюю шкуру, бьют и плакать не дают!»⁷ Неправда всюду — неправде учат в школах: «Разве у нас есть справедливая наука в школах, которая учит жить без обиды для другого?», неправда — в суде, этой «волчьей яме», «где не разбирают, прав ты или виноват, а дерут только как могут», на неправде держится само правительство, которое, «как тот злой пап, что, начиная от комиссара вплоть до тиуна, позволяет каждому народ притеснять, чтобы как можно больше денег в карман его попало»⁸.

Мужик, простой человек труда, вынужден нести всю тяжесть, которая на него взвалена царем, царскими чиновниками и панами, вынужден на всех работать, всех кормить и содержать своим трудом. Третируемая господствующими классами народная масса, представлявшаяся идеологам самодержавной политики бездонным источником, из которого можно безвозмездно черпать что угодно и сколько угодно, обращившаяся в действительности обескровленным мужиком. Мужик — один, притеснителей — бесчисленное множество — эта точ-

⁴ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., с. 124.

⁵ Там же, с. 125—126.

⁶ Там же, с. 128.

⁷ Там же, с. 127.

⁸ Там же, с. 129—130.

ка зрения крестьянского демократизма, утверждавшаяся «Мужицкой правдой» К. Калининского, являлась глубоко гуманистической в своей основе, выражала реальное жизненное положение трудового народа в условиях эксплуататорского общества и оценивала такое состояние жизни человека труда, как повсеместную несвободу и неправду. Поэтому для крестьянина-труженика свобода означала прежде всего полное освобождение от всех многообразных форм зависимостей, которыми он опутан в условиях самодержавно-крепостнической действительности.

Первостепенный учет интересов трудового народа, крестьянина-труженика, который находится в самом низу социальной лестницы эксплуататорского общества, утверждение производящей, созидательной деятельности человека труда как высшей ценности жизни определяют характер революционно-демократического гуманизма, выступающего против существующего социально-экономического и политического неравенства и стремящегося к уничтожению такого порядка вещей, когда человек труда низведен до унижительного, рабского положения в обществе.

Революционно-демократический гуманизм был воинственным, действительным, и в этом его коренное отличие от предшествующих абстрактно-гуманистических построений, в частности от гуманистической программы Душина-Марцинкевича. Его действительность обнаружилась не только в указании радикальных средств достижения всенародной свободы, но и в критике враждебного крестьянину-труженику эксплуататорского общества, и в выражении сокровенных надежд трудового народа, и в его позитивной программе, бывшей определенным социальным идеалом. Уровень и характер действительности гуманистической программы крестьянского демократизма в социальной критике, а также в выражении идеальных устремлений — это прежде всего последовательность социальной точки зрения, выражавшей интересы подавляющей части общества — трудового народа. Точка зрения революционных демократов отличалась конкретностью и четкой, можно сказать, даже утилитарной определенностью как в подходе к объектам социальной критики, так и выразительно палящим характером требований, выдвинутых как идеальные.

Следует иметь в виду неразрывное единство в общественной и гуманистической программе революционного демократизма всех трех моментов — социальной критики, выражения идеального начала, указания на радикальные средства достижения народной свободы, которые образуют синкретическую, утилитарно-духовную неделимую целостность. Поэтому действительность такого гуманизма не просто прочная связь сферы идеальной со сферой практической, а их нерасторжимое исходное единство, определяемое уровнем социально-экономической конкретности, возникшей как выражение органической близости, родственных революционно-демократической идеологии с породившей ее социальной основой — трудовым крестьянством, а

потому сохранявшей самообытный отпечаток представлений и понятий данной социальной среды.

Все, что относится в революционно-демократической программе к области идеального и нравственного, покоится на прочном фундаменте реальности. Духовная устремленность и практическое усилие неразрывно спаяны у революционных демократов, не знающих разрыва между словом и делом. Поэтому революционно-демократический гуманизм, являясь определенной социальной программой, неизбежно предстает программой действия, неотрывен от него. Революционно-демократический гуманизм оказывается не только идеей возвышения человека труда, но прежде всего реальным политическим и социальным движением, которое стремится утвердить человека труда как центральную, главную фигуру жизни, бытия вообще. Интерес отдельного человека труда — именно в силу доминанты уровня социально-конкретной наглядности, простой ясной определенности представлений данного мировосприятия, а также благодаря наивно-уравнительной тенденции — выступает как интерес каждого другого и, следовательно, всех тружеников и тем самым как общий интерес миллионного трудового народа. Осознание этого интереса (свободы), его сущности оказывается вместе с тем реальным действием по пути утверждения человека труда хозяином жизни. Это нашло свое яркое выражение в деятельности К. Калиновского, которая является целостной во всех своих перасторжимых проявлениях, и прежде всего в идейно-агитационном и революционно-практическом.

ПОЗИТИВНАЯ ПРОГРАММА. ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ

Определение свободы посредством раскрытия обстоятельств несвободы, в которых находится в эксплуататорском обществе человек труда, неразрывно связано у Калиновского с позитивным, «конкретно-идеальным» выражением народных устремлений. Именно в этом состоит историческая заслуга белорусского революционера-демократа. Социально-конкретный характер сформулированных К. Калиновским понятий народной свободы, правды, справедливости стал первой формой выражения в революционно-демократической мысли Белоруссии идеального начала. Являясь необходимостью и потребностью реального, конкретного порядка, понятия эти обрели идеальный смысл и содержание, потому что они были требованием самой жизни, выражением прогрессивных тенденций ее развития.

В первоначальном выражении народных требований особое место занимает лозунг «Добыть землю и свободу», который по сути станет знаменем всего последующего крестьянского движения в Белоруссии, а борьба за претворение его в жизнь составит содержание целого периода исторического развития народа. Именно сочетание конкретной коренной потребности каждого крестьянина — «земли!» и стремле-

ния к освобождению от всех форм существующих в эксплуататорском обществе зависимостей — «воли!» стало наиболее емкой формой выражения интересов трудового крестьянства. Понятие свободы, будучи понятием идеальным, противопоставляемым существующей действительности и утверждавшимся как возможное и необходимое, являлось вместе с тем понятием социальным, крестьянским, близким каждому человеку труда, потому что было неотрывно от всего строя представлений данного класса. Оно означало в общем свободу владения землей и правом распоряжаться собой и плодами своего труда по собственному усмотрению.

Право крестьянина на землю, согласно «Мужицкой правде», — исконное, коренное право труженика, издавна работающего на этой земле, а потому и являющегося ее единственным и полноправным хозяином. Собственно, это естественный для крестьянской психологии факт, бесспорность которого ощущается каждым человеком труда непосредственно и не требует каких-либо особых доказательств и пояснений. Когда в «Мужицкой правде» говорится, что мужики не должны платить «ни чинша, ни оброка в казну за землю», то отмечается лишь, что «эта земля нам принадлежит»⁹. Право давности работы на земле выступает как аргумент против тех конкретных экономических обязательств, которые возлагались на крестьян после отмены крепостного права. Необходимость каких-либо выплат за землю вызывает негодующий протест потому, что требуется плата за ту землю, «которую от дедов-предков кровным трудом десять раз уже заработали и оплатили»¹⁰.

Владение землей является первым и необходимым условием достижения свободы; земля и свобода выступают в «Мужицкой правде» как понятия нерасторжимые. В то же время свобода не исчерпывается требованием передачи земли крестьянам, а включает и другие важные компоненты, в совокупности представляющие достаточно широкую программу общедемократических преобразований (третий номер «Мужицкой правды»). В первом же номере газеты говорилось в общем плане о «земле и свободе», а во втором была предпринята попытка во временном разрезе дать объяснения причин бедности и богатства, прежде всего барщины. Идеал свободной жизни был представлен как реальный образец, осуществленный в прошлом, что давало дополнительные точки опоры критике существующих общественных отношений как несоответствующих первоначальному свободному состоянию и возникших в результате нарушения, искажения первоначального образца. Подобная апелляция к прошлому, объективно ведущая к усилению социально-критического пафоса, была, безусловно, рассчитана на силу влияния конкретно-иллюстра-

⁹ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., с. 127.

¹⁰ Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. Материалы и документы. М., 1965, с. 25.

тивного идеального примера. Вместе с тем такое обращение к прошлому не было чуждо осознания ценности момента становления, хотя и весьма вольно понимаемого. Это выявилося в стремлении использовать в обосновании права народа на будущую свободную жизнь самую абстрактную форму движения как смены определенных состояний: свободы, ее искажения и нарушения, а затем повой свободы, «какой не было у наших дедов и отцов»¹¹.

Однако сильная в выражении конкретных социально-политических требований, в фиксации коренных факторов социального, политического и экономического порядка программа К. Калиновского оказывалась слабой в попытках выяснения сущности и причин возникновения явлений социальной жизни. Так, например, положение крестьянина-груженника в условиях самодержавно-крепостнической действительности фиксируется как положение крайней несвободы, зависимости от верхов и подчинения, обнаруживается как неравенство социально-экономического порядка. Коренная общественная проблема того времени — проблема социального неравенства постоянно находится в центре внимания Калиновского, и все его усилия направлены на борьбу против общественных институтов, освящающих подобное состояние жизни. Фиксация социальной противоречивости общественного устройства того времени, полемически заостренное выражение этого факта выявляют и подчеркивают революционно-демократическую тенденциозность позиции Калиновского. Вместе с тем когда он пытается дать ответ на вопрос, «откуда же это взялось, что один живет праздно да над людьми своевольничает, а другой, бедный, барщину служит или оброки в казну платит»¹², то наблюдается явное стремление опереться на факторы политические, нравственные и даже нравственно-религиозные (в раннехристианском варианте) в объяснении социально-экономических явлений.

В стремлении представить прошлое реальным образцом свободной жизни трудового народа («был когда-то народ наш свободным и богатым») ¹³ проявилась внеисторическая идеализация, глубинные истоки которой, быть может, не так уже далеки от мифической схемы роста — представлений, весьма живучих в народном сознании и воспринимающих движение лишь как фазы зарождения, расцвета, увядания и нового рождения. Причем элементы древнейших народных форм мироощущения парадоксальным образом перемешиваются с конкретными социально-экономическими понятиями. Так, согласно «Мужицкой правде», первоначально все были свободны, а разделение на богатых и бедных (несвобода) возникло позднее. Однако в обрисовке прошлого, выдвигаемого как реальный образец свободного состояния жизни, соединяются вместе, казалось бы, несовместимые

¹¹ Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг., с. 26.

¹² Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., с. 126.

¹³ Там же.

понятия «свобода» и «богатство». В этом проявилась слабость мировоззренческой основы революционного демократизма, неспособность его представителей выйти за рамки буржуазно-демократических требований. Отмечая безошибочность социального чутья идеологов трудового крестьянства и бескомпромиссность выражения ими коренных народных интересов, не следует забывать, что они несли на себе весь груз сложной и противоречивой психологии данного класса и его разных слоев, где старое соседствовало с новым, живое с консервативным. Однако, говоря о наивности и антиисторизме аргументации «Мужицкой правды», следует постоянно иметь в виду ее высокую гуманистическую устремленность, точность и верность социальной критики, страстное желание содействовать революционным путем быстрейшему разрешению коренного социального противоречия той поры и тем самым осуществить насущные социальные и национальные чаяния трудового белорусского народа.

Давая в первых двух номерах «Мужицкой правды» определение свободы преимущественно как понятия социально-экономического, К. Калиновский в дальнейшем расширяет это понятие, делая его основой программы общедемократических требований. Выражая интересы всего трудового народа, эти требования выступают как конкретная общественная цель, за достижение которой необходимо бороться против антинародных социальных порядков. Воплощение таких требований в жизнь должно стать осуществлением, реализацией осознанного принципа свободы. Свобода включает активность отрицания существующей действительности как несправедливой (а нравственная оценка постоянно присутствует во всех актах осознания и аргументации К. Калиновского и имеет четкую классовую направленность) и пафос устремления к действительности справедливой, борьбы за нее.

Последовательно-действенное выдвижение новых общественных целей, а также открытие, обнаружение необходимости освобождения от существующих социальных порядков, от укрепившихся, оформившихся начал, обстоятельств действительности для достижения этих осознанных целей определяет и новый уровень отношения к жизни (который по сути и есть уже уровень свободы) — вооруженная борьба — как возможность и направление достижения этих целей. Свобода в понимании К. Калиновского выступает, таким образом, как новая цель и вместе с тем возможность реализации ее. Реализация возмужавшей возможности свободы означает достижение новой формы жизни и человеческих отношений.

Свобода в интерпретации «Мужицкой правды» К. Калиновского оказывается категорией социально-экономического порядка и вместе с тем категорией нравственной. С одной стороны, выдвигаются социально-конкретные общественные, экономические и политические требования и цели, с другой — претворение их в жизнь явится основой торжества справедливых отношений между людьми, истинных норм

поведения и жизни, равных для всех. Аспект социально-экономический оказывается неразрывно связанным с нравственным¹⁴. «...Человек свободный — это когда имеет кусок своей земли, за которую ни чинша, ни оброка не платит, ни барщины не служит, когда платит небольшие подати, и то не на царские конюшни, псарни..., а на нужды всего народа, когда не идет в рекруты черт знает куда, а идет защищать свой край тогда только, если подступит неприятель, когда делает все, что ему по душе и что не обижает ближнего и славы божей, и когда исповедует ту веру, которую исповедовали его отцы, деды и прадеды. Вот что свобода значит»¹⁵.

Как категория социально-экономическая и политическая свобода в понимании К. Калиновского означает прежде всего предоставление человеку труда, крестьянину жизненно необходимых условий существования, в первую очередь наделение его землей. По сути речь идет о самой возможности более или менее человеческого существования народных масс. Поэтому так много говорится о конкретных социально-экономических нуждах. Причем эти социально-экономические требования благодаря присутствию нравственной точки зрения одухотворяются, поднимаются до степени идеальных, потому что оказываются необходимым фактором и условием независимой, свободной жизни людей труда. К. Калиновский, таким образом, стремился утвердить сами реальные предпосылки, саму возможность будущего полнокровного и светлого народного бытия. Вместе с тем, учитывая постоянную ориентацию революционно-демократической идеологии на явления конкретного порядка, на прочное, устойчивое в действительности — а это было характерной особенностью социальной психологии того класса, от имени которого выступал Калиновский, — следует отметить, что подобная направленность данной идеологии не является простым свидетельством утилитарности взгляда на действительность.

Черты конкретности всех положений программы Калиновского лишь обнаруживают ее своеобразие, а также особенности проявления в революционно-демократической идеологии целесообразного начала, которое имеет идейно-практический характер, а потому весьма родственно самой действительности в том смысле, что это начало есть отпечаток важнейших процессов и состояний крестьянского уклада жизни. Но хотя и близкий к формам и линиям реальной жизни, отпечаток этот является специфическим духовным, идеальным

¹⁴ Момент нравственный в программе К. Калиновского имеет объективную зависимость от социального как определяющего, хотя и не сводится целиком к нему. Когда ранее речь шла о том, что Калиновский при объяснении социально-экономических явлений прибегал к аргументам нравственного порядка, пытаюсь возложить на них непомерно широкие функции, то в данном случае выявлялось субъективное понимание им природы определенного социально-экономического явления.

¹⁵ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., с. 128.

воспроизведением ее, причем центральной идеей-целью этого воспроизведения выступает утверждение начал трудовой крестьянской жизни.

Естественно поэтому, что человек труда и необходимые условия его жизнедеятельности, крестьянин-труженик и свободный труд на своей земле — важнейший круг заинтересованности К. Калиновского. Показательно, что, говоря о свободе, Калиновский не дает общего определения, а исходит из утверждения ценности человека труда, которого ставит в центр существующего и делает хозяином важнейших жизненных сфер действительности, свободным в отношении к ним. Это важнейшие для крестьянина жизненные сферы — земля, государство, люди.

В отношении к земле человек свободный выступает как «имеющий», «владеющий». Принцип свободы в данном случае несет собственнический оттенок («имеет кусок своей земли»). Следует отметить, что в поступательном процессе развития общества утверждение в период формирования капитализма необходимых предпосылок для новых социально-экономических форм было явлением закономерным и прогрессивным. Кроме того, весь уклад крестьянской жизни выпуждал представителя этого класса видеть в земле важнейшую гарантию самой возможности существования и, как ранее отмечалось, свобода для крестьянина означала в первую очередь свободу владения землей.

В политическом отношении свобода для человека труда, согласно «Мужицкой правде», означает прежде всего существование такого правительства, которое должно «заботиться о счастье людей, слушаться народа и делать так, как народу лучше»¹⁶. Существующее царское правительство антинародно по самой своей сути, потому что оно грабит и притесняет людей труда. Требование народного, демократического правительства формулируется на основе первостепенного учета интересов трудящихся масс, всенародных потребностей: «пе народ существует для правительства, а правительство для народа»¹⁷. Причем в изложении «Мужицкой правды» идеал политической свободы получает отчетливый конкретно-экономический оттенок, потому что Калиновский постоянно стремится стать на точку зрения каждого отдельного человека труда (и тем самым всех вместе), учесть прежде всего его ближайшие жизненные потребности. Требуя безоговорочной отмены беспрестанных разбойничьих поборов с крестьян, Калиновский пишет о необходимости платить лишь «небольшие подати... на нужды всего народа». Как противопоставление существующей системе рекрутства говорится о необходимости защищать свой край, причем особый акцент делается на то, что люди должны брать оружие

¹⁶ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., с. 129.

¹⁷ Там же.

в руки лишь для защиты своей земли, а не для захвата чужих территорий.

Как видим, идеал всенародного, демократического государства в «Мужицкой правде» предполагал существование достаточно простой общественной системы, цели и задачи которой понятны всем: «учить жить по правде», оберегать «каждого от беды и разорения»¹⁸. Поскольку Калишевский стремился к постоянному учету конкретных жизненных потребностей человека труда, а это как раз обуславливает сущность представленной в «Мужицкой правде» точки зрения на окружающее, в том числе и на характер общественных взаимосвязей, постольку идеал политического устройства, увиденный сквозь такую призму, оказывался слишком абстрактным, ибо этот подход не соответствовал реальной сложности общественного организма как такового. Общественные явления не могли быть вскрыты путем подхода к ним с конкретной, утилитарной позиции. При рассмотрении «Мужицкой правды» не следует забывать, конечно, и о самом характере этого издания, о тех идейно-агитационных целях, которые возлагались на распространение первой белорусской нелегальной газеты-прокламации. И все же в тех условиях лозунг всенародного государства оборачивался на практике государством буржуазно-демократическим.

Последовательное проявление демократической тенденциозности во взгляде на действительность, стремление к повсеместному утверждению точки зрения человека труда, где первостепенное значение имеют ближайшие социально-экономические потребности, свидетельствуют об отчетливой гуманистически-нравственной тенденции, которая находит своеобразные антропоморфические формы выражения.

Как категория нравственная свобода, согласно «Мужицкой правде», предполагает социально-конкретные нормы поведения и жизни, одинаковые для всех. В провозглашаемых в качестве идеальных нормах нравственности очень много от принципов трудовой народной морали, которая в сущности выступает наиболее прочной культурной традицией, ощутимой в «Мужицкой правде». Закономерно поэтому, что первым и ведущим в утверждаемых нравственных нормах является принцип трудовой деятельности: каждый обязан трудиться сам, никто не должен работать за другого; собственно, это и есть «жить по правде, никого не обижая». Именно этот принцип трудовой деятельности, понимаемый не просто как условие и предпосылка человеческой жизни вообще, но и как основа и одновременно форма проявления истинной нравственности, должен обеспечить всеобщее равенство, равенство всех людей труда. Это общее и широкое положение — свобода как равенство всех — естественно вытекает из исходного момента и согласуется с ним. Предполагается, что условия всеобщего равенства могут быть обеспечены на основе достаточно

¹⁸ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., с. 129.

простых социальных связей и отношений, не выходящих за уровень конкретной наглядности, присущей представлениям трудового уклада крестьянской жизни.

НАРОДНАЯ ОБЩНОСТЬ И ИНДИВИД. ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА

Сущность социальной основы, на которой предполагается осуществление принципа всеобщего равенства, определяет и саму форму его проявления. Здесь существенны два момента. Во-первых, ведущим и определяющим во всем строе мировоззренческих представлений белорусских революционных демократов, начиная от К. Калиновского, является последовательное и бескомпромиссное отстаивание всенародных интересов и потребностей. Доминанта всеобщего блага, блага всего трудового народа находит в «Мужицкой правде» прямое и многократное выражение — и как вера в силы трудового народа, и как призыв к тесному сплочению в борьбе, что обеспечит единство народа и его победу, и как утверждение необходимости справедливого устройства жизни всех людей труда. Пафос деятельности во имя трудового народа, во имя всеобщих идеалов социальной справедливости и свободы определил высокое гражданское звучание общественной позиции белорусских революционных демократов.

Во-вторых, постоянная тенденция к сохранению уровня конкретной наглядности обуславливает как исходную точку зрения на окружающее сквозь призму насущных потребностей человека труда. Но это не в полном смысле отдельный, индивидуальный человек. Интерес каждого на этой стадии формирования революционно-демократической идеологии осознается как интерес всех, общий. Общее (целое) мыслится как конкретное, конкретное (частное, единичное) выступает представителем общего. Так выявляется у Калиновского прямое и однозначное совпадение общего и частного. Понятно, что в пределах такого типа связи как общее (народ), так и единичное (человек труда) предстают в недостаточно дифференцированном, абстрактном виде. При подобных исходных посылах принцип равенства неизбежно оказывается абстрактно-унифицированным, уравнительным. Становится понятной заметная в ряде мест «Мужицкой правды» апелляция к раннехристианским идеалам, которые оказывались созвучными устремлениям Калиновского благодаря своему наивно-уравнительному и вместе с тем радикальному в социальном отношении характеру.

В общей позиции демократического гуманизма и демократической идеологии отстаивание антииерархического взгляда на действительность есть утверждение всеобщего, абстрактного, уравнилельного равенства. Наивно-уравнилельная тенденция, неотрывная от достаточно конкретных, часто утилитарных целей и задач, является свидетельством той степени развития, когда общее и есть частное,

т. е. когда человек еще не мыслится вне общности, народа, потому что эта общность еще недостаточно оформлена, определена, и первостепенными, главными являются как раз задачи этого оформления и выявления.

Первостепенность именно таких задач обуславливалась конкретными обстоятельствами общественной жизни второй половины XIX в., была выражением того важного момента в историческом развитии трудового белорусского народа, когда он поднимался на борьбу против буржуазно-помещичьих социальных порядков, когда в его среде шла консолидация передовых, прогрессивных, революционно-демократических сил. Широкий характер этих процессов, нашедших идеологическое отражение в программе К. Калиновского, первоначально фиксировался в форме прямого совпадения общего и единичного, всенародных интересов и интересов человека труда.

Конечно, это совпадение могло происходить лишь на весьма ограниченной социально-экономической почве, на почве повсеместного укоренения лучших начал трудового крестьянского уклада жизни. Однако возможность практического воплощения выдвинутых принципов в самой действительности оказывалась весьма проблематичной, ибо требования «земли и воли», соответствуя ведущим тенденциям исторического развития, целям борьбы против самодержавно-крепостнических порядков, объективно способствовали ускорению процесса капиталистического развития, который в своем развертывании уничтожал всякие следы простоты и естественности крестьянской жизни. Вместе с тем заслуживает особого внимания тот факт, что у Калиновского мерой общего выступает частное. И хотя их отношения носят однозначный и несколько механистический оттенок, чрезвычайно важным является стремление пусть к простому, но гармоническому сочетанию общего и единичного, явственно тенденция к нахождению такой формы выражения интересов общности, которая естественно и органично включала бы в себя интересы и потребности человека труда. По сути именно такая характерная для революционно-демократической идеологии тенденция обнаруживает ее общую гуманистическую направленность.

Своеобразие отношения общего и частного в революционно-демократической программе К. Калиновского определяет и те специфические качественные характеристики, которыми отмечен человек труда в данном строе мировосприятия.

Выделим прежде всего такие моменты в подходе к проблеме человека, которые присущи не только К. Калиновскому, но и всему последующему процессу развития революционно-демократической идеологии. Данная проблема в трактовке белорусских революционных демократов никогда не имела самоценно-индивидуалистического звучания, а постоянно осознавалась в связи с общими, всенародными интересами и потребностями. При рассмотрении этой проблемы следует избегать механического перенесения представлений иной

культурной почвы, зафиксировавших присущие для этой почвы ступени формирования личности.

Так, например, раннебуржуазная западноевропейская гуманистическая традиция говорит о личности и более всего именно ее имеет в виду; причем под личностным подразумевается в первую очередь индивидуально-неповторимое, характеризующее выдвинутым на первый план рационалистического аспекта, а также тенденцией к эгоцентрической деформации действительности.

В белорусской культуре в период развития и утверждения революционно-демократической идеологии (вторая половина XIX — начало XX в.) обнаруживается выразительная социальная детерминанта в понимании проблемы человека, возможность разрешения которой постоянно связывается с нравственными и эстетическими ориентациями и оценками. Выдвижение на первый план социально-нравственного момента (а сущность его определяется как наследование лучших традиций трудовой народной морали и постепенная выработка на этой почве новых нравственных представлений, выражавших возрастание социальной и духовной активности человека из народа) свидетельствует о наличии и значительном удельном весе в революционно-демократическом мировоззрении внутренне консолидирующихся, объединительных начал, об установке на всеобщее. Элемент нравственно-объединительный является постоянной характеристикой всей сферы представлений белорусских революционных демократов и прежде всего проблемы человека. Тенденция отыскания форм нравственной гармонии, свидетельствуя о весьма рельефном присутствии в подобном взгляде эстетически-упорядочивающего начала, возникла как форма неприятия противоречивых, дисгармоничных проявлений буржуазно-помещичьей действительности, причем результаты этих поисков становились непосредственным руководством к действию, к борьбе против существующих антинародных порядков. Следует подчеркнуть, что в призыве к борьбе, равно как и в социальной критике, аргументы нравственного порядка занимали весьма существенное место.

Причем эстетическое начало не только давало упорядочивающую, предрасположенную к гармоническому единению оболочку нравственному содержанию, но также выступало как важный и равноправный (с нравственным) элемент общего строя мировоззрения. Проявления этого эстетического начала обнаружилось в тенденции к утверждению простых, обозримо-наглядных форм жизни и человеческих отношений, что объективно было выражением неприятия всей многоиерархической буржуазно-помещичьей социальной системы, а также несло отпечаток уравнительных устремлений крестьянских демократов.

Выявляется, таким образом, имеющая прочные социальные основания нравственно-эстетическая доминанта в подходе к проблеме человека.

У Калиновского социально-правственные и эстетические моменты обрисовки человека труда обнаружили прежде всего в наивно-уравнительной тенденции (как унифицированность принципа всеобщего равенства) и в стремлении к простому гармоническому сочетанию (по сути совпадению) общего и частного. Следствием такого подхода была абстрактность, недифференцированность трактовки человека, который выступал как равное самому себе и совпадающее с общим усредненным целое. Поскольку нормой, мерой всеобщности оказывался человек труда, крестьянин-труженик, это позволило ранее говорить о наличии определенной антропоморфной тенденции. Но эта тенденция не обрела «чистых» форм своего выражения. Ибо крестьянин-труженик не мыслился как обобщенная человеческая фигура сама по себе, а постоянно виделся в неразрывной связи с важнейшими земельно-природными атрибутами — обстоятельствами его жизни и деятельности (земля и хата, поле, луг и лес). Тенденция к конкретному-наглядному типу представления и оформления порождала своеобразную центральную «мыслительную единицу», являющуюся образной по своей сущности и вбравшей воедино и фигуру крестьянина-труженика и его необходимое жизненное окружение. В основе этой тенденции лежал весь круг важнейших социально-экономических потребностей трудового крестьянства. Подобный образ-идея и выступал как норма оформления конкретности, а точнее представлял как сама конкретность в обобщенном идеализированном выражении.

Не случаен в «Мужицкой правде» момент идеализации конкретных социально-экономических требований, реализация которых становится иногда равнозначной осуществлению принципа свободы; свобода в подобном выражении предстает как сам факт наличия необходимой для жизнедеятельности крестьянина земельно-природной среды. Человек не мыслился изолированно от этой среды, он естественно, органично взаимодействует с нею. Потому что жизнь крестьянина невозможна без земли, которая его кормит, без труда на этой земле, без хаты, которая дает ему кров, без луга, на котором пастется скот, без леса, из которого можно сделать хату. Источник такой связи не может быть, однако, раскрыт в одном историческом срезе и лишь в утилитарном аспекте. Связь человека с землей имеет многовековую давность, она отражена в укладе его быта, закреплена и опоэтизирована в различных формах народной культуры. Благодаря этому сфера реально-практического приобретает особое измерение. В данном отношении весьма показательно представление о «прошлой свободной жизни» в «Мужицкой правде»: «Барщины тогда никакой не было. И не нужно этому удивляться, потому что леса было много, поля сколько хочешь, а людей-то мало, так зачем же служить барщину за землю, если каждый мог лесу вырубить, хату себе построить и иметь свое поле»¹⁹. О внеисторизме подхода К. Ка-

¹⁹ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., с. 126.

линовского к объяснению отдельных социальных явлений уже говорилось. В данном случае существенно еще одно подтверждение в пользу того, что крестьянин-труженик и окружающая его земельно-природная стихия предстают в революционно-демократической идеологии как нечто целостное, завершенное в себе, как типическое и наглядное проявление самой сущности жизни. Поэтому и единство человека и окружающей его среды, достигаемое и обретаемое в труде, оказывается идеально-гармоническим состоянием.

В «Мужицкой правде» К. Калиновского впервые было найдено и закреплено (пока еще в общих чертах) ощущение ценности такого состояния, передаваемое преимущественно как пафос устремления к нему. Многогранное и рельефное выражение характер связи крестьянина-труженика и природной среды получит лишь в дальнейшем развитии революционно-демократических идей. Это произойдет в начале нашего века в творчестве Я. Купалы и Я. Коласа. А исторически широкому и полнокровному выявлению лучших начал парадного бытия будет предшествовать процесс тщательного исследования реальной действительности (Ф. Богушевич), глубокое вскрытие уродливой, дисгармоничной сущности социальных отношений буржуазно-помещичьего общества, враждебного человеку труда.

Поскольку центральной притягательной ситуацией в общем строе идеальных представлений К. Калиновского выступает единство человека и природно-земельного окружения, причем слагаемые этого единства не мыслятся изолированно, то закономерно присутствие достаточно заметно выраженного элемента уравнительности человеческого (крестьянского) и природного (земельного), что способно вести к чертам «вещного», «объектного» понимания и восприятия образа человека в данном строе мировоззрения. Органичность связи человека и необходимой для его существования земельно-природной трудовой среды потенциально определяет также характер таких важных оценочных категорий, как красота и безобразное. Их оформление в последующем развитии революционно-демократической идеологии будет нести отпечаток этой ситуации-единства, что выразится у Ф. Богушевича в специфических содержательных характеристиках «темного» и «светлого», не сопоставимых с традиционно устоявшимися эстетическими представлениями о светлом как примете положительной оценки и о темном — как отрицательной. Так же и выявленный К. Калиновским типический для революционно-демократической идеологии принцип противопоставления трудовой крестьянской жизни, протекающей согласно подлинным нормам нравственности, праздному, паразитическому существованию верхних социальных слоев найдет затем своеобразное развитие в области эстетических понятий. Здесь этот принцип контраста первоначально вывится в форме противопоставления правды, истинности и красоты, что приведет у Богушевича к известному игнорированию форм внешне выразительных, к весьма устойчивому ощущению несоответствия

истинного как глубоко скрытого внутреннего поверхностно показному внешнему. Такие представления были итогом позиции неприятия эксплуататорского общества и его идеологии. В основе противопоставления истинности, правды и красоты лежала противоположность народного и панского. Красота выступала для крестьянских революционных демократов тем понятием, которое неразрывно связано с дворянским укладом существования и эстетической позицией его представителей. Что же касается идеи истинности незаметного и недоверия к формам внешней выразительности, то они рождались как отражение реального состояния национальной белорусской культуры в условиях дискриминации и подавления при господстве буржуазно-помещичьих социальных порядков и навязчиво-показной официальной идеологии.

Человек, представавший у Калиновского недостаточно дифференцированной фигурой антропоморфно-земельного плана, все же не был заключен во всецело застывшую форму. В самой революционно-демократической позиции были скрыты возможности более широкого подхода к проблеме человека, хотя у Калиновского они еще не успели развернуться. Они развернутся лишь в последующем процессе формирования в общественной мысли Белоруссии революционно-демократического направления, отмеченном постепенным преодолением однозначной и педицированной трактовки человека, образ которого обогащался индивидуальными и психологическими характеристиками. Прямое совпадение общего и частного было лишь первоначальной необходимой формой выражения насущных социальных и духовных потребностей всего трудового белорусского народа; лишь выявление этих общих потребностей позволило затем обнаружить реальную сложность взаимоотношений народа и человека труда, что вело к раскрытию его многогранных духовных задатков.

Возможности более широкой трактовки человека были внутренне связаны с активностью, действенностью, органично присущими всей революционно-демократической программе К. Калиновского, которая, будучи программой беспощадной социальной критики, программой насущных социальных требований трудового белорусского народа, всегда была программой последовательного революционного действия. Этот момент характеризовал также понимание Калиновским проблемы человека. Проповедь социально-практической деятельности, революционной активности, обращенная ко всем людям труда, стремление помочь человеку разобраться в том, что главным препятствием на пути к всенародной свободе является существующая самодержавно-помещичья социально-политическая система, горячий призыв к общественно-преобразующему действию, революционной борьбе против антинародных социальных порядков, утверждение ценности и необходимости такого действия оказывались чрезвычайно плодотворными для дальнейших исторических судеб

людей труда. Потому что участие в революционной борьбе выводило крестьянина-труженика из замкнутого «земледельческого мира», пробуждало в нем способность восприятия многообразных процессов общественной жизни, открывало заключенные в человеке труда не известные ему ранее духовные, творческие силы и возможности. И если в утверждении необходимости революционного действия Калининский прибегал не только к реальным аргументам социально-политического и экономического характера, но и апеллировал к законам «человеческой природы», в деятельности К. Калининского важны прежде всего высокий пафос борьбы, вера в силы людей труда и их будущую победу.

Глава 3

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИТИЦИЗМ

Ф. БОГУШЕВИЧА

Общественная, литературная и публицистическая деятельность Франтишка Богусевича (1840—1900 гг.) знаменовала собою окончательное утверждение и дальнейшее формирование идеологии революционного демократизма в общественной мысли Белоруссии, была выражением коренных потребностей исторического развития, все более настоятельно выдвигавшего на арену социального действия широкие слои трудящихся масс.

Выдающийся представитель общественной и эстетической мысли Белоруссии второй половины XIX в., основоположник критического реализма в новой белорусской литературе Ф. Богусевич выступил последователем и продолжателем лучших демократических устремлений К. Калиновского. Если с именем К. Калиновского связано утверждение революционного демократизма в сфере идеологии и в реальной практике вооруженной борьбы, то деятельность Ф. Богусевича стала свидетельством дальнейшего развития революционно-демократического мировоззрения, расширения границ его влияния. Ф. Богусевич утвердил новые идейно-творческие принципы в литературе и эстетике, заложив тем самым благотворную почву будущего развития белорусской литературы, искусства и эстетической мысли. Принципы реализма и народности составили краеугольный камень его эстетики, демократический характер которой выразительно раскрылся в подходе к народной жизни как главному предмету художественного изображения, в выдвижении в центр идейно-художественных интересов представителя народа, человека труда.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Глубокая убежденность в историческом предназначении и могуществе трудовых масс белорусского народа была выражением демократического характера общественных устремлений Ф. Богусевича. Пронизанность интересами трудового народа, последовательный крестьянский демократизм, тенденция говорить от имени типичного представителя трудовых народных масс, выражение его насущных социальных и национальных потребностей, борьба за коренные интересы человека труда — важнейшие черты общественной позиции Ф. Богусевича.

Потребности познания, раскрытие подлинных социальных, жизненных противоречий определили преимущественное направление творческих интересов Ф. Богусевича. На основе реалистического воссоздания действительности, народной жизни Ф. Богусевич пришел к идее всеобщего трудового народа, безграничности его созидательных возможностей. Вместе с тем он с необычайной художественной силой раскрыл трагизм социального, жизненного положения трудящихся масс в условиях господства буржуазно-помещичьих общественных порядков. Ф. Богусевич воспринимал и воссоздавал действительность как чуждую неподвижности и покоя, как находящуюся в со-

стоянии напряженности, которая постоянно обнаруживается в реальных жизненных — социальных и психологических — коллизиях и конфликтах. Осознание противоречивости бытия, проникновение в его глубоко дисгармоничную сущность, стремление постичь антиэстетический характер тогдашней действительности обусловили новаторские черты позиции Ф. Богушевича.

Постоянный учет точки зрения простого белорусского крестьянина-труженика, последовательное отстаивание его интересов, выраженные его отношения к существующему — именно такая идейная позиция, в которой бескомпромиссность социального подхода к жизненным явлениям и их оценки обретает конкретное гуманистическое выражение благодаря постоянному присутствию личности самого человека труда, определила действенность и высоту социально-критического пафоса творческой деятельности Ф. Богушевича. Отрицание существующей действительности как построенной на искажении подлинной сути человеческих отношений, в основе которых должны лежать идеи братства свободных тружеников земли, было наполнено устремленностью к такому общественному устройству, в котором люди труда займут ведущее, центральное место. Гуманизм Ф. Богушевича имел широкую социальную основу, выражал и защищал интересы трудового белорусского народа. Как и К. Калиновскому, Ф. Богушевичу присуща трактовка человека (а человеком истинным, подлинным, нравственным выступает в их нравственно-гуманистической программе человек труда, крестьянин-труженик) как выразителя общих, всенародных интересов.

И провозглашение человека труда, крестьянина-труженика центральной фигурой жизни, и принцип всеобщего (уравнительного) равенства, и доминанта «общего блага», в русле которой выявляются отношения между общим, всенародным и отдельным человеком, и тенденция к социально-конкретной наглядности, связанная с неприятием сложных форм общественных взаимосвязей и человеческих отношений, — эти, а также ряд других идей и принципов наследовались Богушевичем, что свидетельствует о глубоком мировоззренческом родстве с предшественником.

Есть и черты достаточно существенного различия. Так, присущее Калиновскому понимание отношений общего и отдельного как прямого, однозначно-механистического их совпадения приобретает у Богушевича живую реальную содержательность. Образ человека обогащается у него внутренними, социально-психологическими характеристиками, получает подлинную рельефность, что, конечно, обусловлено самой природой художественного творчества Ф. Богушевича. Типичная для всего периода развития революционно-демократической идеологии (вторая половина XIX — начало XX в.) трактовка человека как выразителя всенародных интересов оказывается связанной у Ф. Богушевича со свободным развертыванием познавательного начала, ведущего к бескомпромиссности утверждения специ-

фических художественно-исследовательских принципов, к раскрытию дисгармоничных проявлений действительности. У Богушевича крестьянин сам выражает свое отношение к окружающему, свои интересы и потребности. И это большой шаг вперед в сравнении с публицистически-агитационным пафосом «Мужичьей правды».

Человек труда, таким образом, впервые выступает как субъект, ощущающий свою неразрывную связь с другими людьми, такими же тружениками, как и он сам. На этой основе развернуты у Богушевича важнейшие типы противопоставлений человека труда и окружающего, противопоставлений чисто гуманистического характера, которые позволяют показать несовместимость интересов людей труда и буржуазно-помещичьей действительности, вскрыть антигуманную природу общественных отношений того времени. Существенно также, что позиция самого Ф. Богушевича в отношении человека труда обретает оттенок напряженности нравственного, духовного начала, что призвано вдохнуть в него стойкость и мужество, столь необходимые, чтобы противостоять существующей действительности. О содержании творчества Ф. Богушевича можно говорить как о воспитании нравственной стойкости и духовного мужества человека в крайне неблагоприятных, враждебных условиях буржуазно-помещичьей действительности. Трактовка свободы, имевшая у Калиновского социально-экономическое и нравственное содержание, обогащается у Богушевича национальным моментом.

Органическое восприятие и дальнейшее развитие Ф. Богушевичем идей К. Калиновского, последовательность утверждения и отстаивания принципов революционного демократизма были закономерно связаны с потребностями отмежевания от всякого рода социально-примиренческих и компромиссных идей. Показательна в этом отношении оценка Ф. Богушевичем произведений В. Душина-Марцинкевича, которые, как сказано в предисловии к сборнику «Смык беларускі», «як бы смеючыся з пашага брата пісаны»¹. Резкость подобной оценки обусловлена коренными отличиями общественной позиции Богушевича от позиции Душина-Марцинкевича, искавшего промежуточную, надклассовую точку зрения, видевшего суть гармонии в примирении противоположных начал. Неприятие Богушевичем принципа гармонического единения (и прежде всего этого принципа в социальном, классовом варианте) диктовалось ведущей тенденцией его творчества — тенденцией вскрытия противоречивой сущности буржуазно-помещичьей действительности, выявления социальных антагонизмов, изображения их непримиримости. Такая оценка Ф. Богушевичем творчества В. Душина-Марцинкевича вызывалась необходимостью утверждения принципов крестьянского демократизма, в основе которых лежала идея силы и самостоятельности самих трудящихся масс, их исторического предназначения, идея созидания

¹ Ф. Багушевич. Творы. Мінск, 1967, с. 74.

тельной активности человека труда как подлинного властителя жизни. Эти идеи определили и характер позиции Ф. Богушевича.

Идея созидательной мощи и всеислия трудового народа в процессе развития и формирования революционно-демократической идеологии прошла ряд этапов. У Калиновского она первоначально выразилась в активном агитационно-призывном плане, подкрепленном аргументами социально-экономического характера, выступала как предвещение будущего. Эта идея получила затем в творчестве Ф. Богушевича необходимые, увиденные и раскрытые в самой действительности реальные обоснования, а также приобрела глубоко содержательный оттенок трактовки труда народа как силы, преобразующей облик земли, но она еще не достигла у Богушевича широких форм художественного воплощения. Лишь у Купалы и Коласа идея созидательной мощи и нравственного величия трудового народа найдет многогранное и рельефно-масштабное изображение, будет отмечена пафосом высокого поэтического утверждения.

Идея народа была неразрывно связана с проблемой человека. Характерная особенность идеологии белорусских революционных демократов состоит в том, что всеобщие идеи и принципы выступали в форме, максимально приближенной к конкретности, в форме, которая являлась по существу эстетической, антропоморфной. Благодаря уровню социально-конкретной наглядности фигура человека труда оказывалась совмещением конкретности единичного и широты всеобщего. В целом человек труда выступал в обобщенном, усредненном плане как типический выразитель интересов всенародных и одновременно своих собственных. Общая мировоззренческая конструкция революционного демократизма предстает, таким образом, как конструкция наивного гуманизма, наивного потому, что выявляется недостаточная развитость отношений общего и частного, их слишком прямое, «близкое» соединение, не учитывающее содержательных отличий общего и единичного.

И все же своеобразие связи «общность — человек», в которой все нити сходятся на фигуре человека, является специфической чертой мировоззрения белорусских революционных демократов, свидетельствует в целом о его гуманистической направленности. Не выходя за пределы канонизации крестьянской целостности и самобытности, стремясь осуществить идеал трудовой крестьянской гармонии, белорусские революционные демократы в выражении своих идеальных побуждений исходили из человека, конкретно-усредненного представителя трудового народа. При этом доминанта принципа общего блага, блага всего трудового народа, согласующаяся со стремлением к гармоническому разрешению отношений общего и частного, в целом являлась показателем высоких общественных целей, которые выдвигались революционно-демократической идеологией.

Тенденция к неразрывной связи общего и единичного будет сохраняться на протяжении всего периода развития революционно-де-

мократического направления в общественной мысли Белоруссии. Вместе с тем существенны те конкретные формы связи, которыми отмечены разные этапы развития революционно-демократических идей, и этапы эти свидетельствовали как об углублении трактовки проблемы народа, так и проблемы человека, что обуславливалось исходным принципом их взаимосвязи. В свою очередь сама взаимосвязь эта будет обогащаться, обретать более гибкие и разносторонние формы. В целом характер трактовки Богушевичем проблемы народа и соответственно своеобразия трактовки проблемы человека определялись общей направленностью его общественно-эстетической позиции.

Особенностью начального этапа становления реалистической и демократической литературы и эстетики Белоруссии во второй половине XIX в. было выражение познавательно-критического подхода в его наиболее определенном, крайне резком проявлении, породившем полемическую установку на воспроизведение сущности жизненных явлений, неприкрытой правды о действительности. Раскрытие Ф. Богушевичем дисгармонического характера существующей действительности явилось результатом последовательно реалистического подхода к жизни и оценки ее с демократических, прогрессивных позиций. Нацеленность эстетики Богушевича на дисгармонию была отражением и порождением противоречивой сущности буржуазно-помещичьей действительности, отражением, вмещавшим ее эстетическую оценку, которая выражала резкое отрицание существующих социальных порядков, показывала их враждебность интересам и потребностям простого человека труда.

Обусловленная реальными потребностями общественного развития конкретная социально-историческая изменчивость эстетических оценок и представлений не ведет, однако, к размыванию широкой структурно-качественной определенности эстетической точки зрения, ее преимущественной нацеленности на те или иные типы отношений, присущих реальной действительности; установка на отношение определяет суть эстетической точки зрения вообще. Интерпретация отношений как гармонических была основой, идеализирующего подхода В. Дунина-Марцинкевича к окружающему; осознание отношений как дисгармоничных, противоречивых раскрывало природу реалистической эстетики Ф. Богушевича.

Сущность эстетического отношения покоится на скрытой идее всеобщей взаимосвязи; широта этой взаимосвязи во всей ее значительности обнаруживается лишь в единстве, целостности процесса эстетического освоения окружающего мира. Различные этапы этого процесса фиксируют исторически-конкретные моменты последовательного расширения сферы охвата действительности художественной формой познания, свидетельствуя тем самым о совершенствовании мировоззренческой природы искусства. В эстетике Ф. Богушевича идея всеобщей взаимосвязи не отливается в гармонически-покоящиеся формы, как у В. Дунина-Марцинкевича, а призвана показать глу-

бокую противоречивость этой взаимосвязи. Дисгармония как противоречивый тип всеобщей взаимосвязи оказывается в центре внимания Ф. Богушевича.

В эстетике Богушевича, призванной раскрыть суть дисгармонии, противоречия, противоположности дисгармонии, так сказать, идеальной точкой выступает не идеально-эстетическое, т. е. не определенный тип красоты, гармонии, а «истинность» как целостность исходной позиции, являвшейся неразрывным единством моментов социального и нравственного. Видимо, подобное отношение отрицательно-эстетического и кристаллизирующегося идеального имело свое внутреннее обоснование. Взгляд на действительность с точки зрения идеально-эстетического есть уже ступень четкого оформления определенного типа положительной эстетической оценки. А вот когда перед художником открывается система социальных отношений, всецело враждебная ему и его герою, когда положительные ценности, в том числе и эстетические, еще должны быть выработаны в процессе развития действительности, зарождения в ней новых, не известных ранее начал, тогда следует обусловленное общественной позицией акцентирование социально-нравственных моментов, дающих исходные критерии для осознания сущности окружающего мира. На этой основе начинаются поиски художественных форм воспроизведения враждебной социальной действительности, собирающиеся в единый узел труднейшей проблемы эстетического освоения дисгармоничного бытия. Дальнейший, уже выходящий за рамки деятельности Ф. Богушевича процесс осознания и освоения действительности в ее революционном развитии приведет в начале нашего века (Я. Купала, Я. Колас) к открытию и широкому художественному утверждению идеального начала в жизни и борьбе трудящихся масс белорусского народа. Однако характерной особенностью начального этапа этого процесса было полемически заостренное, резкое выражение познавательного начала. Вместе с тем это не свидетельствовало о полном отсутствии в идейно-художественной системе Богушевича поэтизирующего начала. В дальнейшем будут рассмотрены конкретные моменты проявления поэтизирующего подхода Богушевича к отдельным явлениям пародной жизни. Однако общий характер отношения Богушевича к действительности определялся своеобразием тенденции социально-критической как доминирующей, оказывавшей влияние — зачастую весьма противоречивое — на особенности и степень проявления идеального начала в его эстетике.

Осуществленный Ф. Богушевичем поворот к реальной, повседневной действительности, изображение ее противоречий, бытовой, прозаической обыденности, вскрытие зла и уродства мира угнетения привели к значительным трансформациям в самой природе эстетической оценки. Идеино-эстетическая точка зрения у Богушевича обнаружилась в характере отношения к изображаемой действительности, в степени преобразования реальных жизненных форм, призванных рас-

крыть уродливость современного поэту устройства мира и человеческих взаимосвязей. Крайняя противоречивость устройства бытия, отсутствие всякого намека на приобщение к «истинности», согласно взгляду Богушевича, уродливы, антиэстетичны. Так выражение точки зрения на противоречия как аномалию, неестественность обнаруживает своеобразие резко отрицательной эстетической оценки Ф. Богушевичем сущности буржуазно-помещичьей действительности.

«Истинность» у Богушевича неотрывна от идеи всеобщего единства. Эта идея как важнейший цементирующий компонент входит в его трактовку «истинного», будущего состояния жизни и человеческих отношений. «Каб уся зямелька ды адну праўду мела»; чтобы эта правда «ды людцаў з'яднала»². Истинность, по Богушевичу, противоположна противоречивости, вражде. По духу это близко устремленно гармонически-упорядочивающему, т. е. эстетическому. Можно, таким образом, говорить о наличии эстетического начала в самой исходной общественной позиции поэта; и хотя оно не обрело еще широкого и прямого выражения, его присутствие тем не менее создавало необходимую оценочную дистанцию в отношении к действительности. Эстетическое начало обнаруживалось, таким образом, зависимость от момента социального и неразрывно связанного с ним у Богушевича момента нравственного. «Истинное» у Богушевича, которое есть единство социального и нравственного (скрывающее в глубине эстетическое начало), определяет и оценку буржуазно-помещичьего мира как безобразного, дисгармоничного, оценку, в которой слиты социальное, нравственное, эстетическое.

В идеале прекрасного, в определенном типе красоты, утверждаемом художником, всегда воплощается то, в чем более всего нуждается народ, то, что более всего ему необходимо, что связано с его повседневной жизнью и борьбой. Для Богушевича важнее всего была правда. Правду ищет представитель угнетенного класса и угнетенной нации; понятие правды для него есть понятие справедливости, которая в тех условиях была прежде всего понятием социальной справедливости. Поиски правды, социальной справедливости, составившие пафос деятельности Ф. Богушевича, могли родиться только из глубокого ощущения несправедливости устройства буржуазно-помещичьего мира, несправедливости тех оснований, на которых он поконится.

Субъективно-чуткий и тонкий в восприятии красоты и радостной стороны бытия, Богушевич пытается понять мир в целостности, в его наиболее существенных проявлениях. Подобная художественно-мировоззренческая установка приводит к тому, что окружающий мир предстает лишенным поэзии и красоты, открывается как мир неразрешимых противоречий, мир, находящийся в трагическом состоянии. Задыхающийся в этом мире «подлости и обмана», страстно ненави-

² Ф. Богушевич. Творы, с. 34—35.

дящий «всяческое зло» поэт стремился отыскать живительный источник, прикосновение к которому делает человека свободным.

На этом пути Богушевич достиг высот подлинно трагической напряженности. Поэт верит в лучшее будущее, в силы народа, и это поддерживает его в неустанных попытках преодоления трагизма бытия, отыскания выхода из, казалось бы, застывших коллизий, ежесекундно порождающих зло. В противовес этому злу он выдвигает демократические идеи истинности, добра, справедливости, правды, равенства, отражавшие чаяния миллионных масс белорусского крестьянства. Он пытается взглянуть на трагический облик мира сквозь комическую призму, обрести более высокую, стороннюю точку зрения в отношении действительности, отвоевать большую степень духовной свободы. Это порождает крайнюю противоречивость, предельную внутреннюю напряженность художественного мира Богушевича.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВА. ПЕРВОСТЕПЕННОСТЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ

В публицистических предисловиях и программных стихотворениях сборников Ф. Богушевича выражены основополагающие идейно-творческие принципы художника-демократа. В предисловии к сборнику «Дудка беларуская» он писал: «Братъя милые, дети Земли-матери моей! Вам посвящая труд свой, хочу поговорить с вами немного о нашей доле-недоле, о нашем отцовском извечном языке, который мы сами, да не одни мы, а все люди темные «мужицким» называют, а называется он «белорусским». Я сам когда-то думал, что язык наш — «мужицкий» язык и не более! Но дай бог здоровья добрым людям, как научили меня читать, писать, с той поры я много где был, много что видел и читал: и убедился, что язык наш такой же человеческий и панский, как и французский или немецкий, или другой какой»³. Утверждение равноправия белорусского народа и его языка среди других народов как выявление одной из важных тенденций в общественно-политической жизни Белоруссии второй половины XIX в. занимало большое место в деятельности Ф. Богушевича. Тем самым определялись необходимые предпосылки развития национального искусства, потому что в тех условиях сама возможность художественного творчества находилась в прямой зависимости от утверждения права народа на свой язык, свою национальную самостоятельность.

Проблема языка выдвигалась Богушевичем как основная проблема национальной жизни. «Много было таких народов, что утратили прежде язык свой..., а потом и совсем замерли. Не покидайте же языка нашего белорусского, чтобы не умерли»⁴. Считая национальный язык важнейшей формой выражения духовного склада народа

³ Ф. Багушевич. Творы, с. 16.

⁴ Там же, с. 17.

(«язык и есть одежда души»), Богушевич пытается дать своеобразное, этимолого-поэтическое объяснение самому имени народа. Видя в языке наиболее устойчивый, ведущий признак нации, Богушевич в то же время подкрепляет фактор национального языка территориальным признаком, хотя и ставит его в зависимость от единства языка. Беларусь — там, «где наш язык живет», и далее следует перечисление городов, включенных в лоно белорусского языка. В обосновании освободительных устремлений трудового белорусского народа Богушевич обращается к истории, к эпохе XVI в., противопоставляя тогдашний расцвет белорусской культуры бесправному и униженному положению народа под гнетом самодержавно-помещичьего режима.

Стремление способствовать подъему самосознания трудового белорусского народа определяет и направление деятельности Ф. Богушевича в области литературы, а также понимание возлагаемых на нее задач. Поскольку существование белорусской литературы обусловлено сферой языка — важнейшей формы проявления национальной жизни, постольку усилия на поприще литературы есть содействие процессу национальной консолидации белорусского народа. «Смык есть, а кто-нибудь скрипку, может, доделает, а там была «Дудка», — вот и мы сделаем музыку...»⁵, — писал Ф. Богушевич в предисловии ко второму стихотворному сборнику. И это было не только выражением потребностей художественного развития народа, но пониманием факта существования литературы как необходимого условия полнокровной жизни самого народа. «Сделать музыку» для Богушевича — не просто художественная, «чисто» литературная установка. Судьбы белорусской литературы неотрывны от судеб трудового белорусского народа, и забота о его будущей исторической жизни питает пафос художественной деятельности Ф. Богушевича. Поэт в полную меру осознает как социальный, так и глубоко национальный характер своей публицистической и художественной деятельности, что выразительно обнаружилось в его программных стихотворениях «Моя дудка» и «Смык».

Неотрывность от жизни и потребностей трудового народа является органической и естественной предпосылкой поэзии Богушевича, непременным условием ее существования, что выражено поэтически глубоко и новаторски просто. Его «дудка» печальна и безрадостна, как сама жизнь народа, но в поэзии заключена громадная сила, призванная помочь народу обрести свободную и вольную жизнь. Иначе же зачем поэзия, если она не может помочь народу избавиться от беды, горя, несчастий, указать пути к источнику воли и свободы? Известный оттенок утилитаризма в подобном подходе есть как раз выражение цельности демократической, народной позиции Богушевича, возлагавшего на литературу задачи, которые мог-

⁵ Ф. Богушевич. Творы, с. 75.

ли быть решены лишь в процессе развития всех сторон духовной и материальной жизни народа. Вместе с тем сам факт выдвижения этих социальных и национальных задач явился важным этапом развития самосознания белорусского народа. А утверждение громадной действенной силы художественного слова («Смык»), которое могли бы слышать «везде», т. е. и по всей Белоруссии и за ее пределами являлось вместе с тем утверждением таящихся в народе неисчерпаемых сил, что питало веру поэта в будущее. Таким образом, задача создания национального искусства была неотрывной у Богусевича от понимания его назначения — служения трудовому народу, делу освобождения его от социального и национального гнета. Тем самым принцип народности выдвигался основополагающим принципом развития белорусской литературы, а также определял понимание Богусевичем общественной функции искусства, находя свою общую основу в сущности его мировоззрения в целом.

Именно эти принципы стали основой развития белорусской демократической литературы и эстетики. Богусевич был первым, кто с такой последовательной определенностью выразил назревшую необходимость в существовании национальной литературы и эстетики. Если эстетические представления Дунина-Марцинкевича были выработаны на основе оценки жизни народа со стороны, то эстетика Ф. Богусевича покоилась на представлениях, рожденных в лоне самой народной жизни и призванных помочь человеку труда самому разобраться в сущности происходящего в мире. И эта, по сути, первая национальная эстетика в качестве центральной задачи выдвинула необходимость объяснения, познания действительности, народной жизни.

Именно реалистическая и демократическая тенденциозность обусловила как общий характер идейно-эстетической позиции Ф. Богусевича, так и сущность и взаимосвязь характеризующих ее важнейших моментов: фиксация трагического состояния и комическое как попытка его преодоления, элементы идеализации и «истинность», т. е. целостность исходной позиции, определяющей резко отрицательную эстетическую оценку буржуазно-помещичьей действительности.

Резкая полярность противопоставления идеально окрашенных точек исходной общественно-эстетической позиции Ф. Богусевича дисгармоничной сущности буржуазно-помещичьей действительности есть лишь определенность его подхода к действительности, не дающая оснований для трактовки эстетики Богусевича как дуалистической, в которой устойчиво разграничены светлые и темные тона, положительные и отрицательные типы эстетических оценок.

Эстетике Богусевича неведома упорядоченная расположенность эстетических сфер, областей, как у Дунина-Марцинкевича. В эстетике Богусевича неразрывно сплетены и раскрытие трагизма народного бытия, и поэтизирующие моменты, и горькая пропия трагикомического изображения абсурдности, бессмысленности происходяще-

го в мире. Определенность отрицательной эстетической оценки буржуазно-помещичьей действительности у Богушевича не означает легкости улавливания всех ее оттенков и подлинной глубины; она уже не может с такой степенью адекватности выразиться в чисто «словесных» определениях, как ранее.

Вместе с тем градация важнейших категорий эстетики Ф. Богушевича не отличается широтой, обычно отражающей состояние развитых форм реалистического искусства. Тон доминирующей оценки достаточно устойчив, придавая мироощущению трагедийный колорит. Он возникал как отражение реальных условий, в которых протекала народная жизнь, того постоянного психологического состояния, в которое был погружен человек труда, простой белорусский труженик. Известная однотонность эстетической окраски произведений Богушевича возникала как следствие преимущественной нацеленности на раскрытие реальных жизненных противоречий, была результатом определенной идейно-художественной установки, призванной выявить чудовищную противостественность общественных порядков того времени. Отсюда и отсутствие красок, прозрачно-серый тон обрисовки резко трансформированных картин действительности. Если радость, красота, краски мира украдены высшими классами, то что остается на долю человека труда? Верность избранному тону не есть ограниченность. Богушевич изображает не многообразное, свободное, красочное бытие, а мир уродливый и мрачный. В пределах этих эстетических задач Богушевич обнаруживает подлинную широту подхода к действительности, о чем свидетельствуют и богатство оттенков комического и выявленные им важнейшие типы дисгармонии.

ИСТИННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО- ПРАВСТВЕННЫЙ ОЦЕНОЧНЫЙ ПРИНЦИП. ТРУД, ЧЕЛОВЕК, НАРОД

Исходный оценочный принцип Богушевича — принцип истинности, справедливости; ведущим в нем является момент социальный, который определяет демократическую и гуманистическую направленность позиции писателя. Человеком истинным, подлинным выступает у Богушевича простой белорусский крестьянин-труженик. Оформление позиции истинности, выразителем которой становится представитель трудового народа (а для него истинное, подлинное есть прежде всего то, что соответствует понятию социальной справедливости), свидетельствовало о достаточно высокой степени духовного противодействия окружающему миру. Такая позиция могла возникнуть лишь на основе определенных ценностей, из убежденности в существовании их. Истоки этих ценностей лежат в основополагающе-первичной, органической убежденности в «естественности» героя, крестьянина-труженика, и устоев его трудовой жизни. Эта исходная

«естественность» обусловлена коренным фактором жизни героя — он сам работает на себя, никого не угнетает, а потому не является носителем зла, царящего в этом враждебном герою мире. Перед нами, таким образом, идея «естественного» уравнительного крестьянского социализма, идея, бывшая формой выражения насущных потребностей миллионных масс белорусского крестьянства, а также показателем уровня развития его социального самосознания. Процесс утверждения, развертывания и развития этой идеи, выразившийся как в утверждении положительных ценностей, так и — более всего у Богушевича — в обнаружении «неистинности», «неестественности» буржуазно-помещичьей действительности, был процессом возрастания степени преодоления, неприятия враждебной народу действительности.

«Каб я панам ніколі не быў», чтобы «нізашто не меў чужы труд»⁶ — это первополагающая социальная предпосылка, утверждение которой, согласно взгляду говорящего от имени крестьянина поэта, залог жизни, свободной от угнетения и неравенства. Идея утверждения такой правды, такого понимания справедливости пронизывает собою многие произведения Богушевича. Это есть та единственная правда, которую ищет поэт. Законы, царящие в мире, оправдывающие беды и гнет, не есть правда, это — ложь, выдающая себя за истину. В стихотворении «Праўда», этой величественной трагической оратории, в которой напряженная выразительная сила лирического героя, выступающего заступником народа, соединяясь с народными плачами-голошениями, создает широчайший, всесветный образ народного горя, поэт мечтает о торжестве народной правды, о том, чтобы «людцы прызналі братоў ды братамі!»⁷ Утверждавшаяся поэтом идея всеобщего единства и всеобщего братства — это идея единства и братства людей труда, работников земли.

Принцип истинности, выступая у Богушевича принципом социальным, является у него вместе с тем и принципом нравственным. Истинный человек — крестьянин-труженик является и человеком нравственным. Но Богушевич как реалист избегает механического автоматизма взаимосвязи социального и нравственного факторов «Ахвяра» Ф. Богушевича — это своеобразная нравственная программа истинного человека («Каб я панам ніколі не быў», «І нізашто не меў чужы труд», «Каб прад меншым я носу не драў, а прад большым не корчыў спіны», «Каб грэх свой прад сабою пазнаў, у другіх каб не відзеў віны», «Каб не здрадзіў за грошы свой люд», «Каб сваю мне зямельку араць і умёрці на ёй хоць калі» і т. д.⁸), несущая отпечаток самоограничения. Показательно, что каждый из очерчиваемых как истинный нравственных принципов имеет своей исходной точкой

⁶ Ф. Багушевіч. Творы, с. 90.

⁷ Там же, с. 34—35.

⁸ Там же, с. 90.

центральный — «каб я панам ніколі не быў», все же последующие по отношению к нему несут значение указания-разъяснения, что значит не был паном и, следовательно, каковы черты настоящего человека. На первом плане оказывается социальный момент, раскрытие и утверждение принципиальной несовместимости мужицкого, истинного и панского, того, что построено на угнетении и унижении человека труда.

Вместе с тем эта программа выражена не в форме безоговорочных нравственных требований, а как стремление героя следовать этим принципам, как клятва верности им. Тем самым Богушевич избегает прямого дидактизма. Мало знать, каким должен быть человек и что есть лучшее в нем. Сумеет ли он остаться верным избранным принципам и пронести их через жизнь, которая враждебна всему истинно человеческому, — вот что волнует поэта. Поэт стремится вдохнуть свою нравственную стойкость в героя, но герой должен оказаться достаточно сильным, чтобы противостоять разлагающему влиянию буржуазно-помещичьей действительности. Выделение момента нравственной напряженности как внутренней дистанции в отношении к существующей действительности весьма показательно. Ибо это необходимое условие самой возможности существования истинного человека в тех жизненных условиях, которые враждебны всем его стремлениям и интересам.

Широта демократической точки зрения Богушевича, обусловившая провозглашение идеи всеобщего единства тружеников земли, возникает на основе понимания созидательного характера деятельности людей труда. Труд на себя — это необходимая жизненная предпосылка всякого истинного, нравственного человека. Масштабность поэтического мышления, глубокое понимание этой предпосылки в широком, общенародном плане ведут Богушевича к утверждению созидательного труда народа как символа и источника жизни вообще. Трудовому народу, пока что в духовной сфере, возвращалось то место, которое он всегда занимал в обществе: «...Магу свет карміць — гадаваць»⁹; «Глядзі! Горы паразрыты, а чыгункай свет абвіты: усе з мужыцкай цяжкай працы...»¹⁰, — говорит герой поэта и, обращаясь к панам, прямо спрашивает: «...Нашто я вам трэба: ці каб ваш хлеб есці, ці рабіць вам хлеба?»¹¹

В данном случае выражалось типическое для трудовой крестьянской среды понимание своей роли в жизни как работника-«кормильца». Выделение в первую очередь конкретного жизненно-производственного аспекта трудовой деятельности народа, достаточно определенно представленного в «Мужицкой правде» К. Калиповского, находит у Богушевича многократное повторение и развертывание. Вместе с

⁹ Ф. Богушевич. Творы, с. 100.

¹⁰ Там же, с. 22.

¹¹ Там же, с. 33.

тем эта сугубо крестьянская трактовка роли народных масс и человека труда как «кормильца» всего общества благодаря широте идейно-художественной точки зрения Ф. Богусевича выходит за рамки конкретно-экономического, утилитарно-производственного аспекта, связывается с преобразующим характером труда вообще, в процессе которого деятельность народных масс раскрывается как сила, изменяющая облик всей земли.

Такое понимание жизнетворящей роли народных масс, опирающееся на раскрытие их преобразующей деятельности, неразрывно связано с трактовкой человека труда как истинного, подлинного. Сливающимися у Богусевича воедино понятия правды, истинности, справедливости несли отчетливую социальную направленность, которая и определяла демократический и гуманистический характер его позиции. Социальная и нравственная оценка крестьянина-труженика призвана показать его непричастность к несправедливости, царящей в окружающем мире. Тем самым в само понятие истинности человека полемически включался момент несоединимости с существующими общественными отношениями. Труд, выступая необходимой фундаментальной предпосылкой всякого подлинного человека, по сути оказывается предпосылкой социальной, ибо чертами истинности отмечены люди труда, крестьянство по преимуществу, бывшее у революционных демократов выразителем интересов всего трудового народа. Отметим также, что в общей системе революционно-демократического мировоззрения труд является важнейшим фактором осуществления единства крестьянина-труженика и земельно-природного окружения (а в целом это единство рассматривается в идеальном свете). В плане же противопоставления «простой правды» человека труда нагроможденности и запутанности существующих отношений неправды и несвободы истинность крестьянина-труженика выступает следствием конкретно-очевидной «естественности» реального жизненного положения работника земли и обстоятельств его трудовой деятельности.

Позитивно-идеальная обрисовка истинного, подлинного человека заключена у Франтишка Богусевича в пределы определенного социального типа — крестьянина-труженика. Указание на черты его истинности есть одновременно и очерчивание той реальной общественной сферы — народной, крестьянской жизни, которая выступает как единственно возможная среда, чьи плодотворные начала обуславливают существование этого социального типа. Это весьма характерная для крестьянских демократов точка зрения выявляется и у Калиновского, и у Богусевича, а затем позднее обнаружится у Купалы и Коласа. Для революционно-демократической идеологии присуще постоянство очерчивания указанной социальной среды и ее представителя как человека истинного, и вместе с тем этот первоначально всеобщее-абстрактный представитель как целостная фигура постепенно будет представлять во все большем разнообразии конкрет-

ных в той или иной степени индивидуализированных человеческих типов, порожденных одной социальной средой.

Поскольку данный процесс нашел свое рельефное выражение в области эстетического сознания, постольку формирование и развитие творческой индивидуальности демократических писателей при их верности определенному социальному типу сопровождалось выявлением разнообразных индивидуально-человеческих типов. Эта множественность конкретных оболочек выражения потребностей и интересов общности свидетельствовала о качественно новом моменте в отношении общности и отдельного человека в сравнении с чертами механицизма, которыми это отношение было отмечено у Калиновского. Формирование идеалов революционных демократов как раз и отразило процесс осознания, кристаллизации всеобщих социальных и духовных потребностей и интересов трудового народа, а бывшее следствием этого процесса разнообразие представленных человеческих типов, почерпнутых из сферы народного бытия во всем богатстве их связей и отношений, явилось свидетельством своеобразного «разделения» духовного, мыслительного материала в революционно-демократической идеологии, постепенного нащупывания качественных отличий общего и отдельного, абстрактного и конкретного.

Истинность, подлинность как сущностная характеристика человека является у Богусевича прерогативой определенного социального типа. Вместимость, объемность такой социально-нравственной содержательной доминанты как раз и обуславливают настойчиво проводившуюся Богусевичем идею единства и братства всех людей труда, работников земли. Возможность осуществления этого единства закономерно мыслится в пределах одной социальной общности. Выдвижение на первый план широкого человеческого типа как представителя общности оказывается осознанием коренной — социальной черты родства миллионов труженников, а формулирование самой идеи их единства и братства есть уже призыв к социальной консолидации, основанной на совпадении интересов и потребностей всех людей труда. «Одна правда» Богусевича — это и есть та же мужицкая, всенародная правда-свобода, за достижение которой боролся К. Калиновский, это такое общественное состояние, в котором нет эксплуатации и унижения, нет вражды и ненависти, это общество равных и свободных труженников. Истинность человека у Богусевича включает поэтому и фактор его тесного приобщения к всенародной целостности, оказывается выражением его глубокого родства с другими людьми, такими же труженниками, как и он сам.

Последовательная социальная направленность идеи истинности, правды, трактуемой то в широком значении — как справедливое общественное устройство, в котором трудовой народ занимал бы центральное место, то в более узком — как существо подлинного, нравственного человека, находит у Ф. Богусевича своеобразную конкретизацию-дополнение, связанную с выражением патриотического

чувства. Само понятие «народ» у Богушевича охватывает, как и у Калиновского, всех людей труда, крестьянство по преимуществу. Вместе с тем данное понятие обогащается у Богушевича более четким выражением национального момента; он пишет не только о «мужиках наших» (К. Калиновский), а также говорит о «белорусах», «белорусском народе» и в свое определение нации включает фактор языка и территориальный признак. Эти новые черты в трактовке народа обретают выразительную аналогию в поэтическом творчестве Богушевича как проявление чувства глубокой любви к родному краю, верности своему народу и земле, на которой родился и вырос («Мая хата», «Свая зямля»).

Патриотическое чувство обнаруживается как чувство общности со своим народом и, находя свое согласование с идеей единства всех тружеников земли, выступает как важная внутренняя характеристика истинного человека: «Каб за край быў умёрці гатоў, каб не прагнуў айчыны чужых»¹². Преданность своему краю и народу, стремление всячески содействовать его благу не имели у Богушевича ничего общего с национальной замкнутостью и ограниченностью именно благодаря последовательности его социальной позиции. Когда Богушевич пишет о благе родного края, то имеется в виду благо трудового белорусского народа. И даже когда герой поэта говорит: «Не аддам за сурдут каптан свой надраны»¹³, то в плане общего противопоставления чужим оказывается панское, господское, а своим, родным — трудовое, крестьянское. Не случайно благо своего народа и благо всех людей труда на земле сливаются у Богушевича воедино. Патриотический момент в обрисовке Богушевичем истинного человека являлся существенной чертой его характеристики, что закономерно согласовалось с назревающими изменениями в социальной психологии трудового народа, с процессом формирования национального самосознания.

Трудовая деятельность народа утверждалась Богушевичем как источник жизни вообще, как сила, преобразующая облик земли, однако это утверждение еще не достигло у него степени открытой и широкой поэтизации. Своеобразие утверждения Богушевичем созидательной деятельности народа в силу специфического характера его идейно-эстетического подхода к действительности может быть определено лишь как находящаяся в становлении, кристаллизирующаяся форма поэтизации. Это обусловлено некоторыми исходно-оценочными моментами позиции поэта, его глубокой убежденностью в том, что истинно ценное незаметно, скрыто, не обладает той степенью паглядной оформленности, которой владеет видимо-показное. Это несовпадение внешнего и внутреннего, оболочки и истинной сущности убедительно раскрыто Богушевичем в ряде произведений («Не пу-

¹² Ф. Багушев і ч. Творы, с. 90.

¹³ Там же, с. 32.

райся», «Папская ласка» и др.). Богушевич стремится показать истинную сущность созидательной деятельности народа, благодаря труду которого существует все на земле, в том числе и паны и паничи с их образованностью и культурой. Эта ориентированность на сущность связывается с пониманием истинного как глубоко скрытого, незаметного и определяет своеобразие утверждения поэтом созидательного труда народа. «Приобщение к корням», известное недоверие и отстранение от форм чисто внешней выразительности, способных исказить подлинную природу изображаемого явления, могут быть признаны характерной особенностью позиции Богушевича. В то же время историческое развитие эстетического сознания белорусского народа выдвинет в дальнейшем необходимость широкой и полповесно-рельефной поэтизации созидательного труда народа (Я. Купала, Я. Колас).

У Богушевича ростки поэтизирующего начала возникали на основе соприкосновения широкой идеи всеобщего единства людей труда, понимания нужд тружеников всей земли с конкретными обстоятельствами национальной жизни, соприкосновения, рождавшего глубокие патриотические мотивы. Причем убеждение в истинности незаметного наложило своеобразный сдерживающий отпечаток и на характер проявления поэтизирующего начала у Богушевича. В этом отношении «Мая хатка» и «Думка» являются типичными образцами. «Бедна ж мая хатка», «кепска ж мая хатка..., а яна мне мила», — строки сразу обретают символический смысл, выражающий сыновнюю привязанность к родному краю. «Я не кіну хаты, хоць вы мяне рэжце», — углубление этого патриотического мотива не ведет к безоговорочному оправданию своего, пусть даже и неприглядного. Вкрапленная пейзажные детали — «На страсе мох вырас, на мху бярозка»¹⁴, — поэт как бы стремится раздвинуть мрак неприглядности, подтвердив тем самым верность своему «дому». В «Думке» выражена надежда на будущее («Да слушнага часу дажыву, як трэба!», «Перастанем плакаць мы над сваей доляй») ¹⁵.

Поэт как бы присматривается к народной жизни, замечая черты и образы, способные стать реальной основой, на которой могло бы органично, из недр самой этой жизни развиваться идеальное, поэтизирующее начало. Отсюда, из этого, быть может, субъективно не до конца осознанного стремления к светлой стороне бытия, к радости и красоте, живущего в глубинах души поэта, но потесненного другими — жизненными и общенародными — потребностями и заботами и глубоко скрытого под ними, проистекает и характер поэтизации у Богушевича.

Надежда на новую жизнь может приглушаться и даже исчезать на время, но ее нельзя отнять у человека. В одном из самых безра-

¹⁴ Ф. Богушевич. Творы, с. 32.

¹⁵ Там же, с. 38, 39.

достных произведений Богушевича «Кепска будзе!» эта надежда вспыхивает в полную силу, обнаруживая страстную, неугасимую жажду воли и свободы. «Відзеў пташку я у клетца, як галоўкай потым б'ецца... І сканае... жыць не хоча! Нашто — гадзіну, мядзянку, пусці ў шклянае пачыinne,— сама сабе без прастанку будзе жаліць, покi згіне!.. Як ужо скаціна тая або гадзіна праклята, і та цэну воли знае, што ж для нашага-то брата, меўшы розум не скацінны, як знаць волю мы павінны?»¹⁶

РАСКРЫТІЕ СОЦІАЛЬНЫХ ПРΟТІВОРЕЧІЙ

Лишь свобода отмечена у Богушевича пафосом высокого поэтического утверждения. Именно с этой высшей идеальной точки начинается у Богушевича вскрытие повсеместной несвободы буржуазно-помещичьей действительности. «...С каждым днем,— писал Ф. Богушевич,— спадает перед моими глазами по одной скорлупе и по одному листику, которые прикрывают мир, и видна неприкрытая безобразность: подлость, как сапожная смола, толстым слоем скрывает тот гной, и беда тому, кто ошибочно принимает его за палитру»¹⁷. Собственно, это и есть центральная познавательная установка Ф. Богушевича, установка на выяснение сущности явлений и сфер действительности, господствующих общественных отношений, на вскрытие их подлинной, глубоко запрятанной сути, а не внешней, вполне благопристойной оболочки, затушевывающей реальное положение дел. Неприятие внешнего, нацеленность на обнаружение скрывающегося внутреннего, подлинного — подобный подход к действительности требовал от художника высокой степени преобразования конкретно-чувственного облика мира, значительной трансформации «эмпирической» реальности, рассмотрения ее на таком изгибе, в таких ситуациях, которые позволили бы, не теряя уровня конкретности, дать представление об истинной природе изображаемых явлений. Это была эстетическая нацеленность на сущность (противоречия, дисгармонию), нацеленность, отличающаяся единством моментов оценочного и изобразительного.

Обнаружение противоречивости мира как раскрытие его подлинной сущности стало основой и началом дальнейшего художественного исследования действительности, результатом которого явилось осознание конкретных форм дисгармонии, порожденных реальными общественными отношениями того времени. Противоречивость как важнейшая характеристика буржуазно-помещичьей действительности обретает в эстетике Богушевича конкретизацию благодаря идее всеобщей взаимосвязи и осознается как дисгармония, т. е. противоречивая взаимосвязь. Тем самым постулировалась реалистическая,

¹⁶ Ф. Багушевiч. Творы, с. 60.

¹⁷ Там же, с. 178.

художественно-исследовательская проблема выяснения сущности противоречивого отношения, особого характера взаимозависимости его контрастных сторон. А это значит, что исходный социально-правственный принцип истинности, определявший своеобразие оценки действительности того времени как враждебной человеку труда, указывал лишь общее направление, общий характер этой оценки. Выяснение же конкретного характера противоречивой взаимосвязи — это уже всецело эстетическая установка позиции Богусевича, установка, позволившая перейти от общей оценки «неестественности» мира к изображению определенных форм противоречий, присущих реальной действительности. Процесс этой конкретизации был немислим вне позиции человека труда (бывшей и позицией писателя), потому что такая позиция являлась крайней точкой противоречивого отношения, с которой наиболее рельефно обнаруживались чудовищные несообразности, присущие действительности того времени. Опора на эту крайнюю точку определила особенности образной системы произведений Богусевича, в частности, значительное место в ней принципа контраста, ставшего формой изображения социального, экономического и духовного неравенства, неравенства как всеобщего состояния.

Мир, который изображает Ф. Богусевич, — это не земля под солнцем и звездами. Там не светит солнце; это мир где-то на границе земли и преисподней. Солнце для поэта — это правда, которую закопали, спрятали, а потому и мир этот как чертово насланье. А звезды? Да над мужиком столько чиновников, сколько камней в поле, сколько звезд в небе¹⁸. Присоединение звезд — символа возвышенных стремлений, символа идеального, удаленного от земного, будничного в романтической поэзии — к чертовой механике общественных пут, образно-сравнительный ряд: тьма чиновников — камни в поле — звезды в небе является выражением совсем иной системы художественного мышления, чем лирическая или эпическая.

Сразу улавливается определенность социальной точки зрения на мир, обуславливающая и характер его изображения, которое является изображением действительности противоестественной, фантазмагорической, но тем не менее вполне реальной, ощутимой и агрессивной в своих проявлениях. Так рождается широкий тип контрастного противопоставления крестьянина-труженика и враждебной ему буржуазно-помещичьей действительности, призванный выявить прежде всего глубокую социальную несоединимость. Принцип контрастного противопоставления занимает важное место у Богусевича — и в его поэзии (крестьянин — пану), и в публицистике (прошлое — настоящему), и в письмах. Можно сказать, что дисгармония как противоречивое отношение — важнейшее эстетическое понятие, сквозь призму которого Богусевич смотрит на жизнь. Богусевич пишет Я. Карловичу, что «там, в большом городе, вдалеке от

¹⁸ Ф. Багушевич. Творы, с. 23.

жизненных мелочей», не знают и наполовину, «как вообще плохо здесь, на нашем свете»¹⁹. «На нашем свете» по своей смысловой и грамматической конструкции звучит как «на том свете».

На первом плане у Богушевича — социальный конфликт, выявление глубины противоречия между высшими слоями буржуазно-помещичьего общества и трудовым народом. Это несовместимость социального порядка, которая не может отлиться в ту или иную форму гармонического уравнивания, о чем мечтал Дунин-Марцинкевич. Важно при этом, что данное социальное противоречие благодаря присутствию напряженной гуманистической точки зрения раскрывается в своей конкретной жизненной форме — как указание на реальные черты подлинного положения человека труда в эксплуататорском обществе. «Адзін ходзе у саце, у золаце з плеч да ног, а другому, каб прыкрыцца хоць анучай — велькі труд... Адзін мае хатаў многа, а вялікіх — касцёл моў... У другога ў сцяне дзюры, вецер ходзе, дым і снег; тут карова, свіппі, куры... Аднаму дзiesiąткі-служкі зарабляюць сотні сот; рукі ў яго, як падушкі, як кісель, дрыжыць жывот! Другі ж сам, аж на дзiesiąтак працуючы, лье свой пот, а высахшы, як аплатак, цянюські, як той кнот»²⁰. Принцип контрастного противопоставления становится наиболее очевидной художественной формой выявления неразрешимых общественных противоречий, глубокого социального неравенства, господствующего в буржуазно-помещичьей действительности. Социальный тип противопоставления (крестьянин — пан, эксплуататор вообще) — важнейший и основополагающий у Богушевича, определивший саму возможность раскрытия многообразных форм зависимостей, которыми опутан человек труда в эксплуататорском обществе.

В основе принципа противопоставления, контрастного взаимоотношения тех или иных начал лежит их различие, существо которого как раз и призвана высветить данная форма их поляризации и одновременной сближенности. И сам выбор определенных общественных и жизненных явлений, рассматриваемых как противоположные, и степень остроты и резкости их сопоставления определяются направленностью общественной позиции художника, четкость и последовательность которой обуславливает как раскрытие действительных черт этих явлений, так и характер их подлинных отношений, реальной размежеванности, выявляемой зачастую как принципиальная несовместимость. Трактовка Ф. Богушевичем отношений противоположных социальных лагерей как раз призвана показать враждебность существующих порядков трудовому народу, раскрыть всю глубину различия интересов человека труда и эксплуататоров. Это достигается путем широкого развертывания, все более рельефного изображения противостоящих человеку труда враждебных сил.

¹⁹ Ф. Багушэвіч. Творы, с. 172.

²⁰ Там же, с. 44—45.

Постоянно сохраняя саму структуру противопоставления, носящего социальный характер (мужик — пан), Ф. Богушевич стремится показать всю сложность общественных отношений своего времени, отмеченного крайне противоречивым переплетением утверждавшихся капиталистических порядков со старыми, феодальными началами. Изображение сложного и противоречивого облика действительности оказывается вместе с тем раскрытием существа этих «новых порядков» в отношении к простому человеку труда. Гуманистический характер позиции Ф. Богушевича как раз позволяет ему увидеть, что наступление капитализма ведет лишь к увеличению тяжести, лежащей на плечах человека труда, ибо к панам старым прибавились новые. Сопоставляя прошлое и настоящее, крестьянин размышляет: «Там быў аюпам, камісар і цівун, памеснік, ляснічы, хмістрыня, паны. І кожны меў права ўзяць за бізун, і кожны меў права да нашай спіны... Цяпер ці не болей настала паноў?! Не падта свабодна у гэтай свабодзе, і давай я лічыць паноў новых ізноў: стараста, соцкі, пісар, старшыня, пасрэднік, ураднік, асэсар і суд, з'езд міравы, прысуцтва і сход... Аж пальцаў не стала на весь гэты шчот, а пальцамі ж трэба карміць гэты люд...»²¹

Человек труда, простой крестьянин оказывается одиноким перед лицом множества угнетателей и притеснителей, на которых он должен трудиться, — этот глубоко гуманистический момент обрисовки реального положения человека труда в эксплуататорском обществе, весьма отчетливый уже у К. Калиновского, получает в творчестве Ф. Богушевича широкое и выразительное художественное изображение.

Это множество панов, сидящих на шее крестьянина-труженика, находит у Богушевича свою реальную аналогию-согласование с чудовищной разветвленностью чиновничье-бюрократического государственного аппарата, с невероятным количеством учреждений, призванных охранять существующий порядок вещей. Бесчисленность административных органов и должностных лиц как бы призвана показать ужасающую многоликость, бесконечную вереницу носителей зла, всеобщность и повсеместность его существования в буржуазно-помещичьей действительности. Пан, множество панов, бесчисленное количество государственно-бюрократических установлений — все это проявления одной и той же враждебной человеку труда силы, это улавливание реальной сути эксплуататорского общества, построенного на угнетении и унижении человека труда, форма отражения типичного для этого общества всеобщего процесса постоянного порождения и нагромождения зла.

Поиск человеком труда правды, социальной справедливости наталкивается на государственную бюрократическую систему, основное назначение которой состоит в том, чтобы охранять существующие от-

²¹ Ф. Богушевич. Творы, с. 70.

ношения несвободы и неправды. Сложность, нарочито-хитроумная нагроможденность бюрократических органов и учреждений — это как те «ламы», завалы, под которыми погребена, спрятана простая, как говорит Богушевич, правда. «Судоў нарабілі, начальстваў ці мала: пасрэднік і воласць, сінод і сенаты, прысутства і вокруг, управы, палаты. А найбольш міравых, участковых і з'ездаў... Затое ж жыццё цяпер труднае стала»²².

В стихотворении «У астрозе» крестьянин попадает в тюрьму якобы за незнание «порядков», установленных эксплуататорским обществом. Но герой, простой человек из народа, является носителем совсем другого знания. Он в полную меру ощущает тяжесть царских законов, которые несовместимы с его мечтами и стремлениями. «Законы ж, а думачкі нашага брата, як поч, а то дзень; гэта будні, то свята. Вот гэтых законаў панядз я не мог, за гэта ж цяпер я папаўся ў астрог»²³.

Губительным для крестьянина оказывается само соприкосновение с административно-государственной системой. Показательно в этом отношении стихотворение Богушевича «Як праўды шукаць». Написанное в саркастическо-издевательском тоне по отношению к существующим государственным установлениям, якобы призванным стоять на страже справедливости, оно как раз выявляет бессмысленность их существования в подобной функции, ибо сами эти органы порождены тем состоянием жизни, которое основано на силе, зле, неправде, на унижении человека труда. Рассказывается конкретный, поданный в гротескных тонах случай поиска «правды» представителями власти, в результате чего свидетель-крестьянин «па судах агалеў, як шэсць разы згарэў», а «правды» так и не нашли. «Як на тое ж і праўда схавалася гдзесьць»²⁴. Для поэта и его героя — человека труда выше всего правда подлинная, истинная — справедливое, не знающее вражды и угнетения устройство жизни, в которой хозяева — простые труженики. Для представителей буржуазно-помещичьей власти «правда» — конкретный случай, произошедший с кем-то, будь то убийство или еще что; «найти правду» для них означает найти того, кто мог бы понести ответственность за это, быть наказанным во имя «идеи» порядка, а таким ответственным чаще всего оказывается бесправный простой человек.

Свидетель-крестьянин, вызванный в суд, оказывается в затруднительном положении, ибо все, что бы у него ни спрашивали, оборачивается против такого же крестьянина, как и он сам. «Прысягаўны на тым, трэба ж праўду казаць! Тут пытаюць мяне, а тут жаль Петрука»²⁵. Но судебные чиновники слишком далеки от какого бы то ни было сочувствия или жалости к человеку. Они часть машины

²² Ф. Багушевич. Творы, с. 23.

²³ Там же, с. 69.

²⁴ Там же, с. 25.

²⁵ Там же, с. 26.

угнетения и способны действовать лишь в рамках заданной им функции, предписывающей видеть в обвиняемом только преступника, т. е. того, кто не вменяется в рамки дозволенного законом, а потому как бы *выпадает из этой жизни*.

Данная Богушевичем картина суда («У судзе»): «па аднэй старане душ чтарнася сядзіць, па другой — арыштант, той, што будучь судзіць»²⁶, особенно сам тот факт, что одного человека собрались судить так много людей, благодаря уже знакомым формам гуманистического противопоставления воспринимается как насилие, несправедливость в отношении этого человека. И хотя в этом стихотворении ситуация чуть ли не анекдотическая, поэту удается выразить грабительскую природу судебных органов, служители которых стремятся обобрать до нитки попавшего в их лапы человека. «І начыне забраць, і худобу прадаць, што ў казну, то ў казну: і яшчэ камусь даць; тысяч тры там, ці што, налічыў ён пяні»²⁷. А ведь у того же самого Петрука нет ни гроша.

Широта идейно-эстетической точки зрения позволила Ф. Богушевичу увидеть в, казалось бы, обыденных случаях судебной практики того времени отражение коренных социальных противоречий конца XIX в. Выявляя реальный характер отношений простого человека труда с порожденными обществом угнетения судебно-административными органами, он показывает, что хищническая, грабительская сущность судебных органов определяется самой природой буржуазно-помещичьего общества, учреждения которого призваны охранять существующие насилие и угнетение. Богушевич как раз и вскрывает этот фундаментальный факт, факт существования судебных (и иных административных) органов как защитников эксплуататорских порядков. А сам процесс суда изображается Ф. Богушевичем как утвержденная буржуазно-помещичьим обществом и важнейшая для него форма «учения», цель которого «вучыць шанаваць і начальства, і кнут, і слуп, што гніець, стоячы ля дарог»²⁸.

Так видятся Ф. Богушевичу сами основы этого мира, его начала: «начальство», царско-бюрократический чиновничий аппарат, «кнут» и «столб», разделительные межи, знаки неравенства. А сущность враждебного человеку труда мира несправедливости выявляется по этому как социальное неравенство, охраняемое при помощи насилия.

Последовательное нарастание показанных поэтом многообразных форм несовместимости человека труда с различными установлениями эксплуататорского общества ведет к предельно широкому, всеохватывающему изображению коренной, принципиальной противоположности интересов и стремлений простого труженика и существующей действительности вообще, всего окружающего мира, вражде-

²⁶ Ф. Багушевич. Творы, с. 26.

²⁷ Там же, с. 28.

²⁸ Там же, с. 69.

дебного крестьянину и агрессивного в отношении его во всех своих проявлениях.

Состояние этой враждебности постоянно и повсеместно, оно сопровождает крестьянина во всех случаях его жизни, от рождения до смерти. Это или крайне неблагоприятные стечения обстоятельств, целая вереница бед, следующих одна за другой с неумолимой закономерностью, что порождает не оставляющее ни на секунду ощущение приближающегося несчастья, или установленные порядки, губительные для героя; их нарушение связано с единственной дорогой в жизни — дорогой в тюрьму. Суд, тюрьма — наиболее полное воплощение судьбы героя, вступившего в соприкосновение с миром. Это неизбежный путь героя, что бы он ни начал делать — то ли скосырнул межевой знак («У астрозе»), то ли потому, что родился («Кепска будзе!»). Это страшно, когда человеку лучше и не появляться на свет, когда злоеущая тень брошена на самые основы человеческого бытия.

Всеобщность господствующего состояния несвободы превращает окружающий мир в гигантскую тюрьму. Как наиболее яркий символ несвободы, порабощения тюрьма и выступает в стихотворной повести Ф. Богушевича «Кепска будзе!» наиболее адекватным образом той действительности, в которой живет герой поэта — человек труда.

Губительно для человека ощущение невозможности, опасности всякого действия; если все, что он ни делает, ведет лишь к беде, рождается ощущение проклятия, лежащего на самом действовании, а вместе с тем и ощущение полнейшей абсурдности бытия, невозможности жизни. Богушевич подходит к самой границе этого ощущения, оно стремится найти выход во многих его произведениях, но величайшим усилием воли поэт сохраняет веру и надежду. «Так быть не может, должно быть иначе, а иначе быть не может — только лучше!»²⁹

Поэтому мучительно было говорить об угнетении народа. Но подлинный путь, на котором трудовой народ мог бы подняться к осознанию своего положения и своих потребностей, Богушевичу неведом. В его позиции ощутил оттенок просветительства, проявившийся в преувеличении роли прогрессивной интеллигенции. Но даже в «Не цурайся», где герой обращается к паничу, призывая его употребить на пользу народа то, что он «узнал в книжках»³⁰, даже там с поражающей отчетливостью проведено полярное, резко дисгармоническое противопоставление панского и мужицкого, светлого и темного, образованности и неграмотности, показана зависимость существования первого от второго. «На кашулю глядзіш крывым вокам, што у хаце мне бабы пашылі... А твая ж? Як той снег, як папер, і пацеў хто, і ткаў, і бяліў, і хто шыў, і хто праў... Ты той пот на сябе узваліў»³¹.

²⁹ Ф. Багушевич. Творы, с. 172.

³⁰ Там же, с. 100.

³¹ Там же, с. 99.

Вот истинная цена всего того, чем владеет панство. Сам принцип изображения призван выявить подлинную ценность вещей; даже «светлое», традиционный цвет идеального и одухотворенного, не имеет в эстетике Богусевича подобного значения. В «Не цурайся» им обозначен скорее лишь внешний, наглядный облик духовности, который поэт — рационалистически — и хотел бы совместить с истинной сутью, с нуждами народа, но на первый план, быть может, вопреки предварительной установке выдвигается иная, трагическая сущность — все лучшее в жизни панства обретоно страшной ценой, ценой того, что весь жизненный мрак, непосильный труд и беды вытеснены в область народного бытия. Так повсеместно на первом плане оказывается социальный момент, раскрытие глубины пропасти между высшими слоями буржуазно-помещичьего общества и трудовым народом.

Обнаружив неравенство в его, так сказать, наиболее резкой, социально-экономической форме, Богусевич вместе с тем обнаружил и результаты, следствия этого неравенства — угнетение и унижение человека труда. Заслугой Богусевича стало вскрытие антигуманного общественного состояния, утверждавшего благополучие верхов путем нещадного унижения трудового народа. Богусевич с горечью замечает губительные последствия для человека труда нынешнего состояния общества. Это и плакучая, безрадостная песня, которую поет простой белорусский крестьянин³², и постоянно возвращающееся настроение безысходности, сводящее ощущение жизни к ожиданию напастей и бед, которые не замедлят явиться³³, а также порожденные неравенством унижение, боль, зависть, злость: «Каб глядзеў, які я ад усіх няшчасны? Каб душа балела, гледзячы на долю, Каб сэрца шчымяла і рвалася з болю?»³⁴

ДРАМАТИЗМ НЕРАЗРЕШЕННОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПОЗИЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Изображение Ф. Богусевичем несовместимости буржуазно-помещичьей действительности и человека труда, носителя истинности, типичного представителя народных масс, выступало как конкретная форма неприятия существующих социальных порядков. Тем самым единственно возможной для подлинного человека жизненной позицией оказывалась позиция неприятия буржуазно-помещичьей действительности, и в целом степень противодействия неистинному миру выступает степенью истинности человека. И наоборот, близость к существующему, сращенность с ним свидетельствуют о нравственной деградации. Так противопоставление социального плапа (мужик —

³² Ф. Багушевич. Творы, с. 74.

³³ Там же, с. 38, 58.

³⁴ Там же, с. 34.

пан), выражавшее реальное отношение противоположных общественных лагерей, предстало непримиримым нравственным дуализмом подлинного и ущербного, добра и зла. Для Богушевича несомненно несоединимость противоположных социальных и человеческих типов, выступающих как антиподы. Человек труда — представитель идеальной, будущей свободной жизни; пан, эксплуататор вообще — образ настоящего ущербного состояния мира.

Несовместимость таких полярных начал рассматривается поэтом также в плане абсолютной противоположности правды и силы («Праўда»), где сила трактуется конкретно, как проявление жестокости буржуазно-помещичьей действительности в отношении человека труда, как насилие над ним, а понятие правды оказывается несколько абстрактно-расширительным, поэтому в целом противопоставление правды и силы как бы застывает при доминанте конкретности. Эта недостаточная проясненность путей выхода на просторы свободной жизни будет преодолена в дальнейшем развитии идеологии крестьянского демократизма, и процесс этот станет также выяснением существа той силы, носителями которой являются люди труда, в противовес силе жестокости и бесчеловечности буржуазно-помещичьей действительности («Адвечная песня» Я. Купалы), что будет идти рука об руку с утверждением необходимости противопоставить силе панства силу народа (Я. Купала, Я. Колас).

Известная неоформленность, недостаточная активность практически-действенного начала в программе Ф. Богушевича, преимущественное развитие художественно-исследовательских, познавательных ее сторон определяют пристальный интерес к тем конкретным обстоятельствам и ситуациям, которые должны были показать и утвердить подлинность, нравственную стойкость и жизненность героя поэта — крестьянина-труженика, вынужденного жить в действительности, чьи установления попирают все понятия о настоящих, человеческих связях и отношениях.

Прежде всего должны быть отмечены те или иные формы открытого бунта героя Богушевича против представителей существующих социальных порядков. Правда, бунт этот носит локальный характер, развертывается на уровне обыденно-конкретной жизненной ситуации и вспыхивает спорадически, являясь реакцией на действия представителей власти, как например столкновение Алиндарки с ассессором в «Кепска будзе!». Случай, описанный в стихотворении Богушевича «У астрозе» — крестьянин всыпал «уряднику трэйчы... меж вушоў»³⁵, — переданный в комически-гротескных тонах, отличается значительно большей содержательностью. Потому что спор крестьянина с урядником о важности межевого знака перерастает в рассуждения героя о том, что в этом мире живое, а что мертвое, и в соответствии с его логикой «столб» как символ неравенства, одно из

³⁵ Ф. Багушевич. Творы, с. 66.

оснований-пачал существующей действительности оказывается гнилым, мертвым. Этим, собственно, и исчерпываются изображенные Богусевичем случаи прямого столкновения человека труда с буржуазно-помещичьими установлениями как наиболее очевидной формы выражения их несовместимости.

Говоря о моментах обостренно-резкого изображения тех ситуаций, внутренняя напряженность которых создавалась коренным социальным противоречием той поры, не следует забывать, что центральной проблемой Богусевича являлось раскрытие принципиальной несовместимости народного и панского, трудового и эксплуататорского. И характер решения этой идейно-эстетической проблемы обуславливался типичными обстоятельствами общественной жизни последнего десятилетия минувшего века, отмеченного весьма интенсивным, наполненным глубоким драматизмом нарастанием ведущих социальных противоречий, которые хотя и со все большей последовательностью, но пока еще лишь эпизодически достигали грани открытого конфликта. Как художник-реалист Богусевич чутко реагировал на все изменения, происходящие в народной жизни. Вместе с тем он стремился к выявлению глубинных социально-психологических состояний народной жизни, проникновение в которые раскрывало бы самую жизнетворческую сущность трудовых начал народного бытия в их противоположности существующим социальным порядкам и установлениям. Это и определило в творчестве Ф. Богусевича своеобразие тех художественных форм, которые были призваны показать сущность позиции истинности (и народной жизни вообще и человека труда, носителя ее лучших начал) как позиций неприятия существующей действительности, неприятия, которое хотя и не связано с ситуацией открытого конфликта, но отличается поразительной широтой и высокой степенью напряженности. Собственно говоря, нахождение таких художественных форм и являлось ответом на вопрос: как же возможно существование человека в условиях враждебной ему резко дисгармоничной действительности?

Раскрытые Ф. Богусевичем формы социальной и нравственной дисгармонии выступали как типическая характеристика буржуазно-помещичьей действительности. Само понятие дисгармонии — важнейшее у Богусевича — возникло как специфическая форма отражения реальных жизненных противоречий. В основе этого понятия лежит момент противопоставления, контраста, являющийся формой осознания самого факта наличия двух противоположных сторон. Это противопоставление оказывается по преимуществу статичным, развернуто как фиксация существующего положения; его статичность есть определенность исходного расположения разных сторон, полюсов как противоположных, несовместимых. Однако констатирующе-основополагающий момент несовместимости, обнаруживающийся в статике, не поднимается выше «объективно»-познавательного уровня фиксации. Лишь обогащенный специфическим моментом движения припи-

цип контраста преодолевает познавательно-сравнительный уровень и становится эстетически содержательным.

Своеобразие момента движения в эстетике Богушевича обусловлено общими особенностями его реалистической позиции, специфической его художественного творчества в целом. Следует сказать, что изучению природы реализма Богушевича уделяется мало внимания. Поэтому детальная характеристика внутренних моментов его художественного мира, особенно таких, как принцип движения, представляется в настоящий момент затруднительной. В рамках интересующего нас вопроса можно опереться лишь на некоторые общие черты проявления деятельного, «движущегося» начала у Богушевича.

Принцип движения связан в идейно-художественной системе Богушевича с характером изобразительности, конкретнее — с наиболее широким ее слоем, раскрывающимся в «бытовом», «вещном» потоке, проходящем сквозь все творчество Богушевича. Своеобразие наложения конкретно-чувственных форм как принцип изображения мира чрезвычайно сложного и противоречивого, мира, породившего все многообразие враждебного человеку труда окружения, мира как бы незавершенного — это постоянное круговращение явлений, событий, бед всегда находится в центре внимания художника, вносит в его образную систему драматическое начало. Принцип движения обнаруживается то в сюжетно-временной последовательности («Кеиска будзе!», «У астрозе»), то в максимальном наполнении ограниченной площади многими событиями («Як праўды шукаць»), то в смене простого сложным («У астрозе») или наоборот. Таковы лишь некоторые проявления принципа движения у Богушевича, обуславливающего многообразие отражения реальной действительности. А теперь вернемся к принципу контраста.

Прикосновение движущегося начала к статичным основам контраста, не колебля исходной резкости противопоставления разных сторон, в известной мере преодолело исходную статичность и привело к раскрытию новой качественной ступени в характере противопоставления, ступени наглядности контраста как противоречивого отношения. Именно принцип движения обусловил возможность выявления особого типа взаимосвязи противоположных сторон, взаимосвязи противоречивой, обнаружившей зависимость существования одной из них от существования другой. Главная, ведущая сторона противоречивого отношения обуславливает факт существования другой, второстепенной. Причем момент движения усиливает уровень напряженности разных сторон контраста, однако точки соприкосновения разных сторон контраста есть точки еще большего их отталкивания. Возрастание напряженности не достигает, таким образом, той высоты, с которой бы обнаружили пути разрешения противоречий. А это значит, что, выявив противоречия, осознание сущности которых имело коренное значение для дальнейших судеб трудового народа, поднявшись до понимания подлинно трагических коллизий

бытия, Ф. Богусевич из-за исторической ограниченности своей позиции не мог прийти к осознанию путей разрешения этих коллизий.

Однако осознание противоречий и нахождение путей к их разрешению могут разделяться целыми историческими периодами. Заслуга Ф. Богусевича состоит в том, что он с большой художественной силой показал трагизм народной жизни под гнетом буржуазно-помещичьих социальных порядков. Проникновение в трагическую суть народного бытия стало важным достижением реалистической эстетики Богусевича, и лишь в новых исторических условиях познавательная тенденция будет обогащена тенденцией социального преобразования. В немалой степени эта активность действия окажется подготовленной активностью познания, глубоким выявлением сущности противоречий, неразрешимых в условиях буржуазно-помещичьей действительности.

ТРАГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И ФОРМА ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ. КОМИЧЕСКОЕ

Исторически обусловленная невозможность разрешения коренных противоречий обнаруживается в эстетике Ф. Богусевича как трагическое состояние, не достигающее степени конфликта. Но Богусевич сохраняет веру в своего героя, надежду на свободную жизнь народа. Большим достижением реалистической эстетики стало испытание усложнившейся действительности эстетической точкой зрения, исследование жизни, что привело к осознанию многообразия реальных сложностей и противоречий окружающего мира. Позиция Богусевича — это позиция духовного, нравственного мужества перед лицом дисгармоничной действительности. Степень неприятия враждебной действительности становится степенью преодоления ее губительного влияния, и процесс этот многообразен. Специфической формой преодоления трагизма оказалось в эстетике Ф. Богусевича комическое. Это такая чрезвычайно характерная особенность позиции героя, которая не только обуславливала его жизнь внутри трагического состояния, но также свидетельствовала об активности подхода к этому состоянию, о поисках путей выхода из него.

Проявления комического достаточно многолики в эстетике Богусевича. Определенность гротескно-сатирического изображения представителей мира панства попятна как выражение их резко отрицательной эстетической оценки. Гораздо сложнее моменты комического, присущие раскрытию трагических коллизий. В целом та или иная примесь отстранительно-оценочного комического тона постоянно присутствует во взгляде художника на действительность. Причем если более светлая ступень комического выразилась у Богусевича в легком юмористическом колорите, присущем преимущественно изобра-

жению человека труда (например, некоторые «Песні» в сборнике «Смык беларускі»), то последующая ступень — ирония — начинает обретать достаточно драматический оттенок. Здесь уже рельефно развертывается такой тип оценки, который можно назвать трагической иронией, потому что речь идет уже о значительных явлениях народной жизни. Подобная форма иронии, полной горечи и боли, звучит, например, тогда, когда Богушевич показывает противоречия и неравенство этого мира, наложившие отпечаток и на самого героя, выявляет те его черты (долготерпение, слабость), которые поэт не считает его истинной сущностью и подлинной человеческой ценностью вообще («Дурной мужик, как ворона»). Дальнейшее нарастание уже резко определенной отрицательной оценки — гротескно заостренная сатира, резкость сарказма («Гарцуй, танцуй, пане...», «Панская ласка», «Скацінная апека») есть форма обрисовки враждебного крестьянину-труженику мира угнетения и его представителей.

Вместе с тем статично-последовательное перечисление моментов комического неспособно дать полное представление о своеобразии этой сферы в эстетике Богушевича, потому что комическое у Богушевича есть подвижность, активность подхода к трагическому состоянию, а значит, оно неотделимо от характера проявления принципа движения. Отмеченный ранее момент движения в эстетике Богушевича связан с характером образительности, со своеобразием «наслоения», нагнетания явлений, событий, вещей и т. д., бывшего формой изображения мира сложного и незавершенного. Многократность наслоения конкретно-чувственных форм создает эффект их взаимопроникновения и взаимопревращения, в результате чего совершается процесс обнажения сущности, скрытой под внешними оболочками. Комическое у Богушевича неотделимо от процесса типично гротескного взаимопревращения конкретно-чувственных форм.

Наиболее наглядно это обнаруживается в описании Богушевичем комического случая в «Здарэнні». Бочка — коза — черт. Процесс подобного превращения уже своей внутренней логикой, вернее алогичностью, рождает смех. Смех этот не очень радостный («А цяпер, як хто смяецца, — мне усё каза здаецца»³⁶) и в данном случае в известной мере самоценен, связан в общем с незначительным событием, но он обнаруживает характерную черту комической трансформации действительности. Принцип взаимопревращения наслаивающихся конкретно-чувственных оболочек пронизывает у Богушевича все моменты комического, придавая этой эстетической сфере чрезвычайно напряженный характер. В то же время рождение смеха как улавливание алогизма подобного превращения есть форма неприятия, преодоления той действительности, которая порождает бессмысленные взаимосвязи и отношения. Подобный комический принцип нашел широкое и полное выражение у Богушевича и оказался чрезвычайно

³⁶ Ф. Багушевіч. Творы, с. 37.

эффективным при изображении социальных установлений буржуазно-помещичьей действительности и деятельности представителей власти («У судзе», «У астрозе», «Хрэсьбіны Мацюка» и др.). Здесь принцип, так сказать, внутренней алогичности самих общественных установлений был углублен и усилен моментом глубокой драматической несоединимости (алогизмом соединения) буржуазно-помещичьей действительности и героя — носителя истинности, который вынужден жить в самой этой действительности.

И если у Богушевича образ человека труда раскрывался как в формах идеально-субъективных («Мая хата», «Думка» и др.), так и в формах объектно-гротескных («Як праўды шукаць», «У судзе», «Хрэсьбіны Мацюка» и др.), то наиболее выразительное и широкое проявление характер комической трансформации действительности получил в формах объектно-гротескных, обрисовывающих те или иные черты отношения человека труда и существующей действительности. Сам характер оценки различных установлений буржуазно-помещичьей действительности обуславливался типичной особенностью позиции героя, которая, будучи внешне позицией наивности, как раз и позволяла вскрыть уродливость порожденных буржуазно-помещичьей действительностью отношений между людьми, оказывалась дистанцией в отношении действительности, точкой духовной опоры, помогающей не только выстоять в этом враждебном мире, но и — пока еще внутренне — побеждать его.

По сути такая позиция основывается на принципе «комической маски», который находит у Богушевича глубоко содержательное выражение благодаря постоянству присутствия напряженных драматических коллизий. «Комическая маска» становится как бы разграничительной чертой между буржуазно-помещичьей действительностью и истинным человеком и, будучи формой познания и неприятия этой действительности, является вместе с тем указанием на значительность того, что за ней скрывается, — на духовную и нравственную стойкость человека труда. Подобная комическая форма, позволяющая вскрыть чудовищную уродливость общественных отношений буржуазно-помещичьей действительности, явилась выражением внутренних сил героя — типичного представителя трудового белорусского народа, непоколебимого в своей устремленности к будущей свободной жизни.

Таким образом, существование подлинного человека в условиях, когда крайне ограничены его практические, деятельные побуждения, согласно взгляду Ф. Богушевича, возможно лишь при высоком нравственном и духовном мужестве, при бескомпромиссном выявлении существующих противоречий, при последовательном неприятии всего того, что враждебно представлениям человека об истинных, нравственных основаниях бытия. Выработка точки зрения, поднимающей человека над уровнем действительности того времени, а также предъявляющей высокие требования к нему (требования эти имеют соци-

ально-нравственный характер и несут все лучшее, что выработано в народной этике: труд как единственная основа подлинного человека; достоинство, чуждое высокомерия и унижения других, и как венец всего — идея единства и братства людей труда, тружеников земли), — значительное достижение Ф. Богушевича.

Антиподом истинного человека, полярно противоположным социальным и человеческим типом выступает у Богушевича характерный представитель существующей действительности, носитель ее неприглядной сущности — пан. Если, согласно Богушевичу, основой подлинного человека является труд, близость к народу, земле, то отчуждение от этих фундаментальных жизнеполагающих форм взаимосвязи превращает человека в нравственного урода, паразитирующего на чужом труде. Данная Богушевичем социальная и нравственно-психологическая зарисовка облика пана передает все то худшее, что несет мир угнетения. На первом плане — выявление хищнической и паразитической сущности панства («VII. Песня», «Панская ласка»). Мораль панства — это волчья, разбойничья мораль, где прав тот, кто сильнее («Воўк і авечка»). Нравственная ущербность человека определяется у Богушевича социальным фактором. Важнейшим разграничительным критерием выступает отношение к труду. Паразитизм и праздность, жажда безудержного веселья, которым заполняется пустота жизни, — типические черты пана в изображении Ф. Богушевича.

Пан выступает у Богушевича как широкий собирательный образ, типическое порождение действительности, основанной на угнетении и унижении трудового народа. Если раскрытие широкого собирательного образа оказывается наиболее общей обрисовкой позиции нравственно-ущербной, диаметрально противоположной жизненной позиции крестьянина-труженика и враждебной ей, то представители царской администрации предстают непосредственными носителями и проводниками этой враждебности. Судебные чиновники в стихотворении «У судзе», князь в «Хрэсьбінах Мацюка», урядник в «У астрозе» — это придатки существующей государственной системы, составляющие с нею единое целое. «Бо ён — то не ён, а то ёсьць артыкулы, раздзелы, стацці і ўсе зводы закона»³⁷. Поскольку все эти «артыкулы, раздзелы, стацці» призваны охранять существующий порядок, а сам этот «порядок» несовместим с истинно человеческими, трудовыми устоями жизни, настолько принадлежность представителей власти к государственной системе лишает их человеческих черт. Похожий на человека внешне представитель власти становится лишь частью машины угнетения, превращаясь в манекен, действующий в границах строго установленных правил. Отличительные признаки этих бездушных манекенов Богушевич видит

³⁷ Ф. Багушевич. Творы, с. 68.

в чрезвычайной внешней подвижности и крайней агрессивности в отношении человека труда при полнейшей внутренней мертвенности.

Бездуховность как характерная черта представителей и защитников мира угнетения оказывается отсутствием того внутреннего нравственного стержня, который образуется, согласно взгляду Богусевича, лишь при неразрывной связи с трудовыми началами бытия, лишь при следовании тем лучшим принципам народной морали, которые отстаивают и утверждают достоинство трудящегося человека. Душа, духовное — это и есть человеческое, т. е. несовместимое с какими бы то ни было формами насилия над людьми или ущемлением их интересов. Поэтому в широком социальном плане человеческое выступает осуществлением лучших идеальных устремлений, устройством общественной жизни на началах равенства и братства свободных тружеников земли. Духовное как содержательная характеристика человека неотрывно от исходно постулируемой «естественности» крестьянина-труженика, поэтому и «душа» понимается как неизбежный продукт этой «естественности», простое, чуть ли не природное качество человека труда. Духовно-нравственное, человеческое несет при этом не только индивидуально-оценочный, а прежде всего всеобщее утвердительный характер, обусловленный определительно-самосознающей потребностью выявления и раскрытия созидательных, жизнестворческих начал народного бытия.

Ф. Богусевич дает весьма выразительную иллюстрацию бездуховности представителей и защитников мира угнетения, бездуховности, обусловленной объективным отсутствием положительных нравственных ценностей. Эта иллюстрация связана у Богусевича с выразительным противопоставлением человеческого и животного, хищнического. Последнее выступает как отличительная особенность всех представителей существующей социальной системы. Само это противопоставление неотрывно у Богусевича от образа существующего мира как громадной тюрьмы, призванной выгравлять из людей человеческие черты, низводить их на наиболее низкий, животный уровень существования. «...Блішчадь вочы, твар, як гліна, і аброспы, як скаціпа... У турме, як у тым гробе, у адну твар усіх паробел!»³⁸ Жестокость, кажется, возведена в ранг добродетели для тех, кто правит этим миром. Но даже они нуждаются во внутреннем оправдании совершаемого. И для оправдания своей жестокости они должны своих жертв не считать людьми. Это закономерная логика всех и всяческих палачей. И обращение к попавшим под их власть людям звучит не иначе, как: «Гэй! вы зверы, вы бунтоўнікі, паскуды...»³⁹

Характерно, что в рамках именно такого противопоставления Богусевич утверждает свободу, видя в ней неотъемлемое условие подлинно человеческого существования. Свобода поэтизируется как со-

³⁸ Ф. Багусевич. Творы, с. 61.

³⁹ Там же.

стояние, несовместимое с буржуазно-помещичьими социальными порядками.

Последовательное социальное и нравственное размежевание и соответствующий ему оценочный параллелизм народного, истинного, человеческого, с одной стороны, панского, ущербного, хищнического — с другой, не могут быть классифицированы как утверждение схемы, чуждой гибкости и момента внутреннего движения. Потому что подобное размежевание было улавливанием характернейшей противоречивой черты современного Богушевичу устройства действительности, причем выявлялось противоречие коренного, социального порядка, обнаруживающее саму суть общественных отношений того времени. Необходимость четкого и определенного выделения противоположных полюсов этого непримиримого социального противоречия как раз и порождала четкость разграничительных линий. Причем противоречие между трудовым народом и эксплуататорами изображается как противоречие, присущее именно конкретной действительности, в реальной взаимосвязи его разных сторон. И взаимосвязь эта неизбежно выявляла зависимость существования верхних социальных слоев за счет трудового народа. Таким путем выделялась главная, ведущая сторона объективно существующего социального противоречия, и выделение этой ведущей стороны оказывалось вместе с тем и утверждением основополагающих фундаментальных начал бытия вообще как начал, принадлежащих народной жизни.

* * *

Последовательный демократизм, утверждение людей труда подлинными властителями жизни, резкая и бескомпромиссная критика буржуазно-помещичьих социальных установлений того времени определили высоту идейной позиции Ф. Богушевича. Позиция эта была внутренне противоречивой, что обуславливалось невозможностью в тех исторических условиях реально-практического разрешения вскрывшегося поэтом социального противоречия между трудовым народом и эксплуататорами. Раскрытие значительности созидательных сил трудового народа, его исторического предназначения соседствовало у Богушевича с изображением бедственного состояния жизни народных масс, с выявлением трагических коллизий современной ему действительности. Поэту не были ясны пути к свободе трудового народа. Задачи социальной критики, отрицания враждебной народу буржуазно-помещичьей действительности доминировали над положительным содержанием программы Богушевича. Но существовал в первую очередь высокий свободолюбивый, освободительный пафос творчества Ф. Богушевича. Его идеи стали необходимым фактором дальнейшего формирования революционно-демократической идеологии в начале нашего века.

Уже в XIX в. деятельность Я. Лучины и А. Гуриновича подтвердила плодотворность и действенность утверждавшихся Ф. Богусевичем принципов⁴⁰. У А. Гуриновича уже настойчиво звучат социально-активные ноты, что обнаруживало рост самосознания человека труда. В этом отношении А. Гуринович выступал как предвестник революционного пафоса белорусской демократической поэзии начала XX в.

Особое значение имела революционно-пропагандистская деятельность А. Гуриновича. Он являлся членом нелегального кружка, участники которого выписывали из-за границы и распространяли среди рабочих марксистскую литературу. Влияние марксистской теории на идейное развитие белорусских революционных демократов было фактом исключительной важности для дальнейших судеб революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии.

⁴⁰ Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии. Минск, 1973, с. 362 и сл.

Глава 4

ИДЕАЛ—СВОБОДА.

ЯНКА КУПАЛА.

Деятельность Янки Купалы, Якуба Коласа, Тётки знаменовала собой качественно новый этап становления идеологии революционного демократизма в общественной мысли Белоруссии.

Революционно-демократическое направление в общественной мысли Белоруссии формировалось в начале нашего века под благотворным влиянием освободительной борьбы рабочего класса, которая определила ведущие прогрессивные социальные тенденции того времени. Рожденная эпохой первой русской революции деятельность Я. Купалы, Я. Коласа, Тётки в своих наиболее активных, практически-действенных проявлениях несет выразительный отпечаток эпохи пролетарского освободительного движения. Важным фактором мировоззренческого развития белорусских революционных демократов явилась близость к борьбе рабочего класса, влияние социал-демократических и марксистских идей, а также непосредственное участие в революционных событиях 1905—1907 гг.

Виднейшими представителями революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии начала XX в. были Янка Купала и Якуб Колас¹. В их творчестве лафос утверждения могущества трудового народа, выражение силы и самостоятельности трудящихся масс и типичного их представителя, человека труда, отстаивание прав трудового белорусского народа как самостоятельного субъекта общественной жизни, органично соединившись с призывом к революционной борьбе, получили — в пределах принятых мировоззренческих посылок — наиболее полное, завершенное и всеобъемлющее выражение. Выступив как наследники революционно-демократических идей предшественников, Я. Купала и Я. Колас последовательно и бескомпромиссно отстаивали насущные социальные и национальные интересы трудового белорусского народа в новых исторических условиях, отмеченных обострением классово-борьбы. Если в деятельности К. Калиновского и Ф. Богушевича преимущественное развитие получили принципы социальной критики, то революционно-демократическая идеология начала нашего века характеризуется широким разветвлением как социально-критических, так и идеальных начал. От позиции К. Калиновского и Ф. Богушевича позиция Я. Купалы и Я. Коласа отличается рельефным и широким выражением черт позитивной программы. Разоблачение антинародной сущности буржуазно-помещичьих социальных порядков сочеталось у Купалы и Коласа с утверждением созидательной силы и могущества народных масс, прославлением освободительных устремлений трудового народа, лучших начал народной жизни.

Идейный стержень всей революционно-демократической идеологии — проблема народа и проблема его социального освобождения, а также проблема человека, осмысленные в неразрывной связи, в

¹ Характеристику общественной позиции Тётки см. в кн. «Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии». Минск, 1973, с. 454 и сл.

единстве аспектов социально-политического, нравственного и эстетического. Эта проблематика является также центром идейной заинтересованности Я. Купалы и Я. Коласа. Мировоззренческая общность, однако, не исключала своеобразия их идейно-творческих позиций. Если у Купалы первостепенное значение приобретает идея свободы трудового народа (в неразрывной связи с проблемой человека), что находило полное согласование с принципами эстетики романтизма, то у Коласа особую силу и широту утверждения обрела идея величия и могущества трудового народа, идея, оформление которой обуславливалось опорой на принципы этической эстетики.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

Острые классовые столкновения, революционные события 1905—1907 гг. были той благотворной почвой, которая породила плеяду замечательных белорусских художников слова и мыслителей. Выходцы из среды трудящихся масс, они во весь голос заявили о социальных и национальных требованиях трудового белорусского народа, о его праве на самостоятельное историческое и духовное развитие. В творческой деятельности Янки Купалы (1882—1942 гг.) происходившие в народной жизни, в сфере социальной психологии процессы получили глубокое выражение.

Общественно-политические, идейно-эстетические и этические взгляды Янки Купалы являлись революционно-демократическими по своему содержанию и социальной направленности и составляли органическое единство, опиравшееся на нерасторжимость целостной формы художественного выражения.

Я. Купала рано обостренно ощутил «социальную и национальную несправедливость к белорусскому трудовому народу»². Он поднялся до осознания необходимости революционного разрешения непримиримого социального конфликта между трудовым народом и эксплуататорами. Борьба против антинародного социального строя за свободу трудящихся определила пафос всей его творческой деятельности в дооктябрьский период.

Чутко откликнувшийся на события первой русской революции, Я. Купала обращается с призывом ко всем трудящимся Белоруссии восстать «всем вместе» по примеру братского русского народа и составить общий фронт борьбы за свободу и счастье людей труда («Там»). С гневом и негодованием писал он о расстреле царскими войсками рабочих, выступавших на митинге с революционными лозунгами («Водклік з 29 кастрычніка 1905 г. у Мінску»). Эти и многие другие революционные стихотворения Купалы распространялись в рукописном виде и получили широкую известность. Даже опубликованные стихотворения Я. Купалы квалифицировались цар-

² Янка Купала. Збор твораў у шасці тамах, т. 6. Мінск, 1963, с. 454.

ской цензурой как «антигосударственные», в них видели «открытое подстрекательство к действиям явно бунтарским»³. Прославление революционного действия, обращенный ко всем трудящимся призыв к единству, к сплоченности в совместном выступлении против самодержавно-помещичьих порядков как залог успеха в социальной борьбе за свободу трудового народа — характерные черты революционно-демократической позиции Янки Купалы.

«Когда для белорусского народа было основным начать «людьми зваться», влить свои усилия в общее русло революционной борьбы в России, чтобы разорвать цепи социального гнета, бесправия и унижения, Янка Купала проводил все эти идеи, владевшие разумом народа, остро, последовательно, непримиримо»⁴, — писал Я. Колас. И Купала, и Колас, во весь голос заявившие о социальных и национальных правах трудового народа, выступили в первых рядах борцов против социального неравенства и угнетения.

Интернациональный характер революционно-демократической позиции Я. Купалы со всей отчетливостью проявился в его подходе к национальному вопросу, возможность решения которого ставилась им в зависимость от коренных социально-политических преобразований, от успехов в революционной борьбе против самодержавных государственных порядков. Утверждение Купалой национальных прав своего народа, борьба против шовинистической политики царизма за свободное развитие национальной белорусской культуры определялись сущностью его классовой позиции выразителя интересов трудового народа и прежде всего трудового крестьянства, выступавшего союзником рабочего класса в социальном освободительном движении. Певец дружбы народов, Купала решительно выступал против любых попыток господствующих классов сеять семена вражды и розни между трудящимися разных национальностей. Купале чужды какие бы то ни были проявления национальной замкнутости и ограниченности, он постоянно имел в виду общность социальных интересов братских народов, у которых был один враг — самодержавие, вся существовавшая общественная система угнетения и унижения человека труда.

В нелегкой борьбе с буржуазно-националистическими идеологами, избравшими объектом своих нападков белорусский язык и культуру, Купала отстаивал право народа на самостоятельное духовное развитие. Родному языку, национальной культуре посвящены многие стихотворения Я. Купалы («Роднае слова», «Ворагам беларушчыны», «Маладая Беларусь» и др.), а также публицистические статьи, опубликованные в газете «Наша ніва»⁵. Выступления Купалы по

³ Янка Купала. Зборнік матэрыялаў, Мінск, 1952, с. 255—256.

⁴ Якуб Колас. Публіцыстычныя і крытычныя артыкулы. Мінск, 1957, с. 506.

⁵ «Ці маем права выракацца роднай мовы?» — «Наша ніва», 1914, № 15; «А ўсё ж такі мы жывём!» — «Наша ніва», 1914, № 21—22.

национальному вопросу глубоко патриотичны, пронизаны идеями демократизма и гуманизма.

Я. Купала воспринял и развил далее идущую от Ф. Богушевича тенденцию вскрытия коренных социальных противоречий буржуазно-помещичьей действительности, выявления несовместимости всеобщего трудового народа, его созидательных возможностей с бедственным положением трудящихся масс в эксплуататорском обществе. У Купалы мы найдем поразительное по своей художественной силе изображение народного горя, тех унижений и бед, которые сопровождают крестьянина-труженика на всем протяжении его жизненного пути — от рождения до смерти.

В то же время Купала отразил новые процессы, происходившие в народной жизни, в сфере социальной психологии, процессы, вызванные развертыванием освободительной борьбы против буржуазно-помещичьих общественных установлений и выражавшие рост социального и национального самосознания трудящихся масс белорусского народа, его готовность к решительной революционной борьбе. Янка Купала поднялся до осознания необходимости революционного разрешения непримиримого социального конфликта между трудовым народом и эксплуататорами, выступил как последовательный революционный демократ, призывавший к борьбе за свободу трудового народа, к уничтожению царя и помещиков, всех «трутней», паразитирующих на труде народа.

Активность социальной позиции была неотделима у Купалы от творчески-созидательной, духовной активности, что определило пафос его поисков пути преодоления существовавших противоречий. Отличие революционно-демократической белорусской эстетики начала XX в. от идейной программы предшественников состоит в открытии и утверждении идеального начала в жизни и борьбе трудящихся масс белорусского народа. Если Богушевич задержался на фиксации трагических коллизий, то Купала отразил процесс социального и духовного возмужания народа и человека труда, восславил напряженные борьбы, утверждал героизм духа и устремленность к новым формам жизни. Чрезвычайно важное значение приобрела у Купалы динамика освободительных, самолюбивых устремлений.

Позитивная программа Я. Купалы выростала на основе познания существующей действительности, народной жизни, на почве вскрытия реальных жизненных противоречий той поры. Идеальное начало, если говорить о его наиболее общем выражении, выступало в системе мировоззренческих представлений Купалы как начало созидательное, направленное к будущему. В высшем, идейно-содержательном плане идеальное для Купалы — это творение новой, будущей, свободной жизни. Идеальное и свободное выступают как понятия неразторжимые.

Развитие идеального начала было связано с антиномией идеального и реального (свободного и рабского), что вносило градацию в

ценностную ориентацию, способствующую формированию избирательной шкалы в отношении к изображаемым явлениям, в том числе и к народной жизни. Народная жизнь перестала восприниматься Купалой как замкнутая в себе сфера, всецело соответствующая понятию истинности, как у Богушевича, что, естественно, вело к более глубокому проникновению в сущность происходящих в действительности процессов и к более дифференцированному изображению их. Оценка явлений приобретает напряженно-действенный характер, обусловленный устремленностью к будущей, свободной жизни народа. А высший критерий идеальности начинает определяться степенью усилия, способствующего наступлению новой, светлой жизни и включающего борьбу за ее достижение как свой важнейший компонент.

У Купалы проблема свободы впервые выступает не только как достижение конкретных общественно-политических и социально-экономических целей, но и как проблема духовная, как осознание качественного отличия между подневольной жизнью и светлым будущим, между человеком угнетенным, униженным и человеком свободным. Идеальное, таким образом, оказывается неотрывным от момента движения, усилия.

Как неприятие существующих социальных порядков, всей системы угнетения и подавления человека труда в буржуазно-помещичьем обществе, так и выражение в творчестве Янки Купалы страстной жажды новой жизни, свободной от эксплуатации и унижения, впитало в себя нужды и потребности трудовых масс белорусского крестьянства, было специфической формой их осознания и отражения и, естественно, несло на себе отпечаток противоречивой социальной психологии этого класса, его силу и его слабость. Купала выступил как революционный демократ, выразитель передовых освободительных тенденций, зреющих в среде трудового народа. Сила Купалы была силой созидательных, жизнетворческих начал, берущих истоки в глубинах народного бытия; его ограниченность обуславливалась рамками идеологии крестьянского демократизма, возникала как следствие замкнутости общественно-исторических горизонтов, как невозможность выхода — в своей устремленности к будущему — за пределы канонизации крестьянской целостности и самобытности.

Социальная тенденциозность явилась фундаментом идейной целостности позиции Я. Купалы, определила характер ее содержания и революционно-демократическую направленность. Демократизм купаловской позиции — это утверждение специфического взгляда на мир, который предстает как арена противоборства противоположных социальных лагерей — трудового народа, созидателя всего ценного на земле, и панства, эксплуататоров, паразитирующих на его труде. Такой взгляд на мир был закономерным для крестьянского демократа выражением его общественной позиции, являясь реальным отражением объективно существующих социальных противоречий буржуазно-помещичьей действительности. Вместе с тем взгляд на дей-

ствительность сквозь призму коренного социального конфликта между трудовым народом и эксплуататорами определял и особенности идейно-эстетического видения мира и его явлений сквозь напряженную конфликтную форму, открывал путь к вскрытию его противоречивой, дисгармоничной сущности вообще. При этом сказывалось благотворное влияние Ф. Богусевича, умевшего выявить противоречивую сущность изображаемых явлений. Так момент социальный выступал у Купалы как определяющий в отношении момента эстетического и вместе с тем неразрывно связанный с ним.

Принципы социальной интерпретации действительности в идеологии и эстетике революционного демократизма являлись вместе с тем и специфическими нравственными принципами, определявшими в совокупности характер гуманизма революционных демократов. Эти важнейшие моменты — социальный и нравственно-гуманистический — составляли основу общественной и эстетической позиции Янки Купалы. Осознание несовместимости противоположных социальных лагерей, утверждение этого факта с позиции типичного представителя трудовых масс опирались на изображение народа как творца и создателя всех жизненных благ, противопоставляемого паразитизму господствующего класса. Истинным, нравственным человеком крестьянин-труженик выступал именно в силу самого социального положения. Такая конкретно-наглядная неразрывность социальных и нравственных представлений, характерная для Богусевича, была воспринята Купалой, который обогатил нравственно-гуманистическую сферу действительным идеальным критерием. Момент нравственный сохранял зависимость от момента социального и в то же время приобрел дополнительное измерение — измерение духовного, идеального требования, предъявляемого к человеку труда, требования, выражавшего реальный исторический процесс консолидации передовых, революционных слоев в среде трудящихся масс. И если в целом в гуманистической концепции революционных демократов ведущее место занимает человек труда и решение проблемы человека неотрывно от судеб трудового народа, то Купала, сохраняя этот момент связи с всенародной почвой, выступил в то же время глашатаям революционной, практически-действенной и духовной активности человека, смело разрывающего те узы, которые сковывают его силы, в том числе и груз многих, воспитанных веками подневольной жизни представлений в среде самого народа, выражавших идеологию наиболее отсталых, пассивных его слоев.

Принципиально новые черты в обрисовке человека труда у Купалы — это черты социальной активности и духовности. Активность социальной и нравственно-гуманистической позиции Купалы, чья творческая деятельность была вызвана к жизни революционными событиями 1905—1907 гг., согласовалась с формированием в его художественном творчестве героя нового типа, не известного Ф. Богусевичу, — героя смелого, бескомпромиссного, в полную меру оцу-

щающего чувство собственного достоинства, гордого своей принадлежностью к трудовому народу, готового к борьбе за свои социальные и человеческие права.

Крестьянин-труженик в творчестве Купалы обнаружился и проявился не просто как представитель данной социальной среды, но и как человек со своим богатым внутренним, духовным миром. Образ человека труда обрел духовное, идеальное содержание, обогатился героическими, возвышенными чертами. Более того, крестьянин-труженик выявился у Купалы в таком специфически-содержательном духовно-правственном наполнении, черты которого поэт склонен был трактовать в духе общечеловеческого идеала. Духовность и психологизм стали необходимыми моментами нового уровня представления и раскрытия социального типа — уровня изображения и утверждения его как типа человеческого. Объемность социального облика героя обусловила и специфичность форм его духовного выявления, их обобщенность и широту. Новое сущностное понимание и изображение крестьянина-труженика определило новаторские черты идейно-эстетической позиции Я. Купалы в обрисовке традиционного для белорусской революционно-демократической литературы второй половины XIX — начала XX в. главного героя.

Именно такое понимание героя присутствует уже в первом опубликованном произведении Купалы — его известном стихотворении «Мужык». «...Колькі жыць тут буду, як будзе век тут мой вялік, піколі, браткі, не забуду, што чалавек я, хоць мужык»⁶. Утверждение этой идеи, раскрытие сути своего героя как человека, выявление его качественных внутренних характеристик — постоянные купаловские проблемы в дооктябрьский период. Что есть Человек, что позволяет ему называться этим именем, а что препятствует и каковы пути преодоления этих препятствий — эти купаловские вопросы обращены к тому же крестьянину, но имеют в виду его превращение, эволюцию в новое состояние, измерение его новой меркой — меркой идеальности. Этой меркой оказывается у Купалы свобода. Истинность человека ставится в зависимость от степени его раскрепощения. Подлинность человека, его сущностная характеристика стали определяться Купалой приобщенностью к состоянию свободы как новой, достойной человека мировоззренческой и жизненно-практической позиции, диктующей уровень постоянства его активности в отношении к враждебной ему буржуазно-помещичьей действительности.

И если рассмотрение социального типа как типа человеческого — задача, общая для всех белорусских революционных демократов, то Купала осознал эту задачу как одну из важнейших, провозгласил ее и дал свое — романтическое, духовное — решение этой задачи. Пафос борьбы за свободного человека, за превращение униженного в

⁶ Янка Купала. Збор твораў у шасці тамах, т. 1. Мінск, 1961, с. 28.

независимого и гордого, не склоняющего головы ни при каких обстоятельствах,— одна из главных линий купаловской поэзии, в которой свобода человека труда всегда понималась в неразрывной связи со свободой всего трудового народа.

ЗАДАЧИ ИСКУССТВА. ЕДИНСТВО НАРОДА И ХУДОЖНИКА

Потребность выражения социально-освободительных и нравственно-гуманистических устремлений определила своеобразие всей системы идейно-эстетических представлений Я. Купалы. В его эстетике опора на традиции народной культуры соединялась с выработкой новых представлений, необходимость выдвижения которых диктовалась условиями острой классовой борьбы в начале нашего века. Именно опора на традиции народной культуры обусловила такой характер отношения художника, поэта и народа в эстетике Я. Купалы, когда органичность, кровность связи художника с выдвинувшей его средой превращаются в ответственность за судьбы всего трудового народа. Развитие поэта как художественной индивидуальности включает в первую очередь формирование чувства личной ответственности за судьбы всех людей, что определяет у Купалы подчеркивание исключительности роли художника. Причем исключительность эта особого свойства, обусловлена важной ролью художника в борьбе за свободу трудового народа.

Тем самым проблема назачепия искусства, поэзии в общественной жизни выступала в трактовке Я. Купалы как проблема единства народа и художника, а потому в решении ее исключались какие-то альтернативные варианты. Характер подхода к этой проблеме и направление ее решения определялись социальной позицией Купалы, являлись последовательным утверждением демократической тенденциозности в области эстетики. Я. Купала всегда оставался — социально и мировоззренчески — сыном своего народа, «сыном безземельного», мечтавшего о земле и воле для простого человека труда и никогда не отходившего от него. Лучшие купаловские произведения — ярчайшее свидетельство неразрывности поэта с судьбами народа и своего края. Поскольку высшим, идеальным критерием оценки выступают у Купалы свобода (а она понимается прежде всего как свобода от существующих буржуазно-помещичьих общественных порядков), постольку понимание роли художника неотрывно от степени его вклада в дело социального и национального освобождения трудового народа.

Принцип единства трудового народа и художника обретал особую содержательность в связи с купаловским отрицанием того духовного «дурмана», который является неизбежным продуктом общества угнетения. В этом отношении полемически-заостренное выраже-

нио Купалой веры «в народ и в себя»⁷ становилось утверждением коренных, исходных начал будущего свободного развития, как они виделись сквозь призму романтической эстетики. И если в купаловской художественной концепции бытия центральное место занимает трудовой народ, то вместе с тем важнейшая роль в ней отведена художнику, поэту, выступающему провозвестником новой жизни и борцом за нее.

Это была романтическая концепция бытия, концепция утверждения особой, исключительной роли искусства и художника в общественной жизни, в жизни народа. Причем напряженное, крайне заостренное драматическое выражение ведущих идей, вообще присущее Купале, нередко приводило к такой трактовке отношений народа и художника, когда последний выступал, по сути, единственным носителем идеальных, свободолюбивых устремлений («Забятая скрышка», «Прарок»). Также и утверждение начал будущего развития иногда оборачивалось недостаточно дифференцированным подходом к существующей духовной культуре как культуре эксплуататоров и угнетателей вообще, хотя, с другой стороны, знание выступает у Купалы как необходимый компонент идеального образного ряда, противопоставляясь тьме и угнетению. А это означает, что Купала, прославляя знание как необходимое условие достижения свободы, вместе с тем иногда склонен был ограничивать познавательные формы поэзией, вырастающей на народной почве. Неприятие конкретных существующих форм познания как враждебных народным стремлениям соединялось с прославлением того раскрепощающего духовного начала, которое несет поэзия, одухотворенная социально-действенной идеей всенародной свободы.

В таком взгляде на искусство, поэзию и познавательные формы вообще проявилась как сила, так и слабость революционно-демократической позиции Я. Купалы, ее воинственный, бунтарский дух неприятия антинародных социальных порядков и порожденных ими духовных институтов, страстная жажда новой жизни и в то же время невозможность выхода за пределы замкнутой социальной основы «крестьянского мира», определявшего мировоззренческую ограниченность даже лучших его представителей, которые в напряженных поисках пути к новому оставались в границах наивно-уравнительных тенденций.

Лирика Купалы поразительно многообразна именно в эстетически-программном отношении, обнаруживающем и глубокое понимание поэзии как отражения пущих, интересов трудового народа («Я не для вас, пань...»), и утверждение реальной жизненной правдивости невеселой песни о доле простого человека труда («Вы кажце», «Не клянiце мяне»), и выделение действительного, призывно-революционного характера поэтического слова («З маiх песень», «Песня

⁷ Янка Купала. Збор твораў у шасці тамах, т. 3. Мiнск, 1961, с. 306.

і сіла»), и тонкое ощущение специфичности воздействия поэзии как внутренне-просветляющей силы («Песняру Альберту Паўловічу»), а также осознание важного общекультурного значения поэзии и печатного слова, книги вообще («Песня аб песнях»).

Эти важнейшие аспекты понимания содержательности поэзии и роли художника получили в купаловском стихотворении «Песня мая» целостное поэтически-емкое выражение, венчаемое глубокой убежденностью в том, что «старый день перестанет управлять жизнью». Как клятва беззаветной преданности поэта своему народу, как страстная жажда свободы и счастья для него звучат строки из «Песней толькі». «Млечны шлях, што нябесны дзядзінец засцілае, я б зняў на зямлю і масціў бы ім новы гасцінец пераз родную ріву сваю. Сонца ўзяўшы агністае ў рукі, што гарыць над бязмерам палёў, я на млечным тым шляху без мукі чалавека да шчасця бы вёў»⁸.

Принцип единства трудового народа и поэта, основополагающий в эстетике Купалы, содержал широкие возможности таких взаимоотношающих отношений общего, целого и особенного, единичного, которые обуславливали многообразие форм духовного формирования поэтической, художественной индивидуальности, развитие которой представляло вместе с тем и этап духовного становления всего народа. Постоянство связи художника с трудовым народом не вело к растворению поэтической индивидуальности во всенародной целостности, не становилось препятствием на пути ее духовного, внутреннего развития. Как раз наоборот, Купала стремится утвердить такой путь формирования, духовного развития типичного представителя трудового народа, которое совершалось бы в направлении постоянного связи с другими людьми труда, в направлении, чуждом буржуазно-индивидуалистической замкнутости и изолированности человека, направлении, не знающем эгоцентрически-собственнической точки зрения на характер общественных, человеческих взаимосвязей. И в этом проявилась сущность гуманистической позиции революционного демократизма Янки Купалы, своеобразие понимания им проблемы человека и существа его духовного развития.

Постоянно следуя по пути осознания и раскрытия трагических противоречий народной жизни в условиях буржуазно-помещичьей действительности (лирика 1905—1909 гг., «Адвечная песня», «Сон на кургане»), Купала поднялся до утверждения необходимости борьбы (лирика 1905—1909 гг.), прославил героическое усилие, направленное на преодоление трагических коллизий современной поэту жизни (лирика 1910—1913 гг., «Курган», «Бандароўна»), оказался достаточно сильным для конкретной поэтической реализации идеальных жизнетворческих потенций «крестьянского мира» («Яна і я»). Причем Купала не задержался на этой высшей идеальной точке, вернулся к конкретности ощущения трагического состояния, ко-

⁸ Я н к а К у п а л а. Збор твораў, т. 3, с. 215—216.

торое оказалось обогащенным активным, действенным началом, выравнявшим готовность к борьбе и дописавшим дыхание будущего («Раскиданое гняздо»).

Отношение начал познавательных, исследовательских, ведущих к вскрытию коренных социальных противоречий буржуазно-помещичьей действительности, и гармонически-созидательных, идеальных духовных принципов в эстетике Купалы было, во-первых, отношением, покоящимся на реалистических основах. Это значит, что раскрытие, анализ противоречий, изображение дисгармоничной сущности буржуазно-помещичьей действительности предшествовали и определяли направление и общий характер развития сферы идеальных образов. Во-вторых, энергией рождения сферы идеального была энергия отрицания существующих социальных порядков как враждебных интересам и потребностям трудового народа. Купаловская концепция бытия непонятна вне момента движения, революционный, преобразующий характер которого обнаруживается в резком разоблачении буржуазно-помещичьей действительности, всего косного, неподвижного, уродливого, что порождено ею. Время в купаловской концепции действительности знает лишь одну направленность — от настоящего к будущему. Неприятие настоящего в эстетике Купалы — это неприятие уродливого, чреватого трагическими конфликтами старого мира, мира угнетения и унижения человека труда во имя достижения свободного будущего.

Освоение сферы идеального стало закономерной, неизбежной фазой дальнейшего развития и формирования реалистических начал эстетики Купалы. Творчество Купалы широко и мощно выразило раскрепощающую силу идеальной, романтической ориентации, так недостававшей Ф. Богусевичу. И вместе с тем это поэтическое творчество основывалось на реалистических принципах, выдвигало в качестве первостепенной идейно-эстетической задачи изображение «реального быта», как писал Я. Купала, сыновей страны, людей труда⁹. Освоение широких слоев действительности, народной жизни явилось одним из важнейших достижений дооктябрьской поэзии Я. Купалы. Но превыше всего у Купалы — это устремленность в будущее, порыв к воле и свободе, утверждение героики человеческого духа, сильного и смелого, гуманистического и созидательного.

Так утверждение в эстетике Я. Купалы идеальной ориентации обогатило его поэзию, как и всю белорусскую демократическую поэзию начала XX в., возвышающим, одухотворяющим началом, которое всегда было доминантой поэтических жанров, склонных к схватыванию действительности в ее «высших» проявлениях. А вместе с тем как следствие и спутник возникновения оценочной шкалы родилось и ощущение четкости и определенности разных поэтических состояний, стремление к разграничению их, к своеобразной

⁹ Адзін з «парнаснакаў». Чаму плача песня наша. «Наша ніва», 1913, № 30.

«чистоте» чувства, последовательности и даже крайности его выражения, что вызывало достаточно резкие отличия в тоне и колорите произведений.

В системе эстетических представлений это выявилось в известной относительной самостоятельности важнейших сфер — трагического, комического, идеального, возвышенно-героического — самостоятельности, бывшей показателем высокой степени их внутреннего развития, что, однако, не исключало их широкого единства, определяемого революционно-демократической направленностью общественно-эстетической позиции Янки Купалы. Напряженное, динамическое начало пронизывает всю эстетику Янки Купалы, предопределяя многогранность взаимоотношений трагического и идеального, идеального и героического, комического и идеального.

Поскольку эстетика Я. Купалы отличается активным освоением и утверждением сферы идеального — а в оформлении новых духовных потребностей и состоит прежде всего культурно-историческое значение его эстетики, — постольку важное место в ее внутренней структуре заняла антиномия идеального и реального, ставшая основой достаточно расчлененной шкалы эстетических оценок. В соответствии с этим и расположение эстетических сфер — трагического, комического, идеального, возвышенно-героического — приобрело в известной мере иерархичный характер, а направление идейно-творческой устремленности Купалы определялось высшей идеальной установкой. Напряженное художественное исследование реальных явлений и процессов народной жизни оказывалось испытанием их новыми, возросшими требованиями идеальности, выяснением степени их готовности, пригодности к развитию, их соответствия потребностям светлого и вольного будущего. Это определило существенные отличия трагического в эстетике Купалы, качественно выделяющие ее от подобной сферы белорусской демократической эстетики второй половины XIX в., не имевшей такой доминирующей идеальной ориентации. На указанной художественно-исследовательской основе возникала и купаловская сфера комического, бывшая утверждением жизнненности трудового народа, и область идеальных и героических образов, рождавшихся как высшее выражение страстной жажды гармонических основ человеческого бытия, как осознание необходимости практически-действенной и духовно-творческой активности — неотъемлемых условий и элементов истинно человеческого существования.

ПРИНЦИП ОБЩЕГО БЛАГА И РОМАНТИЗМ. ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКА

Революционный романтизм Купалы вырос на конкретной исторической почве, был вызван к жизни условиями острого классового столкновения 1905—1907 гг., показавшего подлинную силу трудового народа, его неугасимое стремление к свободной жизни. Именно родив-

пились в среде трудового народа в условиях революционной борьбы ощущение могущества собственных сил, осознание реальной возможности достижения нового, неизвестного ранее состояния жизни и человеческих отношений, не знающих эксплуатации и угнетения, явились необходимыми объективными предпосылками купаловского романтизма, в котором устремленность к будущему, пафос открытия нового соединились с социальной активностью, действенностью в отношении существовавших аптинародных социальных порядков.

Купаловский романтизм покоился на идее народности, возникал как высокий, напряженный уровень осознания всеобщих потребностей трудового белорусского народа — прежде всего его освободительных устремлений. Доминанта общего блага, блага трудового народа — черта, присущая всем белорусским революционным демократам, получила у Купалы специфическую, обусловленную особенностями его идейно-эстетической позиции трансформацию. Само понятие блага у белорусских революционных демократов являлось в сущности идеальным выражением интересов той социальной среды — трудового крестьянства, идеологическими представителями которой они являлись. В таком своем конкретном классовом наполнении понятие это вобрало в себя весь круг социально-экономических, политических и национально-освободительных устремлений трудового белорусского крестьянства и обрело уже во второй половине XIX в. у Калиновского и Богушевича достаточно определенную кристаллизацию в русле таких понятий, как «правда» и «свобода». В деятельности Я. Купалы революционно-демократический принцип общего блага получил преимущественную интерпретацию в плане идеи свободы, имеющей центральное, основополагающее значение в его художественном творчестве. Идея свободы трудового народа приобретает у Купалы чрезвычайное романтическое заострение, постоянно разрешаясь в плоскости отношения свободы одного и свободы всех.

Именно наличие четкой центральной идеи, имеющей основополагающее проблемно-содержательное значение, обуславливает сам факт возникновения специфической духовной позиции в отношении к окружающей действительности, позиции, градация оценок которой определяется высотой и степенью развития центральной идеи. В этом, собственно, и состоит своеобразие романтического типа творчества и его отличие от эпических художественных форм, в которых ощущение полноты бытия и интерес к реальному развертыванию многообразных его проявлений находят предельно объемное поэтическое выражение. Романтик как поэт идеи-проблемы по преимуществу и эпик как выразитель мощных созидательных потенциалов самой жизни — это прежде всего относится к Янке Купале и Якубу Коласу, творчество которых выросло из одного источника, имеет много родственных черт, но все же ценно именно своей неповторимостью и своеобразием. У Купалы и Коласа белорусский крестьянин-труженик впервые во весь голос заявил о своих социальных и человеческих правах. Сле-

дует вместе с тем отметить, что сам подход к решению проблемы человека был у них своеобразным, находился в зависимости от всего строя их идейно-эстетических представлений.

Призванный выявить созидательные, жизнеутверждающие начала народного бытия, Я. Колас дает широкую интерпретацию проблемы человека труда, внутренняя содержательность которого обусловлена приобщенностью к жизненной и творческой силе народа, характером выразительности образа человека в отношении к народной жизни, ее духу, истолкованному в эпическом плане как идея вечности трудового народа. Утверждавший идею борьбы и борющегося народа, устремленного к будущему, Я. Купала особое внимание уделил проблеме человека, сущностная характеристика которого стала определяться степенью обретения им новой позиции в отношении к буржуазно-помещичьей действительности, позиции социальной действительности и внутреннего достоинства, трактуемых как подлинно человеческое — свободное — состояние.

Раскрытие образа крестьянина-труженика в купаловском творчестве первоначально характеризуется рельефностью черт его социально-конкретного облика, реально-бытовыми характеристиками его жизненного и психологического состояния в условиях тогдашней действительности. Вместе с тем этот купаловский герой принципиально отличается от героя Богушевича активностью и открытым утверждением, пусть пока еще несколько декларативным, своего человеческого достоинства. Эти новые черты образа героя соединятся с купаловской тенденцией утверждения специфического взгляда на человека, сущностная характеристика которого будет постоянно трактоваться как приобщенность идее свободы, и получат дальнейшее развитие в плане романтизации, обогащения внутреннего содержания героическими и возвышенными чертами. Образ человека труда обретет у Купалы высокое идеальное наполнение. Это, собственно, один из важнейших аспектов обрисовки образа человека в творчестве Купалы, аспект, связанный с формированием идеального начала.

Следует говорить также о раскрытии купаловского героя в широком гуманистическом плане, обнаруживающем значительный круг неразрывно связанных проблем-вопросов: состояние человека, поставленного неблагоприятными социальными условиями на грань небытия, и поиски путей выхода из этого состояния, питаемые страстной жаждой новой, свободной жизни; ощущение трагической неразрешимости ситуации и героика борьбы, побеждающей враждебные обстоятельства; одухотворяющее обаяние подлинной человечности, лишенной разрушительного индивидуалистического начала, и мертвящая жестокость власти над людьми, подавления огромного большинства во имя возвышения немногих; свобода как истинно человеческое состояние и рабство, униженность как уничтожение подлинного в человеке; активность как путь к свободе; необходимость разрушения во имя созидания нового; испытание прочности человека, вы-

яснение источников его силы; сила и человечность; свобода одного и свобода всех, народа и др.

Все эти проблемы разрешились в русле романтической трактовки темы человека у Купалы. Романтический тип художественного постижения действительности, тяготеющий к исключительности, напряженности и заострению ситуаций и образов, согласовался с появлением в творчестве Купалы героя смелого, гордого, свободолюбивого. Прикосновение к скрытым ранее сферам содержания, к тем процессам, которые совершались в народной жизни в период усиления освободительной борьбы, а также интенсивное оформление в исходной позиции Купалы четкого идеально-оценочного критерия вело к тому, что характер отношения народа и героя, общего и единичного (при постоянстве момента их единства) становился все более многообразным, обнаруживался в своем динамическом качестве. Неимоверно возросла содержательная значимость образа главного героя, исключительность которого, с одной стороны, вобрала в себя элемент собственного внутреннего возмужания и развития, а с другой, определила его особую ответственность в борьбе за свободу всего трудового народа.

Идеальный, духовный уровень изображения главного героя творчества Купалы естественно покоился на обусловленной исходными революционно-демократическими посылками верности определенному социальному типу, последовательно утверждал глубоко гуманистический, ставший основой ценностной характеристики человека взгляд на него как на существо свободное, выявил также, что подобная трактовка человека неизбежно предполагает его активность, социальную действительность как путь практического осуществления, достижения своей осознанной человечности.

В реальном процессе идейно-творческих поисков Я. Купалы понимание сущности человека и характера его связи с другими людьми труда, с народом получило многообразное разрешение. В уже отмеченной ведущей линии идеального развития купаловского героя центральной является идея свободы, выступающая основой оценки и характеристики человека («Курган», «Бацдароўна»). Эта же идея оказывается центральной и в иных эстетически-значимых аспектах, хотя и не исчерпывает их полностью. Так, например, трагические ситуации («Адвечная песня», «Сон на кургане», «Раскіданае гняздо») особенно выразительно выявили жизненную и нравственную стойкость и силу человека труда; предложенные Купалой коллизии были, собственно, испытанием нравственной негибкости человека из народа; вскрывая источники его силы, ситуации эти показывали одновременно и его слабость, раскрывали трагизм подневольного состояния миллионов тружеников в условиях буржуазно-помещичьей действительности. В области же комического («Паўлінка», «Прыманкі») происходило своеобразное, затрагивающее бытовой слой утверждение жизненной естественности, подлинности трудового крестьян-

ского уклада существования, истинности крестьянина-труженика как человека. В общем плане важным оказывается также учет отличий между героем лирики и романтических поэм Купалы, с одной стороны, и героем его драматических поэм и пьес, с другой, различиями специфическим уровнем достоверности образа человека в отношении реальной конкретности самой действительности.

Кроме того, идеальное начало в эстетике Купалы не было одноплановым. Впитав в себя коренные общественные потребности трудового крестьянства, формируясь на основе первостепенного учета требований именно этой социальной среды, идеальные устремления поэта в своих некоторых проявлениях приобрели отчетливую тенденцию к выходу за пределы ограниченной социально-бытовой крестьянской сферы жизни, к пониманию, пусть в достаточно абстрактной форме, важности и необходимости освоения других областей действительности. Процесс все более последовательного и многообразного выражения коренных интересов народной жизни, все более широкого и яркого выявления могучих созидательных возможностей трудового белорусского народа, его освободительных устремлений сталовился одновременно процессом формирования черт такой оценочной позиции в отношении существующего, которая вступала в противоречие с присущими революционным демократам элементами канонизации крестьянской целостности и самобытности, входившими в идеализированном виде в их положительную программу.

Моменты нормативности и утопического консерватизма в купаловском крестьянском идеале свободной жизни соседствовали с динамическими, развивающимися началами, взрывающимися изнутри эпическую целостность «крестьянского мира» и человека из этого мира, человека, которому была предложена — для воплощения своих идеалов — новая позиция в отношении окружающего, требующая постоянного поиска выхода из непрестанно возникающих жизненных и идейных ситуаций, т. е. позиция активного решения — духовного и практического — проблемных коллизий. Рамки этого противоречия многое объясняют в проблематике купаловского творчества, касающейся антропологического аспекта и его постоянного раскрытия, с одной стороны, в плане тесного единства с интересами всеобщими, всенародными, и с другой стороны, в направлении неуклонного утверждения свободы как состояния, единственно достойного человека, как осуществления права на жизнь в условиях, не знающих насилия над людьми труда и унижения их.

ХАРАКТЕР ТРАГИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ. ФОРМЫ КОНФЛИКТНОСТИ

Последовательный демократизм купаловской мировоззренческой позиции проявился в утверждении взгляда на действительность сквозь призму коренного социального противоречия между трудовым наро-

дом и враждебной ему буржуазно-помещичьей действительностью, взгляда, раскрывающего антинародную, эксплуататорскую сущность тогдашних социальных порядков, всей системы подавления и угнетения человека труда. В этом отношении Купала выступал преемником лучших, глубоко гуманистических в своей основе традиций К. Каліновскаго и Ф. Богушевича. Вместе с тем активность общественной и идейно-творческой позиции Купалы, определявшаяся интенсивными процессами в сфере социальной психологии трудящихся масс в начале нашего века, вела к тому, что нравственно-гуманистические принципы отстаивания интересов человека труда, всего трудового народа и борьбы за эти интересы приобрели напряженно-действенную (даже с оттенком нормативности) форму проявления, согласовавшуюся с настойчивой тенденцией всемерно содействовать скорейшему разрешению революционным путем непримиримого социального противоречия между трудовым народом и эксплуататорами.

На первом плане у Купалы постоянно находится социальный конфликт, изображение глубины противоречия между трудовым народом и буржуазно-помещичьими социальными порядками. Выявленное еще Богушевичем противоречие это получило у Купалы дальнейшее рельефное и многообразное отражение и углубление. «Я мужык-беларус», «Песня жней», «Якія», «Ах, ці доўга», «З песець беззямельнага», «З песець мужычых» и многие другие стихотворения, а также все наиболее значительные купаловские произведения крупных жанров несут в своей образной структуре принцип контрастного противопоставления, ставший в белорусской демократической литературе конца XIX — начала XX в. наиболее выразительной художественной формой изображения непримиримого общественного противоречия той поры.

Доминанта социального конфликта как форма изображения и оценки явлений и отношений действительности, народной жизни обрела у Купалы своеобразное проявление, обусловленное спецификой его поэтического дарования, лирический характер которого определял особое внимание к передаче внутренних состояний его героя — типичного представителя трудового народа. Крайние границы этих состояний могут быть обозначены следующим образом. Одна — это трагическое ощущение жизни, бывшее неизбежным итогом, результатом господства антинародных социальных порядков, передача чувств человека, поставленного неблагоприятными общественными условиями на грань небытия. «Жывец, мучышся без толку, без волі, хоць жывы лезь у дамоўку з нядолі. Пайду к пушчы загукаю да зоркаў, як мне ў бедным родным краю жыць горка... Што за шчасце, што за доля, мой божа! Ані жаткі, ані поля, ні збожжа...»¹⁰ Как прямое, полемически заостренное выражение непримиримости интере-

¹⁰ Я н ка Купала. Збор твораў, т. 2. Мінск, 1961, с. 151.

сов крестьянина-труженика и папа (эксплуататора вообще), так и бескомпромиссность реалистического изображения быта и жизни, горя и страданий простого человека труда, обнажая непримиримость социального противоречия, обнаруживали глубоко антигуманную сущность враждебной народу буржуазно-помещичьей действительности. Другая крайняя, по сути, «верхняя» граница чувствования купаловского героя вместила в себя результаты процессов внутреннего раскрепощения простого белорусского крестьянина-труженика, итоги его духовного созревания, совершавшегося на почве осознания своего реального положения в условиях тогдашней действительности и утверждения необходимости борьбы против существовавших порядков.

Реальное жизненное положение человека труда осознается как положение повсеместной зависимости, всеобщей несвободы — от папа, представителей власти, существующей социальной системы в целом. Изображение буржуазно-помещичьей действительности, того жизненного состояния, в котором находится простой человек труда, как состояния всеобщей зависимости и подчиненности, эта утвержденная Калиновским и Богушевичем и продолженная Купалой социально-критическая тенденция покоилась как на осознании фактов социально-экономического порядка, так и на нравственно-гуманистической основе, призванной выявить несправедливость, жестокость и бесчеловечность такого положения вещей, когда народ, выступающий создателем всех ценностей на земле, сам остается нищим, бесправным и угнетенным. В творчестве Купалы изображение несчастий и бед, которыми опутана народная жизнь, обрело, казалось бы, предельно трагическое наполнение, обнаружилось как крайняя степень унижения человека труда. Каторжный труд, труд, который «карыстае другі», тяжелая подневольная работа «ад рана да рана», когда «за гадзіп семнаццаць працы ў дзень пязмешне выйдзе грошаў дваццаць або й таго меней»¹¹, когда нет самого необходимого — хлеба, соли, когда «пот крываваы заліў вочы», когда холод, голод, беда в хате — как тут жить? («Ад рана да рана...», «Вось тут і жыві...» и др.). И для многих поколений единственным избавлением от бед жизни была только смерть.

Предельное заострение получает у Купалы трактовка типичного для всех белорусских революционных демократов гуманистического взгляда на существующую систему общественных отношений с позиции простого крестьянина-труженика, который оказывается одиноким перед лицом множества окружающих его угнетателей, посягающих на плоды труда и на самого трудящегося человека. Весьма показательным в этом отношении одно из ранних купаловских стихотворений «І як тут не смяцца», в котором, исходя из центральной социальной и жизненной ситуации, типичной для тогдашней дей-

¹¹ Янка Купала. Збор твораў, т. 1, с. 275.

ствительности: «адзін жыве па-людску, другі жыве як скот»¹², поэт показывает нам этот нескончаемый ряд враждебных человеку труда порождений буржуазно-помещичьей действительности.

Выражение непримиримости между трудовым белорусским народом и враждебными ему социальными и жизненными установлениями, между типичным представителем масс — человеком труда и утвержденным эксплуататорским обществом «состоянием жизни» обретаю у Я. Купалы истинно трагедийную глубину, потому что выражало существенные моменты исторического и социального бытия народа. Всесилие созидательных, житнетворческих начал и полная невозможность свободного, самостоятельного развития их — конфликт истинно трагический, он отражал неразрешимое в то время противоречие между прогрессивными тенденциями общественного развития, носителем которых выступали трудящиеся массы, и реакционными, старыми общественными установлениями, еще достаточно сильными, чтобы сохранять свое господство.

Раскрытие трагизма исторического и социального положения трудового белорусского народа в условиях эксплуататорского общества было одной из важнейших задач революционно-демократической эстетики Купалы, многообразными нитями связанной с поисками путей преодоления трагизма народного бытия. В сфере трагического с особой выразительностью проявилась активность познавательных начал эстетики Купалы. Области же идеального и возвышенно-героического стали преимущественно утверждением тенденции революционного преобразования существующей действительности.

Видение мира сквозь призму социального конфликта, бывшее закономерным следствием демократической тенденциозности позиции Я. Купалы, определяло также и возможности вскрытия иных типов противоречий, присущих действительности той поры. Выявление коренного общественного противоречия между мужиком (трудовым народом) и паном (эксплуататорами вообще), возникавшее как результат последовательности социальной точки зрения, как выражение непримиримости интересов разных классов, оказывалось вместе с тем улавливанием характернейшей — противоречивой — черты устройства мира, т. е. социальность взгляда открывала путь широкому художественно-познавательному началу, способному к вскрытию новых типов противоречий, что вело к осознанию дисгармоничной, противоречивой сущности действительности вообще. А это значит, во-первых, что для Купалы в целом характерна интерпретация действительности сквозь напряженную, конфликтную драматическую форму, раскрывающую противоречивую сущность мира, а во-вторых, в основе процесса познания дисгармоничной действительности, бывшего процессом развития типов конфликта, лежал конфликт социальный.

¹² Янка Купала. Збор твораў, т. 1, с. 32.

В общем процессе формирования форм трагического конфликта и соответственно форм трагического в эстетике Купалы могут быть выделены: 1) социальный конфликт (мужик — пан), получивший особенно широкое, реалистически-рельефное осознание и изображение в начальный период идейно-творческого развития Я. Купалы и определивший трактовку данной конфликтной ситуации как социальной трагедии; 2) конфликт между крестьянином, человеком труда и важнейшими земельными, жизненными стихиями, который, равно как и соответствующая форма трагического, был в известной мере переходным; 3) конфликт широкого романтически-обобщенного плана, в центре которого противоборство светлых и темных начал бытия, раскрепощающих сил света, солнца, идеальности и враждебных им разрушительных сил тьмы; конфликт этот приобрел у Купалы предельно широкий смысл осознания противоречивости бытия как такового.

В основе конфликтности лежит у Купалы социальный момент; все последующие формы конфликта зависят от исходного. Да и романтический конфликт, основанный на противоборстве солнца, свободы, знания и тьмы, сил разрушения, был, вероятно, лишь необходимой, обусловленной потребностями и особенностями развития сферы идеального формой выражения именно социальной, демократической тенденциозности. Ведь купаловский романтизм покоился на принципе народности (отсюда и эпическое начало в творчестве Купалы, хотя и в своеобразном, деятельно-созидательном выражении), и его идеальная, возвышенная устремленность возникла как выражение возросших духовных потребностей трудовой народной (крестьянской) среды. Выделение отмеченных типов конфликта призвано лишь очертить ведущую тенденцию развития Купалы, его направление. В то же время у Купалы каждый новый этап не отменяет предыдущего; последующее возникает на основе предыдущего, оставляя ему возможности свободного существования, и в этом залог многообразия купаловского творчества.

Следует учесть также, что раскрытые Купалой трагические коллизии — и это является их типической особенностью — были специфическим отражением исторического и социального положения трудового белорусского народа в дооктябрьский период, испытанного многообразные формы социального угнетения не только со стороны «местных» помещиков, кулаков, буржуа, но также и польских помещиков и русских буржуа, причем социальное угнетение шло рядом с провинциальной политикой подавления национальной белорусской культуры, проводившейся первоначально реакционными кругами шляхетской Польши, а затем царской России. Эта многослойность переплетения различных факторов общественного, социально-экономического и культурного порядка, определивших реальное жизненное состояние трудового белорусского народа в дооктябрьский период, обусловила и трудности преодоления трагических конфликтов народ-

пого бытия; эти трудности были связаны с мировоззренческой ограниченностью идеологии крестьянского демократизма, лишавшей его представителей возможности проникновения в сущность сложнейших общественных явлений буржуазно-помещичьей действительности. Купала, бывший выразителем передовых, революционных устремлений своего народа, указал единственно возможное направление разрешения коренных противоречий народного бытия, призывал к борьбе; вместе с тем его позиция нередко оказывалась выражением той самой стихийности, которая является характерной особенностью общественного движения крестьянских масс. Взятое само по себе, изолированно от иных широких и более революционных слоев трудящихся масс — рабочего класса в первую очередь трудовое крестьянство и его идеологи не в состоянии были найти конкретно-обусловленные пути к подлинному освобождению. Это, однако, нисколько не умаляет значения той борьбы за социальное и национальное освобождение, которую вели трудящееся крестьянство и весь трудовой белорусский народ и которая вливалась в общее русло революционных усилий трудящихся масс всей России.

НОВЫЕ ЧЕРТЫ ТРАКТОВКИ НАРОДА И ЧЕЛОВЕКА ТРУДА. ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ

Эпоха коренных социальных изменений, открытая первой русской революцией, пашла свое специфическое проявление в творчестве Купалы. Крайняя напряженность и драматизм ведущих коллизий купаловского творчества передавали дух того исторического периода, когда совершавшееся на протяжении длительного времени подспудное парастание новых общественных тенденций стало обретать наглядное, резкое, социально-действенное проявление, когда многие до сих пор скрытые в трудовом пароде силы пришли в движение. Активный, динамический момент получил чрезвычайно широкое развертывание во всем строе идейно-эстетических представлений Купалы, определив в первую очередь новые, социально-действенные черты в изображении поэтом трудового народа и человека труда.

Революционно-демократическая поэзия Я. Купалы — это широкое, мощное и многогранное утверждение народных масс активным субъектом исторической жизни, последовательное и неустанное отстаивание и развитие идеи народного величия, питаемое страстной верой в свободное будущее трудового народа («Мужык», «А хто там ідзе?», «Ужо днее», «Песня сонцу», «Маладая Беларусь», «Гэй, наперад» и др.).

Совершилось размыкание тех границ застывшего трагического состояния, в которое был заключен герой Ф. Богусевича. Это неизбежно вело к рождению новой позиции героя, человека труда в от-

ношении существующей действительности. Его подход к окружающему обогатился чертами социальной действенности, которая прежде всего предполагала уничтожение общественных порядков, построенных на угнетении трудового народа. Вместе с тем его позиция должна была проявиться и в своем созидательном аспекте, покоящемся на открывшейся возможности реального достижения новой, свободной жизни и утверждения чувства человеческого достоинства простого труженика, крестьянина, т. е. на возможности осуществления своих все более четко оформляющихся идеальных представлений.

Крестьянин-труженик сразу раскрылся у Купалы в широких, рельефно-конкретных и вместе с тем обобщенных чертах, порожденных определенной социальной средой. Представленный в плане реального, конкретного изображения, находясь на этическом уровне социально-конкретной наглядности, образ человека труда получил одновременно духовно-психологическое измерение, тенденцию к передаче внутренних состояний. Причем если выражение трагического ощущения жизни простым человеком труда, поставленного крайне неблагоприятными социальными условиями существования на грань небытия, если передача столь знакомого и привычного герою чувства безнадежности и отчаяния («Нуда» и др.) являлись в сущности купаловской интерпретацией традиционного для дооктябрьской революционно-демократической белорусской литературы мотива, то постоянное подчеркивание необходимости победы над отчаянием, горячие призывы к активности, борьбе, труду, апелляция к чувству человеческого достоинства и гордости — все эти моменты, хотя вначале и не свободные от оттенка декларативности и рационализма, становились приметой первоначальной фазы раскрытия нового духовно-психологического состояния человека труда, состояния, согласовавшегося с действительностью позиции героя в отношении к окружающему.

Своеобразие соединения моментов реально-конкретной, внешней и внутренней, духовно-психологической характеристики совпало на уровне определенного социального типа — крестьянина-труженика, строй жизни, психологию и нравственные представления которого белорусские революционные демократы склонны были трактовать при условии свободного и широкого развития лучших начал трудового крестьянского уклада бытия как наиболее полное, соответствующее естественным человеческим устремлениям осуществление потенций самой жизни. Естественным и человечным оказывается в первую очередь то, что передает сущность именно трудового крестьянского уклада жизни; человеческое тем самым выступает прежде всего социальной (и нравственной) характеристикой, разграничительной линией между людьми труда и враждебным социальным окружением. Причем принцип трудовой деятельности как основы истинного человека, а также подлинно нравственных отношений между людьми, общий для всех белорусских революционных демократов,

получает у Купалы дополнительные оценочные моменты, связанные с новой, активной позицией героя.

Обращение к определенному социальному типу, который выступал как выразитель всенародных интересов, обусловило широту и обобщенность образа человека труда в лирике Купалы периода первой русской революции. Собственно, эти моменты характеристики образа человека являлись производными от широты черт социальной психологии как таковой. Тот факт, что в изображении человека в первую очередь фиксировались крупные, социально-психологические черты, обусловлен коренными устоями революционно-демократической идеологии, которая отличалась первостепенным вниманием к широкому социальным общностям, являлась идеологией, выражавшей насущные интересы миллионов масс трудового крестьянства. Как раз принцип широкого социального мышления, классового подхода к познанию и оценке действительности составляет основу мировоззрения белорусских революционных демократов. Этот последовательно классовый принцип выразительно раскрылся во взгляде на действительность сквозь призму коренного социального противоречия между трудовым народом и эксплуататорами.

Отстаивание интересов всего трудового народа, доминанта общего блага — этот центральный идеологический принцип белорусских революционных демократов получил благодаря типологическим особенностям их нравственно-эстетического мировоззрения специфическое выявление в плоскости отношений народ — человек, когда общность стремится обрести конкретно-наглядную (так сказать, «единичную») форму выражения. Это и определило важнейшие моменты в трактовке белорусскими революционными демократами образа человека, который в первую очередь является полномочным представителем определенной социальной среды.

Принцип представительства (человек труда, крестьянин — носитель здоровых народных жизненных начал; пан — порождение враждебной человеку труда общественной системы, социальной действительности) есть принцип эстетически-выразительный, содержательный и формообразующий одновременно. Сам по себе этот принцип показывает, что данное мировоззрение фиксирует и выявляет в первую очередь широкие, крупные, значимые общности — трудовой народ и враждебное ему окружение (панство, социальная система угнетения в целом). И данное мировоззрение как активная идеологическая форма было призвано утверждать трудовой народ, строй его жизни и отношений между людьми, а также показывать хищническую, антигуманную сущность панства, буржуазно-помещичьей социальной системы, стремиться к ее уничтожению. Ощутим, таким образом, в революционно-демократической идеологии исходный параллелизм взаимоопределяющих оценок в аспектах: социальном (мужик — пан), нравственном (добро — зло), эстетическом (прекрасное, идеальное — позорное, безобразное).

Принцип представительства трудового народа, неоднозначный уже у Богусевича (что было связано с присутствием поэтической индивидуальности, благодаря которой общность получила дополнительные возможности проявления), получает у Купалы дальнейшее развитие. С одной стороны, традиционный для дооктябрьской революционно-демократической литературы главный герой — крестьянин-труженик сохраняет свое доминирующее положение, а с другой, присутствие такой мощной поэтической индивидуальности, как купаловская, выступающей от имени трудового белорусского народа, определяет в целом более сложный характер отношений между народом и человеком, активность которого должна будет обнаружиться не только в отношении существующих буржуазно-помещичьих социальных порядков, но и — как глашатай всенародной борьбы — способствовать революционному созреванию тех пока пассивных слоев трудового крестьянства, которые еще не пришли к осознанию необходимости бескомпромиссной борьбы за свои социальные и национальные права.

Гуманистические представления белорусских революционных демократов впитали в себя лучшие нравственные принципы трудового крестьянского уклада жизни и в таком своем проявлении несли отчетливый социальный характер и направленность, призванную показать, во-первых, несовместимость нравственных и жизненных ценностей людей труда с господствующими формами отношений между людьми во враждебном трудовому народу эксплуататорском обществе, а во-вторых, утвердить превосходство норм трудовой народной морали над антигуманистическим хищническим принципом подавления миллионов трудящихся во имя благополучия немногих. В этом плане преимущественно и развертывалась трактовка понятия «человечность», согласующегося с понятиями «истинность», «правда». Носителями противоположных, враждебных подлинной нравственности начал выступали как типические представители существовавших общественных порядков, так и вся социальная система в целом. У Богусевича понятия истинности, человечности крестьянина-труженика в целом оказывались прямым производным суммарной социальной характеристики, хотя и подкрепленной нравственными аргументами. Я. Купала сохраняет коренной момент демократической тенденциозности, безоговорочную верность определенному социальному типу. Вместе с тем у Купалы сущностная характеристика человека как такового с самого начала оказалась неразрывно связанной с жизненной и внутренне-психологической реализацией им идеи свободы.

Поскольку изображение с позиции последовательного, радикального демократизма реальных противоречий действительности, народной жизни стало вскрытием многообразных форм зависимости трудового народа от существующих социальных порядков, т. е. обнаруживало многообразные формы несвободы трудового народа в условиях буржуазно-помещичьей действительности, постольку поня-

тие свободы в системе мировоззренческих представлений Купалы с самого начала становилось синонимом освобождения от существующих социальных порядков, от папа, от всех эксплуататоров, паразитирующих на труде народа. Понятие свободы выкристаллизовывалось, так сказать, по принципу обратного, через понятие несвободы, и несло конкретно-социальный смысл, выражавший чаяния миллионов масс трудового белорусского народа, крестьянства по преимуществу.

В своем непосредственном, конкретном выражении понятие свободы было в сущности понятием крестьянским, которое впитало требования этой социальной среды и несло ее специфический отпечаток. Свобода оказывалась свободой владения землей, которая принадлежит крестьянину по праву того, что он на ней работает, а потому и является ее полноправным и единственным настоящим хозяином. Подобный принцип свободного земледельческого труда определял и характер понимания всей существующей системы социальных отношений буржуазно-помещичьей действительности как построенной на искажении подлинной сути человеческих, трудовых отношений, на отрицании возможности существования одних за счет труда других. Еще Богуневич подчеркивал, что подлинной основой всякого истинного, нравственного человека является труд; Купала всецело принимает это положение, и в то же время его позиция отличается значительно большей социальной активностью. Сам факт того, что господством антинародных социальных порядков крестьянин-труженик поставлен в такое зависимое положение, когда он вынужден работать на других, воспринимается Купалой как унижение человеческого достоинства, как состояние, несовместимое с истинным назначением человека труда — хозяина всей земли. Понятие свободы обретает у Купалы широкий гуманистический оттенок как утверждение несовместимости человеческого достоинства с любыми формами зависимости, которые навязаны крестьянину-труженику эксплуататорским обществом. Поэтому уничтожение антинародных порядков, которое может совершиться только в борьбе («Спросоння», «Там» и др.), есть необходимое условие утверждения человеческого достоинства и соответственно путь к достижению новой жизни, которая является свободным трудом на свободной земле.

Разумеется, такое понимание свободы было выражением типично крестьянской уравнилельной тенденции, обнаруживало ограниченность идеологии крестьянского демократизма, представители которого стремились отыскать достаточно простые, «эпически»-наглядные формы будущих человеческих отношений и в этих поисках не были чужды игнорирования всей сложности социальных, экономических и нравственных отношений, которые составляют основу общественного устройства как формы существования и развития человеческих коллективов. Вместе с тем в той мере, в какой данное понятие свободы выражало исторически необходимые требования трудовых масс

белорусского народа, поднимавшегося на борьбу против буржуазно-помещичьих порядков, оно являлось прогрессивным и закономерным и его оформление было свидетельством четкости позиции художника, осознающего коренные интересы выдвинувшей его среды.

Выступив как глашатай всепародной свободы и борец за утверждение человека труда подлинным властелином жизни, провозгласивший своим гуманистическим идеалом свободного и гордого человека, Купала трактовал сущность свободы в совершенно определенном социально-конкретном плане, как идею крестьянской свободы. Понимаемая прежде всего в плане социально-экономическом как освобождение от существующих форм социальной и экономической зависимости трудового народа в условиях буржуазно-помещичьей действительности свобода утверждалась как необходимость осуществления нового жизненного состояния всего народа. Широка и объемность, всеобщность в определении и выдвигании освободительных социальных и национальных задач, согласовавшиеся с центральным революционно-демократическим принципом общего блага, в идейно-эстетическом отношении соответствовали своеобразию проявления в купаловском творчестве периода «Жалейкі» эпической тенденции, которая находила свое выражение не только в рельефности присутствия конкретно-реальных черт обрисовки художественных образов, но также обнаруживалась как форма гармонического отношения общего и личного при совершенно органическом и естественном приятии ведущего значения потребностей общности — трудового белорусского народа.

Причем принцип неразрывности народа и человека труда покоился в сущности на общей уравнительной основе, соответствовавшей тенденции к социально-конкретной наглядности, к гармонической простоте понимания человеческих отношений. Свобода всего трудового народа и свобода отдельного человека труда — отношение этих понятий пока еще мыслится в прямой, даже несколько однозначной зависимости. В некоторых купаловских стихотворениях 1905—1907 гг. отчетливо представлено о народе как такой общности, которая образована значительным множеством более или менее одинаковых, равных слагаемых. «...Грамада вялікі гмах: адзін ляжа, сто ідзе, а хто ж роўны грамадзе?»¹³ И сила народа оказывается производной от силы множества рук миллионов людей труда, которые все вместе и есть народ. Очень существенна именно социальная характеристика понятия народ в идеологии белорусских революционных демократов, для которых народ есть труженик и созидатель. Эта характеристика одинаково распространяется и на общность, народ и на типичного представителя его, крестьянина-труженика, чья деятельность, многократно усиленная совместной созидательной мощью, преобразует облик земли.

¹³ Янка Купала. Збор твораў, т. 1, с. 151.

Непримиримость в отношении к существовавшей действительности и готовность к борьбе против нее были ведущими в купаловском понятии свободы и, следовательно, основополагающими в русле становления, формирования идеального начала, поскольку идеальное постоянно осознается как свободное. Наряду с этим трактовка свободы как категории социальной неотрывна у Купалы от понимания этой категории как категории национальной. Это значит, что в общем процессе развития идеального начала утверждение национальных прав трудового белорусского народа являлось моментом закономерным и необходимым.

Трактовка понятия свободы в конкретном социально-экономическом плане отчетливо обнаружилась у всех белорусских революционных демократов, равно как и стремление к идеализации конкретных социально-экономических задач, достижение которых нередко становилось идентичным осуществлению состояния свободы. Тенденция к идеализации конкретности трудового крестьянского уклада жизни мощно проявится в творчестве Янки Купалы («Яна і я»). Вместе с тем у Купалы сразу обнаружилась более широкая интерпретация понятия свободы. Формирование идеального начала оказывалось в сложной зависимости от развития форм конфликтности; особенности этого процесса, в частности тенденция к более широкому охвату явлений действительности, находили своеобразную трансформацию в идеальной сфере. Оформившись в своей конкретно-направленной устремленности на достижение определенных общественных целей — социального и национального освобождения, понятие свободы вышло в своем развитии за рамки конкретности и обрело новое содержание как категория духовная, как идеальная оценочная позиция в отношении существующей буржуазно-помещичьей действительности. Сама основа понятия свободы оставалась социальной, «крестьянской», но понятие это приобрело новое наполнение, потому что, противопоставляясь несвободному реальному, становилось идеальной устремленностью, точкой отталкивания от существующей реальности, пафосом неприятия ее и борьбы с ней.

Это вело к дифференциации критериев истинности, бывших у Богусевича в известной мере статически-констатирующими в отношении пародий жизни и героя, человека труда. Истинным у Купалы становилось все свободное, все, стремящееся к всенародной свободе, борющееся за нее. Критерий истинности обогащается действенным идеальным моментом, поэтому борьба за освобождение трудового народа от власти буржуазно-помещичьих порядков, борьба за конкретные цели социального и национального раскрепощения трудового народа становится также борьбой за свободу реализации человеком труда всех своих внутренних возможностей, борьбой за человека, чуждого индивидуалистических побуждений, ощущающего свою неразрывную связь с другими людьми труда и воспринимающего всю землю как поле своей созидательной, преобразующей деятельности.

Развитие идеального образного ряда в поэзии Купалы, бывшее обогащением и развитием понятия свободы и пафоса устремленности к ней, привело в дальнейшем ко включению в этот образный ряд знания. Свобода оказывалась не только освобождением от всех форм социальной подчиненности человека труда в эксплуататорском обществе, но также приобщением к знанию, к свету, солнцу, говоря языком поэзии Купалы, в которой свет, солнце, знание, свобода выступают как однопорядковые идеальные обозначения. Специфичность трактовки Купалой знания и познавательных форм вообще отмечена выше, здесь же важно подчеркнуть, что истинность знания, духовности как раз определялась его раскрепощающей, освобождающей силой, его противоположностью невежеству, тьме, порабощению.

Формирование идеально-оценочных представлений привело к тому, что многое из прежде идеализируемого в самой крестьянской жизни попадало в сферу реального, ведь напряженность оценочной позиции определяет и требует постоянного движения. В соответствии с этим и сущностная характеристика человека обогатилась у Купалы действенным идеальным критерием. Момент идеальности, духовности обрисовки человека труда оказывался степенью приобщенности его к состоянию активности, являвшемуся предвещением и формой приближения свободного будущего.

В купаловском творчестве 1905—1907 гг. доминировал уровень социальной конкретности как в обрисовке образа представителя народа, человека труда, так и образов эксплуататоров, представителей враждебного людям труда общественного лагеря; этот уровень обуславливал как центральную и социально-конкретную форму осознания свободы как освобождения крестьянина-труженика от существующей политической и экономической зависимости, от пада и вообще от всех эксплуататоров. В соответствии с этим в обрисовке человека труда особое значение приобретали моменты активности конкретного социального плана, связанные с утверждением необходимости революционного действия, направленного на уничтожение буржуазно-помещичьих общественных порядков. Утверждение силы трудового народа, совершившееся у Богусевича преимущественно в созидательно-производственном плане, у Купалы неотрывно от оценок-наглядных форм проявления активности народа и человека труда, от могучего движения людской массы, вышедшей в освободительный поход за право «людям называться» («А хто там ідзе?»). Утверждение силы человека труда оказывается у Купалы утверждением его социальной активности, важнейшим выражением которой было в тех условиях революционное действие. «До слаць! Паўстанце грамадою...»¹⁴ Действие это имеет совершенно точный социальный адрес — панство, царь, вся существующая система угнетения трудового народа и не чуждо наглядно-пространственной формы

¹⁴ Янка Купала. Збор твораў, т. 1, с. 96.

своего изображения: собраться вместе — пойти — сразиться. Источник силы трудового народа видится Купалой в единстве всех людей труда, объединенных идеей свободы.

Провозглашение и утверждение поэтом действительности конкретного социального плана как черт новой позиции белорусского крестьянина-труженика, поднимающегося на борьбу за осуществление своих коренных социальных и национальных прав, согласовалось и находилось в тесной связи со сдвигами внутренне-психологического порядка, которые свидетельствовали о духовном созревании купаловского героя. В этом отношении особого внимания заслуживает все более широкое развертывание мотива высокой человеческой гордости человека труда. Высокий гуманистический пафос борьбы за человека покоился у Купалы на идее несовместимости чувства человеческого достоинства с унижительными формами зависимостей, которым подчинен крестьянин-труженик в существующей системе общественных отношений. Само включение в эту систему подчинения и зависимости оказывается глубоко пагубным, разрушительным для человека. «На богатых папекайся век, век сваёй цемнаты знось глушу і забудзься, што ты чалавек, і забудзься, што маеш душу»¹⁵. Отстаивание подлинно гуманистических ценностей оказывается в первую очередь борьбой против существующих общественных порядков. Причем мотив несовместимости человеческого достоинства с любыми формами подчинения и зависимости развертывается у Купалы как передача ощущения униженности человека, вынужденного работать на других, как несогласие с таким положением вещей, возникшим в результате искажения, попрания трудовых основ нравственности, провозглашающих труд на себя основой подлинного человека. Социальная критика существующего подкрепляется критикой нравственно-гуманистической.

Обретение чувства человеческого достоинства оказывается, таким образом, неразрывно связанным у Купалы с неприятием существующего как состояния «несвободы», «неправды», с активностью конкретного социального действия, направленного на уничтожение устоявшегося порядка вещей и установление новой, свободной жизни. Речь идет об обретении человеком такого жизненного состояния, которое равнозначно его подлинной, сущностной природе, соответствует его истинному назначению на земле. Это — состояние свободы. Человеческое и свободное тем самым сливаются у Купалы воедино; приобщенность человека идее свободы выступает важнейшей внутренней, личностной его характеристикой. Можно сказать, что человеческое как духовное и личностное начала объединено у Купалы в целостной социально-нравственной характеристике человека. Свобода является универсальным определением подлинности человека, его истинной сущности. Поскольку достижение свободы связы-

¹⁵ Я н к а К у п а л а. Збор твораў, т. 1, с. 82.

вается в первую очередь с реализацией конкретных социально-экономических и политических требований трудового крестьянства, постольку и ценность человека обуславливается степенью его содействия этой центральной цели. Деятельное, практическое начало выдвигается, таким образом, на первый план и приобретает в купаловской лирике 1905—1907 гг. особое значение.

Герой оказывается внутренне противоречивым. С одной стороны, мы видим крепнущее чувство человеческой гордости, достоинства и независимости, а с другой, наблюдается стремление измерять проявления подлинной человечности приобщенностью к бедам и невзгодам, которые выпали на долю человека труда в его тяжелой жизни. Во многих ранних стихотворениях Купалы единство поэта с народом выступает как единство в общей беде, утверждается первоочередность отклика поэта на горе и страдания людей труда. Эти мотивы вытекают из последовательного реалистического подхода Я. Купалы к тогдашней действительности. Именно особая чуткость ко всякому унижению человека, к любым проявлениям рабства, зависимости, неприятия каких бы то ни было форм унижения человека составляют отличительную особенность купаловской идейной позиции, что и раскрывает в сущности ее гуманистический характер. В данном случае существенно, что Купала выступает от имени всех, кто работает (и с которыми он сам «фізічна працаваў»), но лишен самого необходимого в жизни, и поэт выступает против тех, кто находится на вершине социальной лестницы и утверждает такое положение вещей. Поэзия Купалы может быть названа поэзией становления человека как такового. И это не просто путь внутреннего, интеллектуального, психологического и нравственного его развития как личности, развития в субъективно-индивидуальном плане, а путь от рабской приниженности к осознанию своего человеческого достоинства и к пониманию того коренного для процесса формирования человека (в купаловском смысле) факта, что становление человека как такового совершается в постоянной борьбе против всех и всяческих форм угнетения и порабощения. В этом — пафос всего дооктябрьского творчества Я. Купалы.

Воссоздавая реальное состояние народной жизни под властью буржуазно-помещичьих социальных порядков, Купала как реалист прежде всего должен был сказать и сказал о той бездне горя и страдания, в которую погружены миллионы простых людей труда. Поэтому и «понимание страдания», приобщенность к нему первоначально выступают как форма осознания трагического состояния народной жизни, как чувство единства со всеми людьми труда. И когда Купала в стихотворении «Я не для вас, паны, о пе...», проводя резкую границу между народным и панским, истинным и ложным, говорил, что панам «не паняць мучэння», то тем самым он фиксировал также отличия человечности от бесчеловечности, гуманистического от хищнического, стремился на основе различия социального поряд-

ка подняться до различия социально-психологического. Чуткость к чужому страданию, стремление и умение разделить его — примета человечности. Позиция «над» страданием других, над их муками есть выход из орбиты человечности. «Ну, будь, браце, не слаб, з бяды смейся чужой»¹⁶. Так Купала намечает важную проблему — проблему силы подлинной человечности, сталкивающейся с властью жестокости и бесчеловечности, царящей в действительности.

Активность социальной и гуманистической позиции Купалы порождает противопоставление, на одном полюсе которого — жестокость, порожденная существующей буржуазно-помещичьей действительностью, а на другом — человечность, носителем которой выступает трудовой народ. «Каб як пражыці, голад змагаці, павінец забыцца на ўсё — на святляныя душы парывы, на ўсё чалавецтва сваё»¹⁷. Подходящая форма противопоставления возникает как гуманистическая интерпретация ведущего социального конфликта того времени.

Человек труда, представитель широких народных масс, выступает у Купалы неизменным носителем высоких гуманистических ценностей. Весьма существенным является тот факт, что, вырастая на основе лучших нравственных норм трудового уклада крестьянской жизни, ценности эти приобретали действительную, активную форму утверждения, становились важным показателем духовной и реально-практической консолидации передовых, революционных слоев трудового народа в период обострения классовой борьбы. Поэтому, указывая, так сказать, в генетическом аспекте на связь человечности и страдания, Купала со все большей настойчивостью утверждает силу подлинной человечности, которая призвана вырвать человека труда из мрака унижения, покорности и страданий, вывести его на простор свободной жизни. Реальным носителем этой силы выступает весь трудовой народ. Поэтому так многократно повторение Купалой мотива силы народа и человека труда. «Павер сіле, толькі сілай забавішся ўсіх мук»¹⁸. И у Купалы устремленность к идеальному, путь из рабства к свободе означает преодоление слабостей (и страданий в том числе), процесс накопления народных сил, которые в конце концов должны уничтожить враждебный людям труда мир насилия и жестокости.

Понятие народной силы как центрального жизнесозидающего феномена занимает весьма значительное место в системе взглядов Я. Коласа; настойчив у Коласа также мотив «собрания силы», утверждавший необходимость совместных усилий людей труда в освободительной борьбе. В творчестве Купалы утверждение силы народа и человека труда неотрывно от общей исходной напряженно-оценочной позиции поэта, в основе которой лежит противопоставление иде-

¹⁶ Янка Купала. Збор твораў, т. 1, с. 51.

¹⁷ Там же, с. 58.

¹⁸ Там же, с. 160.

ального (свободного) реальному (зависимому, подчиненному, рабскому); понятие народной силы входит в идеально-оценочный ряд, противопоставляется слабости и бессилию как моментам рабского состояния. Можно сказать также, что проблема сила — бессилие выступает как более конкретизированный и психологизированный слой центральной купаловской проблемы свободное — рабское. Страстно ненавидевший любые формы зависимости и угнетения, Купала был нетерпимым ко всяким проявлениям слабости, покорности, к слезам и стону, хотя поэт и на себе чувствовал власть унижающей и отравляющей душу муки беспросветной тоски. И Купала стремился вдохнуть веру и стойкость в своего героя, убедить его в том, что «слёзаў цяперашні свет не ўзнае; сіл трэба магутных змаганню з бядою...»¹⁹ Мотив борьбы с окружающими человека труда бедами и невзгодами оказывается одним из ведущих у Я. Купалы.

Отмечая в целом социально-конкретную трактовку понятия свободы в купаловской лирике 1905—1907 гг., следует подчеркнуть, что уже в этот период достаточно отчетливо проявилась сугубо романтическая тенденция к утверждению идеи свободного человека, причем это утверждение совершалось по принципу резкого противопоставления данной идеи существующим реальным, жизненным обстоятельствам. И когда Купала в «Песне вольнага чалавека» провозглашал: «Душой я вольны чалавек і гэтакім буду цэлы век!»²⁰, то в данном случае обнаруживалась одна из важнейших линий романтической поэзии — идея свободного человека. Идея эта в дальнейшем найдет широкое развитие, в процессе которого исключительность романтического героя, образованная энергией резкого противопоставления существующему, должна будет затем отыскать ощутимые точки прочной связи с конкретными обстоятельствами народной жизни. Романтизм Янки Купалы, покоящийся на принципе народности и вдохновленный пафосом всенародной свободы, открывается новой важной гранью — идеей свободного человека.

Идея свободного человека не имела у Купалы индивидуалистического звучания, ибо поэт всегда говорит о человеке труда, постоянно сохраняющем чувство общности с миллионами таких же тружеников, как и он сам. Момент социальной характеристики является исходным в купаловском определении ценности человека как такового, определении, полемически направленном против расплывчатых и абстрактных буржуазно-либеральных лозунгов о гуманизме, человечности и всеобщем равенстве, лозунгов, которые, как саркастически подчеркивал Купала в «Песенке для некоторых малых людей», так и остаются лишь словами, не имеющими ничего общего с реальностью жизненного существования тех, кто их провозглашает.

¹⁹ Я л л а К у п а л а. Збор твораў, т. 1, с. 367.

²⁰ Т а м же, с. 266.

ЧЕЛОВЕК В ТРАГИЧЕСКОЙ КОЛЛИЗИИ

Чуждый какого бы то ни было оттенка идилличности во взгляде на тогдашнюю действительность, Я. Купала противопоставлял жестокой и губительной власти буржуазно-помещичьих социальных порядков силу и человечность людей труда как носителей подлинных гуманистических ценностей. Раскрытие и исследование форм сопротивления человека труда и окружающей его социальной реальности являлось у Купалы многообразным, было призвано показать истоки и сущность силы крестьянина, человека труда, а также испытать, проверить в предельно напряженной, критической ситуации степень его стойкости и жизнеспособности. Поскольку проблема силы и бессилия в купаловском творчестве связана с ведущим исходно-оценочным противопоставлением идеального (свободного) реальному (рабскому) и трактовка истинности человека определяется степенью его приближенности идее (состоянию) свободы, постольку проблема силы и бессилия оказывается чрезвычайно важным аспектом решения проблемы подлинного, лучшего в человеке у Купалы. Купала ставил эту проблему, несколько не упрощая, понимая ее сложность и значимость. В «Адвечнай песне», этом глубоко трагическом описании жизненного пути белорусского крестьянина, проблема силы и бессилия человека труда нашла глубокое художественное выражение.

Сама постановка этой проблемы была подготовлена процессом развития форм конфликтности в купаловском творчестве. Как уже отмечалось ранее, если исходным был конфликт социального порядка (мужик — пан, эксплуататор вообще), нашедший особенно широкое, реалистически-рельефное осознание и изображение в начальный период идейно-художественного развития Купалы, то «Адвечная песня» представляет нам эту исходную конкретно-социальную ситуацию на более обобщенном уровне с сохранением эпически-целостной формы проявления. Сила и стойкость крестьянина, человека труда, носителя созидательных начал, изображаются и испытываются в столкновении с противостоящими ему разрушительными стихиями земли и всей окружающей жизни.

Характерной особенностью этого конфликта является то, что активность выявления противоположных начал, их столкновение не выступают в заостренно-наглядной форме, а растворены в последовательных фазах жизненного пути героя, и эффект трагического противоречия рождается из несовместимости начальной фазы — сопровождающего вступление человека в жизнь гимна его всемогущества, которым открывается купаловская «Адвечная песня», и копейной — «раскрийся нанова, магіла: страшней цябе людзі і свет»²¹. Скульптурно-рельефно дано изображение неразрывности человека земледельческого труда, крестьянина и мира, всей земли, которая явля-

²¹ Я н к а К у п а л а. Збор твораў, т. 4, с. 39.

ется одним громадным полем его деятельности. Человек труда выступает как «земли голова»: это его трудом горы разрыты, леса превращаются в пашню, воздвигаются дома и преобразуется земля. Но это преобразование оказывается борьбой с многообразными земными стихиями, персонифицированными в образах Беды, Недоли, Голода, Холода, которые постепенно отнимают у крестьянина все силы. Вступая в жизнь сильным и могущественным, человек всю свою силу отдает земле, которая, все забирая, ничего не возвращает крестьянину, судьба которого тяжела и беспросветна.

Жизнь, обращаясь к входящему в мир человеку, говорит: «Пад уладай сваёй будзе меці як есць усё чыста па свеце»²². И вот уже мальчик-пастушок утешает плачущую, нарекающую на жизнь мать: «Не плач маці і не злуйся па жыццё, як я ў сілачку ўбяруся, змагу усё»²³. И сила эта к нему действительно придет, и она будет устрашать всех недругов человека труда. Купала вводит широко развернутый в лирике образ косы — орудия труда и борьбы, образ, являющийся символическим выражением созидательной мощи трудового народа и его готовности к борьбе. Крестьянин с косой в руках размышляет: «І калі ж з табой мы, сталёвыя, здабываць пойдзем шчасце повае?»²⁴ Поэтому косьба, процесс крестьянской работы обретает и более широкий смысл преобразовательного общественного действия: «Дый у ход зноў пушчу пад песнь слезную, хай зноў бачыць свет сілу грозную»²⁵. И это двукратное «зноў» звучало как напоминание о недавнем революционном взрыве, показавшем подлинное могущество трудящихся масс.

Но эта крестьянская сила сталкивается с пока еще непреодолимой мощью разрушительности, жестокости и неправды окружающего мира. Развитие конфликта крестьянина, человека труда, и враждебных ему жизненных стихий оказывается испытанием силы противоположных тенденций — стремления к полной и свободной реализации заложенных в человеке труда жизнетворческих созидательных, гуманистических возможностей и тенденции противодействия этому стремлению со стороны всех установлений существующего мира, царства жестокости, антигуманизма. Показательно, что этот мир стремится как бы постоянно доказывать свою бесчеловечную, жестокую власть. Зима не верит крестьянину, когда тот говорит, что он «з сілаю разлучаны», она стремится выяснить, действительно ли человек труда «крепче мира целого». Крестьянин гибнет. Его уничтожила сила жестокости, бесчеловечности. В этом и состоит губительная власть старого мира, в то время как крестьянин выступает носителем иной силы и иной власти — власти над землей, над по-

²² Янка Купала. Збор твораў, т. 4, с. 7.

²³ Там же, с. 12.

²⁴ Там же, с. 24.

²⁵ Там же, с. 25.

лями, лугами, реками, а не над людьми. Эта власть крестьянина над миром показана Купалой в созидательном, творческом выражении как изменение, преобразование самого облика земли.

Написанная в 1908 г. «Адвечная песня» вобрала в себя многие мотивы и образы предшествующего периода творческого развития Купалы, трансформировав их сквозь поэмно-драматическую жанровую форму. Так было положено начало художественно-исследовательской романтично-трагедийной линии творчества Купалы («Сон на кургане», «На папасе», «Раскіданае гняздо»), центральной идейной коллизией которой становилась проблема свободы трудового народа и человека труда в многообразных аспектах взаимосвязи свободы всех и свободы одного, а также выяснения сущности такой жизненной и внутренне-психологической позиции, которая достойна предназначения человека как настоящего хозяина всей земли.

В «Адвечнай песне» проблема истинности (свободы) человека труда, крестьянина рассматривалась в плоскости выяснения сущности и пределов его силы и слабости, представленных в объемном эпическом плане — во взаимодействии крупной, обобщенно-представительской фигуры крестьянина-труженика и окружающей его земельно-природной реальности, поданной в строго определенной конкретно-исторической и социальной трансформации, призванной показать повсеместную враждебность и крайнюю агрессивность существующей буржуазно-помещичьей действительности в отношении человека труда. Последнее обстоятельство — совершенно определенная исторически-конкретная направленность трактовки окружающей крестьянина-труженика земельно-природной реальности в «Адвечнай песне» заслуживает особого внимания.

Всем белорусским революционным демократам присуще в целом понимание земельно-природного окружения крестьянина-труженика как его естественной жизненной среды, и установление простых и наглядных форм гармонического единства человека с этим окружением, достигаемое в процессе труда, имеет общую тенденцию к идеальной оценке. Крестьянин-труженик и типические обстоятельства его трудового земледельческого уклада жизни в их лучших проявлениях противопоставлялись как истинные революционными демократами существующим буржуазно-помещичьим социальным установлениям: жестоким, бесчеловечным, антигуманным. Тенденция к сохранению эпического уровня конкретно-социальной наглядности в соединении с революционно-демократической тенденциозностью как раз и обуславливала стремление к идеализации социально-экономических требований трудового крестьянства, а также к идеализации обстоятельств его труда и быта, являющейся формой утверждения этого уклада как высшей жизненной ценности. Те или иные формы этой идеализации присущи всем белорусским революционным демократам, причем особое развитие и широту поэтизирующая линия получила у Я. Купалы и Я. Коласа.

Вместе с тем идеальная поэтизирующая линия не была однозначной, что обусловлено противоречивостью самой революционно-демократической идеологии. Исходя из глубоко верной и прогрессивной идеи величия и могущества трудового народа, из утверждения его исторического предназначения, белорусские революционные демократы в то же время ставили знак равенства между трудовым народом и трудовым крестьянством. Тем самым утверждение величия и могущества трудового народа неразрывно переплеталось с утверждением жизненной и созидательной силы трудового крестьянства. Конечно, в условиях широкого развертывания освободительного движения всех слоев трудящихся и прежде всего рабочего класса в начале XX в., борьба которого приобретала совершенно исключительное по своей важности значение, замыкание революционных демократов в рамках ограниченной социальной среды трудового крестьянства препятствовало осознанию ими всей сложности социальных процессов, происходивших в тогдашней действительности, являлось основой консервативных сторон их программы. В той же мере, в какой белорусские революционные демократы сумели рельефно выразить паcущие социальные и национальные требования всего белорусского народа, в какой их деятельность способствовала консолидации передовых, революционных слоев белорусского народа, его активному участию в общей борьбе всех народов России против самодержавных порядков, в той мере их деятельность имела прогрессивное общественное значение.

В купаловской «Адвечнай песне» в сущности выявилась та противоречивость идеологических принципов белорусских революционных демократов, которая вытекала из несовпадения социально-определенных форм утверждения созидательной силы трудового крестьянства и общей идеи вселия трудового народа. В лирике Купалы 1905—1907 гг. эти два аспекта получили свободное самостоятельное выражение, что было обусловлено богатством и многообразием малой поэтической формы. И хотя в целом в тот период заметно преобладание в поэтической ткани конкретно-бытовых черт, уже тогда явственными были романтические тенденции как в исходном принципе подхода к действительности, так и в самой системе образности. Эта исходная оценочность сквозь призму свободное — рабское и стала в «Адвечнай песне» основой выяснения существа силы и слабости крестьянина-труженика. При этом Купала пытался совместить эпически-целостные формы постижения существа крестьянского круга жизни с исходным идеально-оценочным принципом (идеальное — реальное, свободное — рабское), который определял постановку вопроса о существе и источниках силы и слабости крестьянина-труженика. Эпическая зависимость от конкретных обстоятельств жизненного уклада крестьянина-труженика в их привычном земельно-природном окружении под влиянием исходной оценочной, романтической в своем существе позиции вела к тому, что естественная и

привычная среда крестьянина-труженика, его «пеживое», природное окружение, которое у того же Купалы нередко противопоставлялось как «человеческое» бесчеловечной буржуазно-помещичьей действительности, эта земельно-природная среда выступила в «Адвечнай песне» как начало, противоборствующее человеку труда, крестьянину.

Подобная трактовка естественного окружения трудового крестьянского уклада жизни не вступала в прямое противоречие с ведущей ценностной ориентацией революционных демократов именно на давшие жизненные формы. В «Адвечнай песне» эти формы призваны были показать трагизм существования крестьянина-труженика в условиях господства буржуазно-помещичьих социальных порядков, т. е. рассматривались в исторически-конкретном реальном состоянии, в то время как идеализация лучших начал трудового крестьянского уклада связывалась с будущим свободным развертыванием его лучших жизненно-созидательных и нравственных оснований. Вместе с тем познавательная активность Купалы, обусловившая саму постановку не только проблемы силы, но и слабости крестьянина-труженика, объективно вела к тому, что выявлялись последствия замкнутости крестьянина внутри ограниченной сферы жизни и формы ее специфической трудовой деятельности.

Утверждаемый как «земли голова» и представленный в целом воплощенном подлинной человечности, наиболее полным выразителем созидательно-трудовых начал, преобразующих облик окружающего мира, крестьянин-труженик оказывался вместе с тем в прочной зависимости от окружения, типичной земельно-природной среды, которая являлась единственно возможной для него формой бытия, привычно включавшей человека в давно установленный строй и ритм земледельческого труда и жизни. Присутствие эпически-конкретного момента перазрывной, чуть ли не органической (в буквальном смысле) взаимосвязи крестьянина-труженика и сферы его деятельности вносило элемент однопорядковости человеческого и земельного начал, что вело к «вещным», осязаемо-конкретным характеристикам сущности человека и его деятельности. Поэтому сущностное выявление человека связывалось прежде всего с его созидательным трудом, о всеилии которого зримо свидетельствует вся окружающая действительность. Подчеркнув значение производственно-трудовой деятельности крестьянина, утверждая, что именно эта его активность и есть сила, которая обуславливает существование мира как такового, Купала в то же время показал, что, оставаясь лишь в пределах этого круга жизни, крестьянин не может выйти из состояния зависимости и несвободы.

Прославление мощи созидательного труда, выявление силы человека-труженика соседствовало с раскрытием его слабости; оказывалось, что сила крестьянина-труженика в «палях, лугах загінута», вся без остатка отдана земле. Само выдвижение проблемы силы и

слабости крестьянина-труженика, трагедийно осмысленных в «Адвечнай песне», не было лишь результатом самой логики внутреннего развития идейно-эстетических принципов поэта, являлось специфическим художественным преломлением коренных обстоятельств общественной жизни того времени.

Проблематика «Адвечнай песні» в сущности не может быть попята вне учета факта спада волны первой русской революции. В «Адвечнай песне» присутствует прямое напоминание об отгремевшей революционной буре, но само поражение революции не могло не оставить глубокого отпечатка на самой тональности и характере купаловского произведения. Причем постижение сущности и причин совершившихся перемен в общественной жизни происходило в рамках революционно-демократических представлений, было связано с обращением к коренным основаниям трудового крестьянского уклада жизни, со стремлением именно там увидеть не только неоспоримые проявления силы человека труда, но также выяснить, что мощь созидательного труда сама по себе не способна преодолеть трагические противоречия народной жизни, не является прямой гарантией свободной жизни. А вместе с этим в новом свете раскрывался главный герой купаловского творчества — крестьянин-труженик.

Если обобщенность и суммарность его облика, а также органическое единство с окружающей земельно-природной реальностью позволяли показать величие созидательного труда крестьянина, то эти моменты выявляли также пределы, ограниченность эпически-конкретной обрисовки человека, его слишком большую зависимость от реальных жизненных обстоятельств. Обнаружив эту зависимость, инертность, Купала, постоянно и последовательно утверждавший идею активности и борьбы, ощутил потребность выхода за пределы доминирующей прежде эпически-конкретной обрисовки человека как не оставлявшей уже возможностей его дальнейшего развития. Со всей очевидностью проявилась необходимость более многообразного, не только сугубо конкретно-жизненного, но и духовного измерения человека, необходимость более широко осознанных идеальных оснований для реального осуществления идеи величия трудового народа. Отчетливо выявившееся в романтической лирике Купалы стремление к итесивному раскрытию духовного содержания образа героя, обогатившегося идеально-возвышенными и героическими чертами, свидетельствовало о новом важном этапе становления темы человека.

ОТНОШЕНИЕ НАРОД — ИНДИВИД И ИДЕЯ СВОБОДЫ

Романтический тип образности и центральной конфликтной ситуации, основанной на противоборстве солнца, свободы, знания и враждебных им сил тьмы, разрушения, был, как уже подчеркивалось, спе-

цифической формой выражения революционно-демократической тенденции. Возвышенная устремленность купаловской лирики к свободе, свету, знанию возникала как выражение возросших духовных потребностей передовых слоев трудового белорусского народа. Новая форма конфликтности и символично-обобщенная образность в дооктябрьской поэзии Я. Купалы выросли на почве исходной социально-конкретной обрисовки ведущего общественного противоречия той поры, являлись высоким уровнем поэтического обобщения исходной социально-конкретной ситуации, формой осознания факта противоречивости жизни, бытия в целом. Отчетливо выявилась тенденция к раскрытию идеально-возвышенного, духовного содержания образа человека труда, что свидетельствовало об особом внимании Я. Купалы к проблеме человека. Причем тенденция эта не была одноплановой. С одной стороны, наблюдается линия романтической идеализации, выявившаяся в поэмах «Курган», «Бандароўна», «Яна і я», а с другой — линия трагедийно-романтическая, проблемно-конфликтная («Сон на кургане», «На папасе», «Раскіданае гняздо»).

Интерес к внутреннему содержанию образа человека был неотрывен от процесса формирования идеального начала в эстетике Купалы, в основе которого лежало развитие идеи свободы. Ведь свобода означала не только уничтожение всех форм социальной зависимости человека труда в эксплуататорском обществе, но также приобщение к знанию. Причем Купала истинность знания, духовности определяет его раскрепощающей силой, его стремлением уничтожить невежество и рабство. Тем самым идея свободы получала развитие в плане духовного содержания образа человека труда, осознавалась как проблема внутренне-психологическая.

Такое направление развития идеи свободы было совершенно закономерным для поэта, призванного раскрыть процессы духовного раскрепощения широких народных масс в условиях, когда совершалась резкая поляризация противоположных социальных лагерей, когда сплочение сил трудового народа с исторической неизбежностью должно было склонить чашу весов в социальной борьбе на сторону трудящихся масс. Проблема эта затрагивалась уже в первоначальный период творчества Я. Купалы, отмеченный утверждением права простых тружеников людьми называться. Выражение Купалой крепнущего чувства собственного достоинства и человеческой гордости белорусского крестьянина-труженика, осознающего единство с другими людьми труда, общность их коренных социальных интересов — все это непосредственно относилось к той гамме духовного самочувствия, которая являлась необходимым составным слагаемым нового, свободного внутреннего состояния человека труда в условиях действительности того времени.

Первоначально у Купалы акцент делался на внешне-конкретных деятельных проявлениях возросшей социальной активности человека труда, что в целом соответствовало обстоятельствам обострения

классовой борьбы, революционного взрыва 1905—1907 гг. Вместе с тем уже тогда наблюдалась сугубо романтическая тенденция к утверждению человека труда как существа свободного — свободного по своей истинной человеческой природе, по своему вольному, непокорному духу. Идея свободного человека рождалась на основе типично романтического противопоставления идеального (свободного) реальному (подчиненному, рабскому), на почве резкого неприятия униженного и зависимого реального положения крестьянина-труженика в условиях тогдашней действительности. Очерчивание глубины пропасти между идеалом и реальностью покоилось у Купалы на прочных социальных и духовных основаниях, призванных способствовать возрастанию практической и внутренней активности человека труда, осознанию им своего высокого человеческого и исторического предназначения. Абстрактно-метафизический момент апелляции к человеческой природе (из которой также выводился революционными демократами принцип уравнительного равенства) служил, однако, достаточно определенным социальным целям, был формой обоснования права людей труда на свободную жизнь. Причем обращение к природе человека стало связываться у Купалы с принципом духовности, что раздвигало рамки преобладающей прежде этически-конкретной однопорядковости человеческого и земельного-природного с неизбежными чертами вещиности, телесности в пошмании человека, открывая тем самым новые возможности постижения внутреннего содержания образа человека труда.

Купаловская противоположность идеального и реального являлась противоположностью эстетически-содержательного и художественно-выразительного порядка, приводящей к образованию своей оценочной шкалы (на основе дилеммы свободное — рабское), но в общем стремящейся к согласованию с этической целостностью восприятия жизненных отношений и бытия вообще, характерной для всех белорусских революционных демократов. Такое согласование не всегда оказывалось у Купалы гармоничным, но тенденция к нему являлась в высшей степени типической, а тем самым и трактовка идеального, духовного несла отпечаток конкретных целей и устремлений той социальной общности, от имени которой выступал поэт. Поэтому само понимание духовного Купалой не может быть раскрыто, например, в плане уяснения качественного различия духовного и материального, взятых как категории предельно широкого, философского порядка. Известный оттенок утилитаризма в подходе к духовным явлениям всегда был присущ белорусским революционным демократам, в том числе и Купале. Как уже отмечалось, духовность как таковая неизменно связывалась у Купалы с раскрепощающим, освобождающим началом, оказывалась противоположностью рабству, унижению, т. е. несла отчетливый социальный (и нравственный) оттенок. Духовное и свободное — это и было у Купалы тем руслом единства, которое призвано было в равной мере принадлежать

и миру идеального и самой реальности, преобразовавшей в новое, свободное состояние.

Осознание недостаточности опоры на сугубо конкретные, утилитарные факторы для оформления действенных идеальных представлений, призванных стать мощным стимулом устремленности к будущей свободной жизни трудового народа, приводит к включению в идеальный образный ряд знания, духовности; знание есть такая же необходимая предпосылка достижения свободы, как и наличие деятельных начал. Знание соединяется у Купалы с наукой, искусством, но само понятие знания предполагает прежде всего знание конкретных путей освобождения народа.

В соответствии с этим черты духовности человека оказывались производными от принципа осознания сущности свободы как высшей идеальной закономерности самой действительности и внутреннего мира человека. Тем самым Купала сохранял общие черты эпически-целостного взгляда, устремленного к постижению органического единства окружающей реальности и человека. Однако сохранение общих черт целостного взгляда соседствовало с существовавшей трансформацией самих содержательных форм его проявления. Так, если в «Адвечнай песне» герой, по сути, не выходит за пределы земельно-природной, вечно-предметной взаимосвязи с окружающим, т. е. принцип единства фиксируется преимущественно на вещно-конкретном уровне (что и есть, собственно, эпический уровень), то в купаловском романтизме эта взаимосвязь утверждалась на высшей, идеальной основе — на основе идеи свободы. А это значит, что свобода как категория социально-экономического и политического порядка и свобода как категории внутренне-содержательная, становящаяся основой характеристики человека как такового, обнаруживали неразрывную, органическую связь. Поэтому и идея свободы человека в романтической лирике несла широкое содержание, которое ни в коей мере не может быть сведено к индивидуально-личностному, сугубо субъективному миру. Ведь речь идет о герое, который выступает духовным представителем трудового народа.

Типичная для всех белорусских революционных демократов трактовка общности, народа посредством обобщенно-конкретного, единичного, проявляющаяся в тенденции к изображению человека как выразителя всенародных потребностей и интересов, обогатилась у Купалы новым содержанием. Широта самого принципа представительства у Купалы, дополнившего социальную определенность образа человека труда идеальным, духовным измерением, свидетельствовала о качественно новом шаге в выделении героя из окружающей его среды крестьянского уклада жизни. Это очень существенный момент, момент романтического укрупнения образа человека в лирике Купалы, адекватный — в идейно-художественном отношении — трактовке революционными демократами трудового народа как субъекта исторической жизни.

Выделение героя из среды не означало отдаления от привычного окружения, а только свидетельствовало о его возросшей суверенности, человеческой самостоятельности как таковой. Черты духовности человека труда, определявшиеся приобщенностью к идее (состоянию) свободы, оказывались неравнозначными личностному, индивидуальному началу, неповторимой развитой субъективности. Духовная характеристика человека имеет у Купалы преимущественно социально-правдивую окраску; духовное, личностное, человеческое сливаются воедино, противопоставляясь бездуховности как состоянию подчиненности, рабства. Высшее, духовное, истинное в человеке, согласно Я. Купале, — это непримиримость к рабству, подчиненности, неугасяемая жажда свободы и готовность к борьбе и любым испытаниям во имя ее. Поэтому становление человека как такового есть постоянная борьба против всяческих форм угнетения и порабощения. Проблема свободы человека заняла важное место в купаловской лирике, находилась в неразрывной связи с чертами героизации и возвышения человека труда.

Пристальное внимание Я. Купалы к проблеме человека обусловлено своеобразием исторического этапа формирования социального и национального самосознания трудового белорусского народа в последнее предоктябрьское десятилетие. Во-первых, выяснение истоков и границ индивидуальных возможностей, личной активности человека труда становилось для революционных демократов важным показателем общего уровня развития народного самосознания. Во-вторых, обнаружилась сложность отношения в самой народной среде различных социальных слоев, отличающихся разным уровнем развития классового и национального самосознания. В этом отношении позиция передового человека из народа, отличающегося высокой степенью практически-деятельной и внутренней, духовной активности, заслуживала особого внимания. Черты именно такой позиции присущи герою романтической лирики Я. Купалы.

Утверждение в романтической лирике Купалы безграничной свободы человеческого духа, приравняемого к солнцу, звездам, являлось идеальным предвещанием будущей реальной свободы человека труда, несло в себе пафос негибкой, страстной устремленности к свободному будущему, было овеяно глубокой убежденностью в осуществлении идеала величия народа и человека труда. На противоположности идеального и реально существующего, на их столкновении как раз и возникали различные линии в романтической интерпретации идеи свободного человека — идеализирующая и трагедийно-конфликтная. Если атмосфера высокого идеального содержания оказывалась несовместимой с царящей в действительности «жизненной тиной» и «земляной глушью», то для самого факта возникновения возвышенных, свободолобивых устремлений нужно преодолеть принижающую зависимость от существующих порядков и установлений: «К зорам агністым, к прыволлю нябеснаму, вырваўшы з ці-

ны жыццёвай душу, мчыся, не дайся цярпенню балеснаму, горда пакінь земляную глушу!»²⁶ Но как же совместить свободу духа с тем горем, которое царит вокруг, каковы возможности и пути реального воплощения высоких идеальных побуждений, как разрешить (а не просто сформулировать) противоположность: «як вецер, свабодны мой дух, хоць гора цягаю ланцуг»²⁷.

Моменты сугубо духовной исключительности героя, когда он выступал иногда, по сути, едиполичным посетителем свободолюбивых, освободительных устремлений, возникавшие в романтической атмосфере купаловской лирики и обусловленные особым положением личности в этом роде литературы, неизменно находили свое согласование с всенародной общностью. Потребность такого согласования естественно вытекала из общей направленности идейно-творческих интересов Купалы, а также опиралась на реальные взаимоотношения различных жанровых сфер его творчества. Идея свободного человека, первоначально оформившаяся в лирике и получившая в ней высокое идеальное звучание, была значительным идейно-творческим достижением Я. Купалы. Вместе с тем если для лирики достаточно достоверности внутренне-психологического порядка, если существенные характеристики героя могут образовываться энергией напряженного противопоставления существующему, то наличие в купаловском творчестве эпически-целостных начал предполагало осуществление более осязаемого уровня достоверности в воссоздании героя, чем это возможно в лирике. Поэмы Купалы как раз и явились формами достижения более реально-осязаемого, — обусловленного необходимостью воссоздания обстоятельств конфликтной ситуации, моментов взаимосвязи героя и окружения, — уровня достоверности найденных в лирике внутренних состояний, были дальнейшим, с одной стороны, идеально-обобщающим, а с другой, проблемным, рационалистическим и жизненно более отчетливым развитием этих новых содержательных аспектов темы человека и сопряжением их со всем кругом проблем всенародной жизни. Так, идея свободы человека осознается в купаловской поэме «Курган» как идея могущества не знающего оков народного духа.

Поэма «Курган» знаменовала собою важный этап идейно-творческого развития Я. Купалы в дооктябрьский период, этап утверждения героики народного духа, смело и бескомпромиссно выступающего против враждебных народу начал. В соответствии с духом этой ведущей идеи центральный поэмно-романтический образ впервые был представлен в возвышенно-героической обрисовке. Момент героизации и романтического восславления образа народного песнира обуславливался органическим единством с всенародной общностью, представителем которой он являлся, непокоримый могучий дух кото-

²⁶ Янка Купала. Збор твораў, т. 2, с. 239.

²⁷ Там же, с. 233.

рой он выражал и воспевал. Сила князя, представителя враждебных трудовому пароду сил, сил бесчеловечности и жестокости, подчинивших себе все окружающее («белы хорам стаяў, недаступай сцяной грозна, думна глядзеў на прыволле»²⁸), наглядно иллюстрируемая, казалась бы, полной покорностью прилепившейся возле княжеского замка деревни («у нагах у яго расцілаўся абшар хвоек гонкіх і пахані чорнай, сонных вёсак шары, хат амналых, як мар, хат з сям'ёй душ падданных, пакорных»²⁹), — эта намеченная уже во вступлении ситуация неожиданно оборачивается раскрытием бессилия князя перед силою народного духа, гуманистического в своей устремленности и неподвластного ничьей чужой воле.

В рамках конфликтной ситуации между народным певцом и князем утверждение духовной силы трудового народа связывается с прославлением того раскрепощающего пачала, которое несет поэзия, одухотворенная идеей всенародной свободы. Ведь именно поэзию Купала — в соответствии со своей эстетической концепцией бытия — считал важнейшей формой духовно-творческой активности трудового народа, а в поэте видел носителя, субъекта ее. Поэтому и романтически-обобщенный образ народного гуслира в поэме «Курган» в проблемном, содержательном отношении является выразителем как идеи могущества неуничтожимого народного духа, так и романтической идеи бессмертия поэзии, поэтикающей на народной основе.

Конфликт социального порядка получает глубокую, художественно-выразительную интерпретацию в нравственно-гуманистическом аспекте, в плане столкновения жестокости и бесчеловечности мира угнетения и подлинно человеческих, идеальных, свободолюбивых народных устремлений. Социальное звучание ведущего конфликта подкрепилось и обогатилось широтой и многозначностью его романтического истолкования. Выявилась подлинная сущность представителей различных социальных лагерей, принципиальное различие противоположных жизненно-нравственных ориентаций. Если сила и мужество народного певца покоятся на гуманистических ценностях трудовой народной среды, на той народной правде, в основе которой лежит устремленность к свободной жизни и которая попирается всеми существующими в буржуазно-помещичьей действительности установлениями, то сила князя оказывается производной от принципа хищнической власти над людьми, принципа жестокости и бесчеловечности.

Поэт стремится очертить пределы власти князя, властелина тьмы и подвалов, палача земли. Сила князя основана на безграничной возможности карать, уничтожать тех, кто противится его воле, а также подкрепляется могуществом денег, которыми одариваются покорные. И то, и другое губительно для человека: если в первом случае

²⁸ Янка Купала. Збор твораў, т. 2, с. 358.

²⁹ Там же.

отнимается жизнь, то во втором плата за покорность означает отказ от подлинной человечности, несовместимой с подчиненностью, рабством. В ответ на требование князя петь «пад мысль», для «уцехі гаспямаў» гуслиар отвечает: «Не дае гуслиарам сказу золата цвет, белых хорамаў п'яныя шумы. Скурганіў бы душу чырвонцам тваім я...»³⁰ Бесчисленные курганы над могилами и окаменевшие человеческие души — это и есть результат жестокого господства враждебных трудовому народу сил. Но влияние князя тьмы, его власть не распространяется на свободный народный дух, который в плане романтического противопоставления низа и верха, мрака и свободы оказывается родственным небу, солнцу, звездам. «Небу справу здае сэрца, думка мая, сонцу, зорам, арлам толькі роўна»³¹. А потому и князь не властен над духом народным: «Сілец, княжа, караць, галаву сілеці зняць, — не скуеш толькі дум лапцугамі»³². Прославление героики человеческого духа, бесстрашия и бескомпромиссности в отстаивании коренных устремлений народной общности было овеяно в купаловской поэме пафосом устремленности к новой форме единства людей труда, единства людей истинных — свободных.

Воспевание человеческого духа, непокорного и бесстрашного, было неразрывно связано в поэме «Курган» с трагическими мотивами. Свободный и непокорный человеческий дух утверждался в поэме вопреки существующим порядкам как залог светлого будущего людей труда, однако реальность настоящего выступала тем препятствием, решительное преодоление которого только и открывало путь к новой жизни. Существование именно такой реальности обуславливало наличие трагических мотивов. Энергия высокого идеального восславления неизбежно должна была трансформироваться в линию дальнейшего, более глубокого выяснения существа противостоящих народу сил, что на новом уровне — в плане поиска путей преодоления трагических обстоятельств народной жизни в тех исторических условиях — ставило проблему активности человека труда, отношения свободы одного и свободы всех, народа. Этой проблематике и посвящена драматическая поэма Купалы «Соп на кургане», в напряженной трагической коллизии показавшая противоборство человека труда с противостоящим ему аппаратом насилия и угнетения буржуазно-помещичьего общества.

Вдохновленный мечтой о всенародной свободе главный герой поэмы Сам, в облике которого явственны черты исключительности, вступает в противоборство с силами, стоящими на охране существующего порядка вещей, призванного освящать угнетение и унижение людей труда. Конфликт человека труда с существующими социальными порядками раскрывается в рамках обобщенно-романтической

³⁰ Янка Купала. Збор твораў, т. 2, с. 361.

³¹ Там же.

³² Там же.

образности. Сам борется с Черным и его помощниками (видмами), символизирующими различные общественные законы и установления того времени. Он пытается проникнуть в замок, охраняемый Черным и видмами, чтобы добыть клад — ценности, созданные трудовым народом на протяжении многовековой истории и украденные у него. Этот клад «сотні лет і сотні плечаў, з сотні шў... тут клалі»³³; вернуть богатства народу — высшая цель Сама. И вновь-таки, как и в «Адвечнай песне», проблема действия, активности человека разворачивается в плане испытания его силы и мужества. Центральный конфликт получает выразительную нравственно-гуманистическую окраску: на одном полюсе оказываются свобода и человечность, на другом — рабство и жестокость.

Борьба против жестокости буржуазно-помещичьих социальных порядков, призванных превращать в среде трудового народа всех и каждого в жалкое безликое и покорное существо, оказывается борьбой за свободного человека, в полную меру ощущающего чувство собственного достоинства, гордого, смелого и бескомпромиссного. Но действие, напряжение борьбы, реализация труднодостижимой практической цели неразрывно связаны с духовными и психологическими потенциями человека, с его внутренней убежденностью и силой, определяющей саму возможность действия. В чем источники силы человека, каков путь от припущенности и покорности к борьбе и свободе, где пролегает грань между рабом и человеком свободным, истинным, и что определяет возможность прохождения этой грани — эти вопросы ставились Я. Купалой с поразительной остротой.

Для купаловского героя бесспорным является тот факт, что победить Черного и его прислужников можно только силой. Апофеоз силы, практического действия и негибкой стойкости в борьбе пронизывает всю купаловскую поэму, трагическое звучание которой возникает как осознание невозможности именно в данных конкретно-исторических обстоятельствах («Соц на кургане» написан в 1910 г.) склонить чашу весов в социальной битве на сторону трудового народа. В этих условиях оказывались весьма важными непрекращающиеся напряженные поиски путей выхода из трагических противоречий, присущих действительности того времени, изображение крепнущей мощи народа и человека труда. Сам, пытающийся прорваться в замок, действует открыто агрессивно. В своих неоднократных попытках преодолеть силу Черного — а эти попытки есть испытание силы героя — Сам обнаруживает стойкость, бесстрашие и мужество, но сила его оказывается пока еще недостаточной. «Сілы, больш сілы, ах, каб цябе мор!»³⁴ — кричит Сам.

Граница действительности, силы героя находится в прямой зависимости от степени преодоления губительной власти Черного и его при-

³³ Янка Купалаў *Збор твораў*, т. 4, с. 71.

³⁴ Там же, с. 64.

служников. Ведь Черный исповедует принцип безграничной власти над людьми труда, разрушительные последствия которой ведут к деградации человека как такового, принцип, в корне противоположный свободе человека как его истинному состоянию. Тем самым Черный выступает принципиальным противником какого бы то ни было намека на идеальное устремление, предстает универсальным вопиющим антиподом любых проявлений добра и человечности. Этим и обусловлена его точка зрения на человека. Комментируя спадающую волну усилий Сама прорваться к спрятанному в замке кладу, Черный говорит: «Кінь свае думкі, дзяціна. Лепш чэрвем ад рана да рана ляж пад гнілою асінай»³⁵. Купаловская стилистика романтического гротеска хорошо передает суть подхода к человеку и оценки его с позиции принципиального неприятия и последовательного подавления всяких идеальных устремлений.

Основная цель Черного совершенно четко сформулирована в словах, семь раз, как заклинание, повторенных «видмами»: воспитывать, укоренять покорность, отравлять людей бессилием и неверием в собственные возможности, т. е. низводить на грань нечеловеческого существования. «Сядзьце роўна і пакорна... Дум згасіце ўсе праявы... Як пылінкі — так забыты, як атопкі — так прыбіты... Затуманьце ўсе парывы... Усе жыцця здушыце з'явы... Цемра тут закон і права!»³⁶ Быть человеку или не быть — именно так стоит вопрос, ибо в условиях повсеместного господства системы угнетения и подавления народа все направлено на уничтожение подлинно человеческого в людях, прежде всего их стремления к свободе. Исполненное глубокого трагизма восклицание Сама: «Тут, там нам праўда не знана — хто мы: звярмі ці людзьмі?»³⁷ вырывается нестерпимой болью за униженного человека, мучительным ощущением принципиальной несоединимости высокого стремления всемерно содействовать благу людей труда с реальными обстоятельствами буржуазно-помещичьей действительности.

Наследуя и развивая революционно-демократические гуманистические традиции предшественников, Я. Купала в драматической поэме «Сон на кургане» разоблачал буржуазно-помещичьи социальные порядки как порядки антигуманные и бесчеловечные, основания которых лишены каких-либо нравственных постулатов, не имеют ничего общего с подлинными гуманистическими ценностями — ценностями жизни, труда, свободы. Купала стремился постичь сам механизм подчинения и подавления трудового народа; он показывал, что если лишить человека нормальных условий жизни, унижить, вырвав чувство собственного достоинства, т. е. если низвести его к состоянию постоянного ощущения своего бессилия перед лицом существующе-

³⁵ Янка Купала. Збор твораў, т. 4, с. 66.

³⁶ Там же, с. 76, 77, 78, 80.

³⁷ Там же, с. 131.

го порядка вещей, то тогда возникает опасность превращения человека в совершенно пассивный объект послушания, а именно в этом и заинтересованы Черный и его помощники. При этом Купалу интересуют мера силы человека, факторы, обуславливающие его способность преодолеть растлевающее влияние враждебной социальной среды.

Я. Купала не закрывал глаза на реальное могущество сил, противостоящих трудовому народу. Причем изображение сил, стоящих на пути к свободе народа и человека труда, являлось в драматической поэме «Сон на кургане» двухплановым в содержательном отношении. Во-первых, это было указанием на те преграды — прежде всего разветвленный государственно-административный аппарат подавления эксплуататорского общества, — которые необходимо уничтожить. Во-вторых, изображение этих преград выступало также обозначением тех внутренних препятствий, которые человек должен преодолеть на пути к свободе, победить свой страх перед существующими установлениями, показать высокую меру своей способности к стойкости и мужеству. Все то мрачное и темное в существующем мире, что воплощают видмы, все это Сам должен преодолеть силой — как препятствие внешнее и одновременно внутреннее, ибо каждая видма стремится задугать Сама, лишит его мужества и воли к действию.

Романтическое укрупнение образа героя и черты исключительности в его трактовке создавали специфическую конфликтную ситуацию, в которой Сам выступал против многообразных порождений буржуазно-помещичьей действительности. Именно такая ситуация и позволяла выявить истинную меру силы и стойкости человека труда, показать степень его самостоятельности, суверенности. Заострение этой ситуации в отдельные моменты противоборства Сама с Черным оборачивается резкими филиппиками героя против ожидания помощи с чьей бы то ни было стороны. «К богу звярнуся — маўчыць пема бог, спелючы ў пекле прылаўкі»³⁸. В данном случае существенно беспощадное высмеивание каких бы то ни было упований на милость, которая якобы может спизойти с неба. Но Сам этим не ограничивается; с не меньшим сарказмом обращается он и к людям: «Людзі!.. Што людзі? Ці ёсць дзе між іх годны адзін хоць у людзі: мутнасцю, трупам нясе ад усіх, пошасцей поўныя грудзі»³⁹. И здесь все оценки строятся на основе реальной диалектики активности и консерватизма, непокорности и смирения. Надежда на других — когда речь идет о свободе — всегда иллюзорна; иллюзорна в силу того, что избавляет человека от субъективной необходимости выбора пути и действий и избранном направлении, обрекая на пассивность, из которой нет выхода. Это чрезвычайно близко по смыслу к купаловскому стихотворению «А ты, браце, спі», в котором с горечью

³⁸ Янка Купала. Збор твораў, т. 4, с. 64.

³⁹ Там же.

звучали слова: спи, брат, спи в то время, как другие добывают себе свободу, спи и надейся, что счастье само придет.

Лишь активность всего трудового народа, активность всех, как активность каждого, способна сделать людей труда свободными. Таким образом, возможность освобождения трудового народа ставится Купалой в зависимость от борьбы всех людей труда за условия жизни, достойные человека. Апофеоз активности, прославления силы в «Сне на кургане» неотрывен от желания Купалы утвердить тот факт, что лишь активность, борьба способна униженного превратить в свободного, раба — в человека. Путь от раба к человеку — это и есть путь борьбы, пживавши покорности и страха перед существующим. И Купала, говоря о бессмысленности упования на нечто постороннее — на бога, других людей, стремился пробудить в каждом человеке те начала действенности, которые способны направить его по пути в будущее. Каждый может и должен стать свободным. Свободу нельзя получить извне, от других, ибо свобода для Купалы не только объективно-конкретное будущее состояние бытия народной общности, но и рождение свободного человека, т. е. человека нового мировосприятия. Рассматривая проблему свободы трудового народа сквозь призму свободы человека, Купала показывал, что наступление новой жизни зависит от того, насколько каждый сумеет вытравить из себя раба, ощутить свое достоинство и активно бороться за свои осознанные человеческие права.

Идея активности каждого человека труда, его формирования по пути непокорности и бунтарства как необходимого условия приближения свободы покоилась на признании того факта, что лишь широта, повсеместность однородных процессов способны привести к изменению состояния общности. В этом ощущении, конечно, отголосок присущей белорусским революционным демократам уравнительности в понимании процессов раскрепощения трудового народа; в небольшой степени уравнительность связывается у Купалы с отменкой обязательности и даже поформативности. Тем не менее в идее активности каждого исключительность, присущая главному герою, находила свое гармоническое согласование с насущными потребностями всей народной жизни. Черты возвышения главного героя (кстати говоря, неразрывно связанные с его исключительностью) органически согласовались с новым идеалом человека у Купалы, человека-борца. Идеал этот не в последнюю очередь вырастал на энергии противопоставления косным, неподвижным, рабским проявлениям действительности. Ведь формирование идеального начала в эстетике Купалы вело к утверждению иерархической оценочной шкалы; противоположность свободы несвободе, устремленность к будущему и борьба за него определяли специфический характер оценок и в отношении к народной жизни (что вело к более четкой дифференциации разных ее сторон), и в отношении к отдельному человеку. Поэтому исключительность купаловского романтического героя была призвана на-

и более полно вместить идеальные черты будущего свободного состояния человека труда. Суть этой исключительности именно в указании того определенно очерченного идеала, которого необходимо достичь каждому человеку труда, а не в индивидуалистическом возвышении над другими людьми (такое возвышение связывалось Купалой с принципом власти, противоположным свободе, ибо власть предполагает возвышение одного за счет подавления других и есть одна из важнейших характеристик состояния буржуазно-помещичьей действительности).

Диалектика идеального и реального в аспекте содержательности купаловского героя как раз и оказывалась фиксацией качественного различия между человеком свободным и человеком подневольным, указавшем на то, что переход от подневольного состояния к состоянию свободы представляет собой кардинальный шаг духовного развития. Стремясь показать ту грань, которая отделяет раба от человека свободного, раскрыть подлинную сущность человека, Купала утверждал — как центральный в определении истинного человека — принцип свободы в качестве принципа мировоззренческого и одновременно принципа жизненно-практического. В целом момент однородного единства духовной и практической позиции человека связан с чертами утилитаризма революционно-демократической идеологии, но Купала стремился преодолеть сугубо конкретную однозначность этого утилитаризма. Принцип свободы — в антропологическом аспекте — призван был обрисовать новый тип понимания окружающего (покоящийся на последовательном неприятии существующих общественных установлений и связанный с оформлением идеальных представлений о будущей свободной жизни) и реально-практического, действенного отношения к социальным порядкам того времени. Так Купала выходил за рамки сугубо утилитарно-конкретного понимания свободы в плане достижения насущных социально-экономических требований трудового крестьянства, пытался обрисовать состояние свободы в качестве определенной мировоззренческой позиции человека труда. Эта позиция включает результаты процесса развития внутренней активности человека труда — рождение чувства непокорности, стремления к борьбе и свободе, суммирует реальные итоги внутреннего раскрепощения, находящего органическое выражение в практически-деятельных формах, в активности борьбы с существующими социальными порядками.

Последовательно отвергая какое бы то ни было индивидуалистическое возвышение человека, которое, как правило, покоится на нарушении центрального для белорусских революционных демократов принципа «общего блага», Я. Купала подчеркивал невозможность изоляции человека от реальных обстоятельств действительности. Специфическая художественно-драматическая форма, избранная Я. Купалой, позволяла в предельно заостренной ситуации выявить подлинную сложность взаимосвязи человека труда и окружающей его сре-

ды, поставить проблему отношения свободы одного и свободы всех, народа. С особой наглядностью эта проблема раскрывалась в третьей части драматической поэмы «Сон на кургане», где Сама, мечтающего о счастье всего трудового народа и борющегося за него, крестьяне обвиняют в поджоге деревни, устраивают над ним скорый и неправый суд, а затем отдают в руки пристава. Именно эта сугубо «испытательная» ситуация, в которой герой, который мыслит и действует как свободный человек, сталкивается с реальностью существования народной жизни в условиях буржуазно-помещичьей действительности,— эта ситуация как раз показывала, что свобода одного, пусть даже исключительного, оказывается иллюзорной перед повсеместной несвободой трудового народа.

Трагическое звучание драматической поэмы «Сон на кургане» определялось тем, что уровень действительности и самосознания, до которого поднялся главный герой, еще не стал постоянным жизненным уровнем всех людей труда. Озабоченность всеобщим состоянием народной жизни, ее нынешним несоответствием идеальной устремленности к будущему, которую нес в себе главный герой, определила ведущую тональность купаловского произведения. Эта неразрешимая пока коллизия осознавалась в пределах романтического типа образности: столкновение идеи свободы с реальностью оборачивалось трагедией.

Мера исключительности героя — такого, каким он представал в купаловском романтизме,— определялась не индивидуалистическим самовозвышением, а постоянно связывалась со всенародными интересами и потребностями. Однако определяющее исходной оценочной позицией противопоставление идеального и реального иногда получало заостренное выражение в аспекте отношения героя и окружающей его среды. Нетерпимость и предельная категоричность Сама, оправданные в плане утверждения самой идеи свободы человека труда, не были лишены вместе с тем оттенка абстрактности, а потому обнаруживали черты несовпадения с логикой реальных процессов, происходящих в народной жизни. Действие героя, упорное и мужественное, пафос которого был вдохновлен романтической идеей человека как существа свободного, безграничного в своих устремлениях, разбивается о неприступность замка, где спрятаны народные богатства. Это главная, но не единственная преграда на пути к новой жизни. Я. Купала сталкивает Сама также с пассивностью, коспостью наиболее остальных слоев в среде трудового народа, и здесь его гневное отрицание за теми, кто смирился с существующим порядком вещей, права называться людьми всецело оправдано. Но круг несвободы оставался неразомкнутым.

В «Сне на кургане» был поставлен ряд важных вопросов: отношение свободы одного и свободы всех, народа; свобода осознавалась как духовная, мировоззренческая проблема; утверждалась необходимость активности всех людей труда как путь к всенародному осво-

бождепию. Однако решение этих вопросов выдвигало новую проблему — проблему нахождения той конкретной формы жизненного поведения, которую может и должен воспринять этот новый купаловский герой. А для этого необходимо было преодолеть трагизм ситуации абсолютного столкновения героя и среды, сохранив при этом результаты его предшествующего духовного развития. Небольшое драматическое произведение Я. Купалы «На папасе» фиксировало существенный сдвиг в этом направлении.

Позиция духовного представительства трудового белорусского народа, до которой поднялся купаловский романтический герой, была позицией постоянного внутреннего напряжения. Процесс поиска разрешения проблемных коллизий, нахождения ответа на насущные требования народной жизни неизбежно вел к постоянному увеличению меры его нравственной ответственности за предлагаемые решения. Так закономерно возникало у героя ощущение своей исключительности, которая, как было отмечено ранее, ни в коей мере не несла индивидуалистического оттенка. Это, однако, не означало отсутствия сложностей и противоречий процесса внутреннего развития героя. Осознание им психологических черт позиции духовного представительства опиралось на открытие своей суверенности и неповторимости, являвшееся необходимым моментом самоутверждения. Показательно в этом плане более позднее купаловское стихотворение «Маё цярпенне»: «Маё цярпенне, мой крываваы боль — што значыць перад мукамі мільёнаў... І веру я, што я нішто ў быцці — іпачай думаць не дае сумленне,— аднак, чаму ж здаецца мне пязменне, што меж майму цярпенню не знайсці, што так вяліка мне яно ў жыцці, як мільёнаў разам ўсіх цярпенне!»⁴⁰ В то же время высшей целью этого индивидуального утверждения было благо всего трудового народа.

Стойкость и пафос героя, вдохновленного в своей деятельности высокой целью, должны опираться на движения самой народной массы. И если в драматической поэме «Сон на кургане» Сам в исключительном, предельном напряжении пытался свою силу и свой пафос устремленности к будущему противопоставить всему существующему, то в «На папасе» вновь, как и в лирике 1905—1907 гг., звучит идея пробуждения народа к борьбе.

Незнакомый из поэмно-драматической зарисовки «На папасе» ходит среди простых людей труда, несет песню о беде и горестях народа, песню о Левоне, погибшем в бою за общую, народную правду; в этой песне звучит надежда на светлое будущее; напоминание об отгремевшей революционной буре связывается с верой в новый подъем активности народных масс: «Яшчэ ўстане Лявон — гэі, Лявонь у нас не пазводзяцца»⁴¹. Момент исключительности в обрисовке образа Незнакомого по сути определяется его высокой человеческой

⁴⁰ Янка Купала. Збор твораў, т. 3, с. 275.

⁴¹ Янка Купала. Збор твораў, т. 4, с. 143.

истиностью, приобщенностью к идее (и состоянию) свободы, которая есть пока еще только его внутреннее состояние, противоположное реальному состоянию действительности того времени. В этом плане Незнакомый — непосредственный преемник Сама из «Сна на кургане». Но если Сам не пошел дальше предельно расширительного, абстрактного утверждения коренного, принципиального отличия состояния свободы от положения народной жизни в условиях господства буржуазно-помещичьих социальных порядков, то Незнакомый ищет форму действенного одухотворения-революционизирования (ибо духовность для Купалы производна от степени приближения свободы, от уровня раскрепощения народа и человека труда) широких трудящихся масс.

Ощущение органического родства с трудовым народом, потребность активной деятельности во имя будущей свободной жизни — весьма примечательные черты купаловского героя. В отношении к крестьянам Незнакомый выступает как «будитель», как человек, несущий идею всенародной свободы и борьбы. «Заўсёды ё ў мяне свято»⁴², — говорит Незнакомый, разжигая костер, и эта прозрачная символика указывает на ведущую тональность образа. Вместе с тем Незнакомый предстает не только в общении с крестьянами, но и во внутреннем, психологическом измерении; нам приоткрываются интимные духовные проблемы человека, понявшего свое подлинное предназначение. «Як страшна збуджаным хадзіці між наспаў, зломаных крыжоў! У мокры пень агонь красіці, склікаць аплучаных дружкаў»⁴³. Открывается трагизм его внутреннего состояния, рожденный трудностями отыскания путей воплощения идеальных устремлений и усиленный максимализмом и категоричностью развивающейся пидвидуальности. На фоне этого доминирующего ощущения осознание — в процессе развития купаловского героя — своего пидвидуального отличия от той среды, из которой он вышел, вносит еще одну дисгармоничную ноту во внутренний мир героя. Так обнаруживается известная двойственность образа Незнакомого, различие внутренних и внешних его характеристик. Герой отыскал русло согласования своего поведения с реальными обстоятельствами народной жизни, а это и была в тех условиях форма его действительной связи с общностью, однако дисгармония внутреннего состояния настоятельно требовала своего разрешения, гармонизации с формами жизнедеятельности героя.

СВОБОДА И ЗЕМЛЯ

Обнаружившаяся двойственность купаловского героя определялась его реальной противоречивостью как представителя определенной

⁴² Янка Купала. Збор твораў, т. 4, с. 141.

⁴³ Там же, с. 145.

социальной среды — трудового крестьянства, а также отражала сложность личностного формирования человека.

Ощущающий прочную связь с выдвинувшей его социальной средой, устремленный к будущему, напряженно отыскивая пути осуществления идеала народной свободы, герой сохранял незабываемую веру в высшую истинность, ценность лучших начал трудового крестьянского уклада жизни и быта и выросших на этой основе правдиво-гуманистических представлений; эти ценности противопоставлялись существующим социальным порядкам и господствующим нормам морали как ущербным и бесчеловечным. Идеал всенародной свободы, за который боролся купаловский герой, имел глубокое историческое оправдание, был овеян высоким гуманистическим пафосом. Вместе с тем сама общественно-политическая программа белорусских революционных демократов, весьма конкретная в социальной критике, в решительном неприятии существующей антинародной буржуазно-помещичьей социальной системы, в призыве к революционной борьбе, в той своей части, которая касалась будущего устройства жизни народных масс, была чрезвычайно абстрактна и расплывчата. Представления о будущем несли выразительный отпечаток идеального крестьянского мира, свободного труда на земле, не знающей эксплуатации и угнетения. Купаловский герой в своем понимании идеального будущего также сохранял черты канонизации крестьянской целостности и самобытности; в той или иной мере это было связано с неприятием всего, что выходит за уровень социальной конкретности и наглядности, с сугубо утилитарно-практическим отношением к окружающему. Естественно, что подобная тенденция внутренне содержала в себе моменты нормативности и неподвижности. Это одна сторона проблемы человека у Купалы.

Другая сторона содержания образа человека связана с результатами процессов его духовного развития, отражавшего рост личностного сознания в среде широких народных масс в эпоху повсеместного развертывания освободительной борьбы всех слоев трудящихся в начале нашего века. Восприняв напряженную оценочную позицию в отношении существующего, купаловский герой (такое его проявление особенно явственно в лирике, «Сне на кургане», «На папасе» и других произведениях) тем самым вступал на почву постоянно развивающейся духовной позиции, позволявшей выдвигать определенные проблемы и решать их (а важнейшими проблемами для него были проблема сущности свободы, отношение свободы народа и свободы человека, проблема сущности человека). Процесс постановки и решения этих проблем вел к совершенствованию и развитию идеальных представлений, к выработке все более гибкой и подвижной позиции в отношении к окружающему. Естественно, что пафос такой напряженной, развивающейся мировоззренческой позиции вступал в противоречие с утопически-консервативными упованиями героя на идеальный крестьянский мир как прообраз будущего устройства об-

щества. Разрешение этого противоречия оказывалось невозможным в пределах революционно-демократической идеологии, хотя следует подчеркнуть особую значимость действенной, революционно-призывной стороны программы белорусских революционных демократов; ведь именно активное участие трудового крестьянства совместно с рабочим классом в социальной борьбе означало на практике выход за пределы «крестьянского мира», становилось первостепенным фактором роста личности в массах.

Отмеченная противоречивость образа человека у Купалы, отражая социальную и мировоззренчески-психологическую двойственность фиксации его в рамках представлений белорусских революционных демократов, в немалой степени была обусловлена противоречивостью самой этой идеологии, призванной дать ответы на сложнейшие общественные проблемы того времени. Утверждение жизненных и нравственных ценностей трудового уклада крестьянского бытия как в силу своей социальной ориентации, так и по своей внутренней тенденции, логике обнаруживало направленность иную, чем та, которой обладало развитие исследовательских, познавательных начал. Купаловский герой вобрал в себя эту противоречивость, известную «разнонаправленность» революционно-демократической идеологии. Поэтому напряженность исследования им проблемных коллизий сменялась идеально-поэтизирующим пафосом в отношении народной жизни; высший уровень внутренней напряженности разрешался приобщением к реальной конкретности существования человека труда, что затем вело к новому подъему.

Становится понятным обращение Я. Купалы после напряженно-конфликтных драматических поэм к той народной стихии, которая запечатлена в комедии «Паўліпка». Это была стихия утверждающего смеха, не чуждая фарсовых элементов, которые иногда приобретали «простонародно»-грубоватый характер. Комическое действие было заключено внутри подчеркнуто содержательно-реальной завязки и драматической концовки, что обеспечивало возможности для свободного развития стихии смеха и не делало ее оторванной от конкретных обстоятельств действительности того времени. Внешняя оболочка комических ситуаций проста и непритязательна, почерпнута из бытовой крестьянской сферы и жизни мелкой шляхты, по сути ничем не отличающейся от простых крестьян. Изображение нелепости порывов мелкой шляхты доказать свое превосходство над крестьянином призвано как раз обнаружить, что подобное стремление является комически-карикатурным, уродующим человека, делающим его нелепым и смешным. Эффект смеха достигался использованьем именно этой ситуации, которая подкреплялась и обогащалась колоритом фарсового характера. Сам факт появления такой народной по духу крестьянской комедии приобретал чрезвычайно важное значение. Комизм стал формой выражения типично народной точки зрения на явления своей, крестьянской среды, обнаружил ту степень внутренней свободы,

которая являлась свидетельством богатства духовных сил человека труда и его непереносимой жизнечности.

Так началось широкое развертывание овеянной высоким поэтическим пафосом народно-восславляющей тенденции купаловского творчества, в основе которой лежала идея жизнесозидающей, творческой активности людей труда. Эта линия развития творчества Купалы дала замечательные образцы мужества, нравственной чистоты и стойкости героя из народа («Бандароўна»), указала вместе с тем, какие необратимые, губительные последствия для человека несет в себе жестокое разрушительное действие («Магіла льва»), и нашла свое блестящее завершение в неповторимых поэтических формах раскрытия творческой активности народа и человека труда, образ которого обрел небывалую эпическую силу и мощь творца всего окружающего мира («Яна і я»).

Крестьянин-труженик выступил творцом всего существующего, подлинным демидургом и центром того круга бытия, который является его естественной и единственно возможной сферой жизни. Созидательная способность человека труда оказывалась созидательностью земельно-природного и крестьянски-жизненного плана и порядка мира. Мир, творимый героем Купалы, предстал миром крестьянским. Этот идеальный мир купаловской поэмы вобрал в себя черты чисто крестьянского понимания свободы как вольного труда на бескрайних просторах земли и в форме художественной реальности стал итогом гармонического постижения лучших начал трудового уклада быта и жизни человека земледельческого труда. Достижение гармонии было осуществлением органического единства земли и человека, свободного от всякого угнетения и унижения, человека вольного, не знающего эгоцентрических побуждений, и вместе с тем богатого той истинно жизненной духовностью, которая делает его, свободного и цельного, полнокровным в восприятии всего существующего на земле.

Свободный человек, за которого боролся Купала,— это человек-труженик, созидатель, постоянно ощущающий свое единство со всеми людьми труда, человек, дом которого — весь мир. Понимание единства человека труда и земли не было лишено эпического начала, развернувшегося в «Яна і я» во вселенски-солнечной широте и воплощающего краски, красоту и величие всей земли. Поэтому и внутренняя содержательность идеального героя-крестьянина оказывалась далекой от рефлексии и психологизма и обнаруживалась как качество, органично присущее ему, чуть ли не телесно-вещественное, бывшее естественным проявлением эпично-гармонического единства солнца (свободы), земли и человека.

Идеальные представления белорусских революционных демократов были пронизаны устремленностью к достижению достаточно простых, обозримо наглядных жизненных форм, органически вписывающихся в естественное земельно-природное окружение и возникающих

на почве крестьянского уклада быта; формы эти выступали прообразом будущего бытия народной общности. Представления об абсолютной самоценности трудового крестьянства были питательной основой процесса идеализации начал его жизни и быта. Исходя и отталкиваясь от конкретных жизненных форм, процесс идеализации предполагал «очищение» конкретности и возведение ее к образцу, норме.

Для белорусских революционных демократов центральным оказывалось удержание в конкретности наиболее существенных начал трудовой крестьянской жизни, краеугольным камнем которой был земледельческий труд. Он осознавался в двойственной функции. Прежде всего процесс труда являлся жизненным, реально-практическим осуществлением этически-вещественного единства человека и земли, формой естественно-органической связи земли и человека: человек — земле, земля — человеку. Во-вторых, труд нес функцию регуляции отношений между людьми, ибо принцип трудовой деятельности выступал основой важнейших нравственных представлений в среде трудового крестьянства; не случайно отношение к труду являлось у белорусских революционных демократов первым критерием истинности человека. Такая универсальная — реально-практическая и одновременно духовно-нравственная — трактовка самого процесса земледельческого труда как фундаментальной основы бытия вообще согласовалась с чертами конкретности и утилитаризма в отношении к окружающему, представавшему в крупно-наглядных, осязаемо-вещественных формах, выступала характерным проявлением мирозерцательной ограниченности пределами представлений определенной социальной среды.

Отмечавшаяся ранее двойственность купаловского героя была вместе с тем фиксацией попытки выйти за рамки таких представлений. В этом отношении особое внимания заслуживает философская лирика Я. Купалы последних предоктябрьских лет, в которой утверждалась необходимость выхода для героя — типичного представителя трудового народа за пределы узкой социально-бытовой сферы жизни, необходимость пробуждения интереса к многообразным сторонам бытия. И если в поэме «Яна і я» энергия порыва к свободе, к будущему, накопленная в системе романтической образности, трансформировалась в энергию идеально-поэтического созидания нового мира, оказывавшегося миром крестьянским, то реализация этой идейно-эстетической задачи предполагала новый этап обращения к напряженному проблемно-драматическим исследовательским коллизиям, в основе которых лежала проблема свободы народа и человека труда, отношение свободы всех и свободы одного. Драма Я. Купалы «Раскіданае гняздо» была произведением, синтезирующим все предшествующие попытки разрешения отмеченных проблем. От поэтизации идеального крестьянского мира Купала вернул к конкретности ощущения трагического состояния народной жизни в условиях буржуазно-помещичьей действительности.

Типичная история простой крестьянской семьи, у которой отбирают хату и тот кусок земли, который кормил ее, определила сюжетное разворачивание купаловской драмы, стала основой воплощения сложной системы идей и образов. В аспекте интересующего нас вопроса особое значение имеет образ Сымона, непримиримого бунтаря и максималиста, непосредственного духовного преемника Сама из «Спа на кургане» и Незнакомого из «На папасе». Именно внутренняя логика раскрытия этого образа и является стержнем, цементирующим содержание всего произведения, которое показывает трагизм народной жизни в условиях дооктябрьской действительности, утверждает неискоренимость народного устремления к свободе и готовности к борьбе.

Внешняя канва драматической коллизии проста — панич хочет присоединить кусок крестьянской земли к своим владениям, а семья, которая живет там, предлагает перейти к нему на службу. И сразу обнаруживается, что проблема, связанная с этой коллизией, не относится к сфере жизненно-экономической, бытовой; здесь нет той безысходности ситуации, перед которой были поставлены миллионы тружеников в условиях буржуазно-помещичьей действительности, лишённые самых необходимых средств существования. Проблема здесь нравственно-духовная — как жить. Отказаться от близкого, родного, крестьянского окружения, от ощущения своей самостоятельности, возникавшей как итог труда на своей земле, пойти на службу к паничу, стать слугой, который делает то, что ему приказывают, т. е. быть человеком свободным (в пределах идеализации представлений крестьянского уклада жизни) или стать слугой, рабом, человеком подневольным, — вот перед каким выбором оказывается Сымон.

Он выступает носителем идеи непокорности и бунта. «І не сыду, і не ўступлю, хай б'юць, рэжуць, катуюць!»⁴⁴ Ибо сойти, покориться означает для него отказаться от своего права на свободу. Работать на других, стать невольником — сама возможность такой ситуации воспринимается героем как унижение человеческого достоинства. В максимализме и категоричности отстаивания Сымоном своего права на свободу отчетлив оттенок утверждения абсолютной несовместимости свободы ни с какими формами зависимости и подчинения человека. Сымон по сути действует и мыслит в соответствии с принципом крайности: или человек или раб, или свободный или червь. Унижение и смирение есть уничтожение человеческого в людях. «Не паніжайся перад дужым дачаснікам, бо ён табе за тваё паніжэнне перад ім вочы заплюе паскуднай сліной, а душу і сэрца тваё змяшае з балотам атопкаў сваіх»⁴⁵. Причем отстаивание Сымоном права на свободу неразрывно связывается в процессе раскрытия этого образа с типично крестьянским пониманием свободы как труда на своей зем-

⁴⁴ Янка Купала. Збор твораў, т. 4, с. 270.

⁴⁵ Там же, с. 273.

ле. Папичу совершенно непонятно упорство Сымона. Но Сымон как типичный крестьянин не мыслит без земли своего существования. «Зямлю ад нас адабралі, хату пашу раскідаюць... Дык што ж мы такія значым на свеце і што пас за жыццё чакае? Без зямлі, без свае хаты чалавек, што шалёны сабака, адна цапа: ні яму прыстання, ні яму скарынкі хлеба, ні яму добрага слова!»⁴⁶ Для Сымона своя земля, своя хата — основа пезависимости, свободы, самой жизни. И отчаянное сопротивление Сымона, его упорство оказывается упорством человека, у которого отнимают не просто возможность иметь кров и хлеб (это как раз и предлагает панич!), а саму возможность жить такой жизнью, для которой Сымон рожден и поэзию которой он чувствует, — это возможность быть хозяином земли, человеком свободным.

Своя земля, своя хата становятся символом воли, свободы, счастья. Бросить все и уйти — это значит перестать быть человеком, превратиться в невольника. Быть человеком или не быть — вот главный источник упорства Сымона. И как для подлинного человека невозможно унижение, так и возвышение над людьми несовместимо с его гуманистическим чувством. Поэтому в ответ на вопрос панича: «Я не ведаю, хто тут пан — я ці ён?» Сымон отвечает: «Ніхто!»⁴⁷. В этом суть всех устремлений Сымона: чтобы не было ни панов, ни слуг, чтобы все были равными.

Сымон ставит вопрос бескомпромиссно — или свободный человек, или раб. Свободный человек никогда, ни при каких обстоятельствах не может склонить голову. Достаточно сделать это один раз, один только раз поддаться слабости — и ты уже раб. И не только ты, но и те, кто вместе с тобою, и те, кто после тебя. Это значит, как говорит Сымон, «запропастицца ў вечное рабство». «Пакарыся! А ці ведаеш..., што гэта значыць ім пакарыцца? Ці хоць дагадваешся? Гэта... значыць: прадаць, утапіць сябе, цябе, нас усіх у няволю ім на векі вечныя — запрапасціцца ў вечнае рабства, з якога выхаду ніколі не знойдзем ні мы, ні тыя, што пасля нас гэта рабства ў спадчыну атрымаюць»⁴⁸. Есть страшный рубеж — рубеж между свободой и рабством. Свободный человек всегда по ту сторону черты, за которой вначале — покорность за кусок хлеба, затем — покорность и смирение духа. Свободный человек должен действовать как свободный; нельзя быть свободным и поступать как раб. Однажды поступившись своей свободой, навсегда превратишься в раба. Сымон презирает «борцов за кусок хлеба», для него превыше всего достоинство, несгибаемость. Он не может просить и унижаться. Но он может взять силой то, что, как он считает, принадлежит ему по праву — по праву человека, работающего на земле.

⁴⁶ Янка Купала. Збор твораў, т. 4, с. 264.

⁴⁷ Там же, с. 281.

⁴⁸ Там же, с. 297.

Купала доводит Сымона до грани, когда у него уже нет ничего — ни земли, ни хаты, ничего, кроме упорства и негибкости, пугающих мать, брата, сестру. «Спаляць... гордасць табе душу і сэрца, у попел абярне»⁴⁹, — эти слова, кажется, стали внутренней реальностью героя. Лишенный всего герой оказался в тупике, как бы незримо прикованный к тому куску земли, на котором родился и вырос. Купала рисует ситуацию чрезвычайно содержательную, призванную выявить как социальную, так и мировоззренческую ограниченность героя, который, несмотря на беспримерное упорство, не смог отстоять свою землю, выступавшую для него реальностью и символом свободы. Именно замкнутость социальных и мировоззренческих горизонтов героя представлениями крестьянского уклада жизни привела его к безысходности. Не случайно, когда Сымон говорит, что будет защищать землю силой, отец спрашивает у него, а где же та сила, которой он будет защищать ту землю, ведь вся сила крестьянина отдана земле; и здесь прочерчивается очевидная параллель с «Адвечнай песняй», раскрывшей трагизм жизненного пути крестьянина-труженика в условиях эксплуататорского общества.

Сымон замкнут в крестьянский мир и сам не может найти выход из этой ситуации. Необходим был новый человек — Незнакомый, который бы внушил Сымону идею всеобщего единства людей труда, идею единства в общей борьбе. Выход на всенародную почву становится преодолением замкнутости Сымона — и социальной, и психологической. Идея «своей земли» в нынешних обстоятельствах бесплодна, ведет к разобщенности людей труда; устремленный на «свое», Сымон потому и терпит поражение, что он один, отстаивает пусть типичные для всех крестьян, но свои интересы. Незнакомый выводит Сымона из заколдованного круга — держаться за землю, фактически за то, чего уже нет. «Думаеш, што гэга ладіна зямлі скрозь дна праваліцца?»⁵⁰ — спрашивает у него Незнакомый. Разрыв этого круга был также разрывом круга абсолютной внутренней, психологической категоричности и максимализма героя, которые породились стремлением резко, раз и навсегда сбросить с себя укоренившиеся на протяжении веков покорность и смирение; категоричность эта чаще всего соседствует со стремлением к разрушению, бунту. Причем особо подчеркивалось, что такая индивидуальная позиция в отношении людей, близких герою, вступает в противоречие с их правом на свободный выбор действий в жизни. «...Зверам глядзіць на ўсё і волі нікому ніякай не дае»⁵¹, — говорит мать о Сымоне.

Выход из этого духовно-психологического состояния героя Я. Купала видит в соединении упорства и внутренней стойкости с гармонически-созидательным началом, с любовью, что и подчеркнуто за-

⁴⁹ Янка Купала. Збор твораў, т. 4, с. 286.

⁵⁰ Там же, с. 301.

⁵¹ Там же, с. 283.

ключительной сценой драмы, когда Сымон, подчиняясь зову Незнакомого, уводит Зосю с собой. Конечно, подобное решение сложной мировоззренчески-психологической ситуации несло абстрактно-гуманистический оттенок. Но важно выявление Купалой того принципиального факта, что отстаивание каждым только своих интересов — пусть даже они и являются символом свободы — не ведет к подлинному освобождению. И это очень существенная поправка к тому пониманию отношения свободы одного и свободы всех, которое было выражено в драматической поэме «Сон на кургане». Нужна широкая общая идея — ее несет в драме «Раскиданое гнездо» Незнакомый — идея социальной и национальной свободы, всего трудового белорусского народа, во имя которой необходимо сражаться вместе всем людям труда. Лишь это способно обогатить бунтарство созидательным началом и вывести таких, как Сымон, на путь к новой жизни.

* * *

С высоты нашего времени и наших насущных общественных задач очевидны мировоззренческая ограниченность идеологии революционного демократизма, историческая обусловленность тенденции к канонизации крестьянской целостности и самобытности. Однако по достоинству должен быть оценен мощный освободительный пафос белорусской революционно-демократической идеологии, неприятие любых форм угнетения и унижения человека, утверждение за ним прав на свободное развитие. Как высший идеальный момент выступает у Янки Купалы выражение страстной жажды гармонических основ человеческого бытия, осознание необходимости практически-действенной и духовно-творческой активности — неотъемлемых условий и элементов истинно человеческого существования. Известный налет абстрактности на важнейших представлениях белорусских революционных демократов, парадоксально сочетающийся с утилитарной наглядностью, не мешает по достоинству оценить широкое гуманистическое значение отстаивавшихся ими нравственных принципов, которые, оберегая человека от самодовлеюще-индивидуалистического пути, делали его открытым и отзывчивым к насущным интересам и потребностям всех других людей, и в первую очередь к интересам всеобщим, народным.

Глава 5

ИДЕЯ МОГУЩЕСТВА
ТРУДОВОГО НАРОДА.
ЯКУБ КОЛАС

Якуб Колас (1882—1956 гг.), как и Янка Купала,— виднейший представитель революционно-демократического направления в общественной и эстетической мысли Белоруссии начала XX в. Его мировоззрение формировалось в условиях острых классовых столкновений 1905—1907 гг. Выходец из среды трудового народа, неразрывными узами связанный с ним, глубоко понимавший его интересы и потребности, Я. Колас в своих поэтических произведениях отобразил процесс роста общественной активности трудящихся масс, выступил как выразитель их насущных социальных и национальных требований. Близость к трудовому народу, постоянная ориентация на трудящиеся массы, на их наиболее революционные слои дали Я. Коласу историческую перспективу, а также определили направление его дальнейшего идейного развития. Знакомство с нелегальной революционной литературой стало важным фактором духовного формирования Я. Коласа, способствовало более глубокому пониманию сущности общественно-политических и социально-экономических противоречий эпохи. Я. Колас становится активным пропагандистом революционных идей среди крестьян. «В 1905 г.,— писал Я. Колас,— я был уже подлинным врагом самодержавия и в этом направлении вел работу»¹.

Глубоко убежденный в значительности силы трудящихся масс, в их историческом предназначении, Я. Колас раскрывает в своем творчестве сущность созидательной деятельности трудового народа, утверждает его как подлинного властителя жизни. Коласовским идеалом стал идеал величия и могущества трудового народа. Борьба за реальное воплощение этого идеала определила содержание всей деятельности белорусского художника слова и мыслителя.

С большой художественной силой разоблачал Колас антинародную сущность существовавших социальных институтов, выявлял историческую обреченность такого общественного устройства, которое основано на угнетении и унижении человека труда и охраняется полицией и войсками, чиновничеством и духовенством. Выражая сокровенные надежды и чаяния трудового народа, его мечту о будущей свободной жизни, о том времени, когда не будет «богачей и панства», Я. Колас утверждал действенный, революционный путь достижения народной свободы, призывал всех трудящихся совместными усилиями сбросить ярмо самодержавных порядков.

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИДЕИ

Творческая деятельность Якуба Коласа была вызвана к жизни революционным подъемом 1905—1907 гг. Колас продолжил плодотвор-

¹ Вялікі пясняр беларускага народа. Зборнік артыкулаў аб жыцці і дзейнасці Якуба Коласа. Мінск, 1959, с. 12.

ную реалистическую тенденцию раскрытия коренных социальных противоречий, изображения бесправного положения трудового народа в условиях буржуазно-помещичьей действительности. Вместе с тем он отобразил новые процессы, происходившие в народной жизни, в сфере социальной психологии, процессы, которые свидетельствовали о развитии социального и национального самосознания трудовых масс белорусского народа, его готовности к борьбе за формы жизни и человеческие взаимоотношения, свободные от эксплуатации и угнетения. Жизнеутверждающие мотивы придали идейной позиции Я. Коласа новые черты, что позволило ему показать духовную красоту человека труда, восславить величие и могучую жизненную силу народа. Дальнейшее развитие тенденции социально-критической в отношении буржуазно-помещичьих социальных порядков, с одной стороны, зарождение и рельефное оформление линии раскрытия и восславления лучших начал народного бытия, поэтизации созидательной силы и могущества трудового народа, с другой, составило основу реалистического искусства Коласа в дооктябрьский период.

Для революционно-демократической идеологии начала нашего века в целом характерно широкое и восторженное развитие как социально-критического, так и идеального начал. Если в деятельности К. Калиновского и Ф. Богусевича получили преимущественное развитие принципы социальной критики, то у Купалы и Коласа непримиримость к буржуазно-помещичьим социальным порядкам, бескомпромиссность разоблачения антинародной сущности этих порядков, их враждебности интересам человека труда сочетались с утверждением созидательной силы и могущества народных масс, прославлением освободительных устремлений трудового народа, лучших начал народной жизни. Купала и Колас были в сущности первооткрывателями высокого идеального содержания народной жизни, основу которого составляла тенденция к социальному и духовному освобождению трудящихся масс. В творчестве Купалы открытие идеального, духовного содержания народной жизни совершалось в романтическом преломлении, обусловившем напряженную оценочную форму осознания происходящих в действительности процессов сквозь призму их соответствия потребностям свободного будущего, интересам борьбы за его приближение. В творчестве Коласа процесс открытия идеального начала в жизни и борьбе трудящихся масс белорусского народа был неотрывен от принципов эпического постижения полноты реального бытия трудового народа во всем богатстве конкретно-зримого развертывания многообразных сторон его жизни и быта, что сочеталось со стремлением к передаче того своеобразного строя представлений, мыслей и чувств, самого характера мировосприятия, которые присущи человеку труда, крестьянину-белорусу.

Тенденция к утверждению широкого целостно-гармонического взгляда на действительность была органически связана у Коласа с последовательным демократизмом его позиции, определявшей народ-

ную жизнь, ее интересы и потребности важнейшим объектом исследования и художественного изображения.

Революционно-демократическая эстетика Коласа впитала в себя лучшие традиции народной культуры, этики, черты национальной психологии и обогатила их новыми социальными и нравственно-гуманистическими принципами, которые были выработаны в условиях острой классовой борьбы в начале нашего века. Отметим важнейшие содержательные моменты этого процесса, определяющие кардинальные черты идейной и эстетической позиции Я. Коласа. Во-первых, необходимо выделить первостепенное утверждение всенародных потребностей и интересов, прежде всего освободительных устремлений; в данном случае существенна специфика проявления принципа общего, всенародного блага, обнаруживавшегося в плане доминанты общего над единичным, включения индивидуального во всеобщее, кристаллизации всякой раздробленности и единичной отсоединенности, органического вовлечения их в широкий могучий поток народной жизни. Во-вторых, следует отметить чуткость Коласа к многокрасочности жизни, к живым, конкретным проявлениям действительности, обостренное восприятие процессов творения самих жизненных форм и соответственно предпочтение художественных форм, имеющих «жизнеподобный» характер. В-третьих, подчеркнем такую особенность — могучий пафос жизненности, вообще характерный для эпического искусства, становится у Коласа пафосом утверждения величия и вечности народной жизни, идеи несокрушимого могущества трудового народа.

Идейный стержень всей революционно-демократической идеологии — проблема народа и проблема его социального освобождения, осмысленные в неразрывной связи. Эти проблемы были в центре внимания Якуба Коласа, стремившегося к осознанию сущности нового этапа в развитии социального и национального самосознания трудового белорусского народа в условиях усиления освободительной борьбы в начале нашего века, к выявлению процессов духовного раскрепощения, совершавшегося как следствие революционизирования широких народных масс. В целом трактовка проблемы народа (а народ для революционных демократов — это прежде всего трудовое крестьянство) покоилась у Коласа на глубокой убежденности в историческом предназначении трудящихся масс, на утверждении могучей созидательной силы народа; изображение бедственного положения трудящихся масс в эксплуататорском обществе соединялось с указанием на революционный путь разрешения непримиримой социальной коллизии между трудовым народом и эксплуататорами. Изображение процессов социального и духовного раскрепощения народных масс оказывалось вместе с тем неразрывно связанным с процессом формирования личности в массах. Это открывает новый круг социально-нравственной проблематики, центр которой составляет отношение общего и единичного, всенародных интересов и потребностей и интере-

сов отдельного человека труда. Для белорусских революционных демократов характерна тенденция выражения всеобщего посредством конкретного; в данном случае имеется в виду принцип представительства, суть которого в том, что человек труда постоянно выступал типичным выразителем всенародных интересов. Следует особо подчеркнуть, что неотрывность проблемы народа от проблемы свободы, от поиска путей социального и национального освобождения трудящихся масс является характерной чертой революционно-демократической идеологии.

Указанные общественно-политические и социально-нравственные проблемы — народ, свобода, человек — не могут быть выяснены в глубоко схематическом «извлечении» из всего того идейно-образного, художественного строя постижения и выражения, в котором они были запечатлены. В этом плане следует подчеркнуть, что в общем строе мировоззрения белорусских революционных демократов эстетическое начало выступало в двойном проявлении — содержательном и формообразующем, дающем по сути выразительную оболочку всему содержанию, в том числе и нравственному. Как пример мировоззренчески-содержательной функции эстетического начала может быть указан принцип представительства человека труда в отношении народной общности, фиксирующий характерный для всех белорусских революционных демократов момент выражения общего посредством конкретного, а это типичный эстетически-выразительный момент. В целом идеально-оценочные представления революционных демократов обнаруживают тенденцию к слитности начал нравственного и эстетического, что по сути определялось характером их общественной позиции. Эстетическая оценка у Ф. Богусевича, Я. Купалы, Я. Коласа, Тётки всегда была отчетливой в своей социальной, классовой определенности, чаще всего выступавшей в социально-нравственном выражении. Это, однако, не означает полной неразличности специфического проявления нравственного и эстетического начал в общей системе мировоззрения белорусских революционных демократов. Как раз раскрытие реальной диалектики отношения этих начал весьма важно, ибо позволяет глубже проникать в строй весьма своеобразных представлений белорусских революционных демократов. У белорусских революционных демократов отношение нравственного и эстетического в целом не является отношением рядоположенности, а подчинено принципу субординации. Так, например, когда заходит речь о сфере идеальных представлений, относящихся к осознанию сущности форм человеческого бытия в будущем, свободном от эксплуатации и угнетения, становится очевидным, что присущая белорусским революционным демократам тенденция к утверждению простых, обозримо-наглядных форм жизни и человеческих отношений была прямым проявлением специфических эстетических предпочтений. Но в свою очередь эти предпочтения коренились в строе представлений, возникших на основе определенного

социального уклада жизни — трудового крестьянства, а потому имели четкое социальное, классовое обоснование.

Отмечавшиеся ранее важнейшие моменты идейно-эстетической позиции Коласа, такие, как (а) принцип общего блага, тенденция ко включению индивидуального во всеобщее, (б) пристальный интерес к живым проявлениям действительности, (в) мощный пафос жизнеспособности, рождающий идею вечности и величия трудового народа, обнаруживают по сути органическое соединение исходных принципов демократической тенденциозности (а это прежде всего утверждение и отстаивание истинности, подлинности тех жизненных начал и нравственных оснований, которые характеризуют бытие трудового народа; причем утверждение и отстаивание это поднимается до высшей формы социальной активности — призыва к борьбе с антинародным социальным устройством) с принципами этически-целостного постижения реальных процессов, сфер и отношений, присущих действительности того времени. Когда речь заходит об утверждении лучших начал народной жизни, следует иметь в виду, что творчество Коласа явилось поразительным по широте, красочности и конкретности художественным открытием народной жизни, отображенной, казалось бы, во всех своих многогранных проявлениях.

Центр коласовской заинтересованности — жизнь, народ, земля, человек, труд, совершенно чуждые всякой абстрактности, воссозданные как необходимые начала и слагаемые бытия, которые обнаруживаются в живой жизненной конкретности, в естественной, природно-натуральной и одновременно социально-нравственной взаимосвязи. Характер коласовской позиции непонятен вне учета своеобразия ведущих представлений жизнепорождения и жизнесозидания, присущих народному эпическому миру, выступавшему для Коласа идеальным аналогом реальности, предвещением и прообразом будущей свободной жизни трудового народа. Эти жизнепорождающие представления, представления о жизнеспособности как таковой, о силе жизни как деятельном начале, которая, несмотря ни на какие препятствия, пробьет себе дорогу, нашли у Коласа широкую интерпретацию, касающуюся существенных сторон понимания и трактовки таких кардинальных проблем, как народ, свобода, человек, труд, красота, а также понимание и обрисовки окружающей человека среды.

Понятие о силе как деятельном атрибуте жизни, как свидетельстве заложенной в жизни энергии, энергии самопорождающейся, внутренней, постоянно проявляющейся, пробивающейся на те дороги, которые предлагаются жизнью и ищущей новых дорог, новых путей, — универсальное, всеохватывающее понятие-представление, типичное для Коласа. Представление это ни в коей мере не носило наивно-натуралистического, «языческого» характера, а являлось приметой специфической исторически обусловленной эстетической формы постижения и отображения реальных процессов духовного раскрепощения и крепнущей силы народных масс, проявления ко-

торой становились все более ощутимыми в то насыщенное драматическими общественными событиями предоктябрьское десятилетие. Кроме того, следует учитывать сближенность у Коласа понятий «жизнь» и «народ», выявившуюся в том, что трудовой народ выступал носителем лучших начал самой жизни, и тогда станет совершенно ясным социальный, классовый отпечаток представлений о жизнепорождении, силе жизни и других, возникших в условиях трудового крестьянского, земледельческого уклада жизни и быта.

Революционно-демократическая тенденциозность и принцип жизненности обрисовывают своеобразие позиции Коласа в целом; можно выразить это иначе, подчеркнув присущее Коласу переплетение представлений социально-конкретного порядка и представлений естественно-органического плана, присутствие которых, безусловно, связано со строем образов народной культуры. Подобно тому, как один из центральных социально-правственных проблемных стержней образует отношение общего и личного (при безусловной доминанте общего), конкретное содержание понятия «жизнь» образует другой проблемный стержень, в основе которого лежит своеобразно понимаемое отношение целого и части — жизнь как целое является определяющей, доминирующей в отношении всего многообразия существующего как вторичного, производного от здоровых, истинных (т. е. народных) жизненных потенций. В этом плане следует отметить, что важнейшие стороны социально-политической позиции Коласа, связанные с обличением буржуазно-помещичьей социальной системы как враждебной народу, с трактовкой социального конфликта между трудовым народом и эксплуататорами как конфликта непримиримого, с утверждением идеи исторического предназначения трудового народа, получают дополнительные точки опоры в этическом принципе первенства жизни, подлинного, истинного, живого бытия над всем тем, что временно сумело поработить его.

Обе эти проблемные линии тесно переплетены, сближены и даже нередко взаимозаменяемы; отношение общего и личного иногда оказывается также жестко детерминированным, как и понимание связи целого и части. Так, отношение общенародного и личного подчинено принципу первостепенного утверждения интересов общности, человек труда выступает как выразитель общенародных потребностей; в другом измерении — человек и природа — человек есть лишь часть целого, часть, подчиненная общим жизненным, природным закономерностям. Можно сказать, что общее (народ, жизнь, природа) есть некое доминирующее целое, конкретность проявления которого должна по сути лишь утвердить эту доминанту. И конкретность художественного развертывания в коласовском искусстве жизненных форм и отношений подтверждает этот тезис. Но суть проблемы в том, что это развертывание было открытием нового содержания — в народной жизни, в сфере социальной психологии и психологии индивидуальной; совершавшиеся в среде трудового народа процессы духовного

раскрепощения были вместе с тем процессами формирования личного сознания. И доминанта общего над личным выступает не моментом подчиненности, но в первую очередь фиксацией невозможности индивидуального существования вне общности. Процессы развития общности оказываются и процессами развития индивидуальности, а широта этих процессов, уже проявившаяся у Купалы и Коласа, уничтожает механицизм отношения общего и личного. Если для Купалы истинность народной жизни в приобщенности к свободе, то для Коласа истинность народного выступает показателем наивысшей степени жизненности. Причем стремление к абсолютному утверждению этого принципа означало внутренне-психологическое преодоление ощущения жесткой детерминированности присутствия временных рамок и как следствие этого стремления достижение чувства непоколебимой устойчивости и постоянства, что было по сути выражением неуничтожимости, вечности народной жизни как таковой. Кристаллизация и нахождение для человека такой точки духовной опоры, постепенно развернувшейся как идея бессмертия трудового народа, составили одну из главнейших задач коласовского искусства.

Доминанта принципа общего блага, тенденции ко включению индивидуального во всеобщее характеризуют весьма существенный аспект революционно-демократической идеологии, и более или менее адекватная его трактовка очень важна для уяснения существа позиции революционных демократов в целом. Особо следует подчеркнуть, что отношение общего и личного не может быть односторонне и упрощенно — на основе тезиса о включении индивидуального во всенародную целостность и понимания человека как части природы — трактовано как утилитарное, жизненно конкретное подчинение индивида, который в таком случае был бы обречен на полнейшую социальную и духовную пассивность. Общее для революционных демократов есть народное, но это не сугубо эмпирическая реальность тогдашнего состояния народной жизни в условиях буржуазно-помещичьей действительности. Общее у Купалы и Коласа окрашивается и преобразуется тем новым идеальным содержанием, которое отражает скрытые потенции и резервы народной жизни. Идеальное у Купалы есть свободное, у Коласа идеальное — это жизненное, а принцип жизненности является у Коласа принципом подлинности бытия, которое есть бытие: а) свободное от враждебных народу социальных установлений, б) радостное, где нет унижения, слез, страха, в) бытие крестьянское, изобильно-земельное. Открытие этого идеального содержания было значительным достижением Купалы и Коласа, ярким проявлением богатства их духовных сил как творческих индивидуальностей. Причем единство Купалы и Коласа с трудовым народом, постоянство ориентации на интересы и потребности людей труда не только не являлись препятствием на пути их развития как творческих индивидуальностей, но выступали непрерывным условием такого процесса.

Аналогично этому и рассмотрение отношений общего и личного в системе представлений революционных демократов не может и не должно останавливаться на первичном моменте доминанты общего над личным; такая остановка неизбежно ведет к пониманию этих отношений как однозначных и неподвижных. Имея в виду первичный момент, можно сказать, что общность и человек связаны здесь по эпическому принципу единства существования и взаимоотражения. Однако сразу необходимо подчеркнуть, что постоянство связи с общностью не исключает развития как такового, и это относится как к пониманию самой общности, ее интересов и потребностей, так и к личности. Это значит, что отношение общего и личного должно быть понято как познавательная ситуация, где общее (народное) выступает важнейшим объектом заинтересованности познающего субъекта.

С этой точки зрения обнаруживается, что момент связи индивида со всенародной общностью, будучи его центральной ценностной ориентацией, не есть статичная ситуация, а постоянно обогащен идеальным, творческим усилием для своего достижения, всегда требует отыскания некоей единственно возможной в данных условиях формы своего контакта с общностью. Общее как всенародное в своем идеальном постижении требует постоянства творческого напряжения индивида, стремящегося к открытию возможности гармонического приобщения к общности. Процесс постижения общего — а в целом для революционных демократов это выливается в проблему народа и его свободы — выступает для индивида важнейшей духовной задачей и целью. А это значит, что единство общности и человека в познавательном плане есть не только исходный момент их отношений, но всегда идеальная тенденция, стремление к отысканию новой, более многообразной и развитой формы гармонической взаимосвязи индивида и общности. Процесс этих поисков, развернувшийся у Коласа во всем многообразии эпических художественных форм, стал открытием новых, идеальных измерений народной жизни, выступавших в отношении конкретной реальности как познание и духовное преодоление существующей действительности, как побуждение к активному социальному действию во имя свободного будущего народа и человека труда.

Конкретная художественная реализация такого идейно-творческого устремления опиралась на специфический характер отношения различных эстетических оценочных сфер, среди которых особое значение приобрело идеально-поэтизирующее начало. По сути поэтизация явилась у Коласа средством проявления определенного типа красоты, выступила емкой и широкой формой эстетически-положительного, утверждающего изображения явлений и процессов действительности, сфер народной жизни, образов людей труда. Поэтизация у Коласа есть не только и не просто явление «приподымания», «идеализации», которое существует наряду с комическим, трагиче-

ским и т. д.; поэтизирующее начало — это следует подчеркнуть особо — присутствует постоянно во всех тех смешных, радостных, драматических проявлениях народного бытия, которые выявляют и утверждают жизненную силу народа. Поэтизация есть, таким образом, примета жизненности, есть процесс осознания и нахождения, процесс художественного оформления тех начал и элементов бытия, которые являются истинными, т. е. народными, в противоположность неистинности, неподлинности панского, господского, всего того, что держится на угнетении человека труда. Логика коласовского развития выступает тем самым как логика все более широкой, всеохватывающей и интенсивной поэтизации, процессом художественного открытия жизни, тех ее отношений и начал, которые являются, с точки зрения революционного демократа, истинными, подлинными. Поэтому закономерно, что коласовскому искусству чужда всякая абстрактность, «мыслительность», особенно в отношении тех слоев, сторон действительности, народной жизни, которые являются для писателя фундаментальными началами бытия, необходимым фактором и условием самого его наличия, самого его существования. Поэтому Коласа так влекут конкретные проявления народной жизни, земля, человек труда, которые подчинены единой взаимосвязи, где все начала объединены не просто фактом своего существования, а заложенной в них силой жизненности и введены в общий неразрывный круговорот, неотделимый от естественно-природных циклов (рождение — оформление — расцвет — увядание — новое рождение) и периодичности земледельческих работ, что вызывает и укрепляет ощущение постоянства и непоколебимости мира. Поэтому Колас так привязал к многообразию всех тех жизнетворящих и жизнеподобных форм, которые имеют фундаментальное значение для полнокровного существования народной жизни, ее рельефного, полновесного присутствия.

Однако в исторических условиях начала нашего века характерное для Коласа тяготение к воспроизведению эпически-устойчивых основ народного бытия перемежается с изображением процесса коренной социальной ломки народной жизни. Как художник-реалист Колас стремился к правдивому отображению происходящих в жизни народа процессов. Эпоха требовала от прирожденного эпика не только широкого, объективного и неторопливо-последовательного развертывания картин действительности, но и романтической заостренности идеи, ее мобильности, чуткости восприятия нового, нарождающегося.

Соотношение эпического и лирико-романтического начал в коласовском творчестве в своих наиболее характерных чертах аналогично отношению общего и частного в мировоззренческом строе коласовских представлений. Более того, следует говорить не просто об аналогии, но о более тесном, органическом взаимодействии пар этих понятий. Кристаллизация, все более широкое развертывание и оформле-

ние того круга идей, которые образуют общую и центральную для всех революционных демократов проблему народа, происходило у Коласа в плахе открытия (поэтизации-представления) лучших начал народной жизни, выявления и утверждения освободительных устремлений трудящихся масс, прославления могучей созидательной силы и величия трудового народа; процесс этот предполагал и опирался на эпические формы художественного выражения.

Органичность связи личного и общего не означала растворения первого во втором. Решение специфических проблем развивающейся индивидуальности являлось необходимым фактором самого существования Коласа как личности и художника; и здесь можно говорить о своей логике внутреннего становления. Это и определило значительность лирической, внутренне-духовной проблематики коласовского творчества, как бы в мощной призме фиксирующей и предворающей те явления, которые совершались и пазревали в среде народной жизни в условиях обострения классово-борьбы в начале нашего века и свидетельствовали о возрастании социальной и духовной активности трудящихся масс.

Но моменты субъективности никогда не приобретут самоценного, самодовлеющего значения и звучания у Коласа, всегда ориентированного на общенародные интересы и потребности, пасущие задачи борьбы за социальное и национальное освобождение трудового белорусского народа. Мотивы субъективности будут постоянно вовлекаться в эпически-целостное, всенародное русло, будут постоянно обогащать его. И осуществление органического спитеза эпически-целостного и лирико-субъективного начал образует вершины коласовского искусства, такие, как «Новая земля» и «Сымон-музыка». Отметим вместе с тем, что в пределах революционно-демократического мировоззрения единство общего и личного в целом понималось как единство на эпической основе, на основе сохранения однородного уровня социально-конкретной наглядности, обуславливающего черты вещественности и телесности облика и обрисовки человека, конкретности и утилитарности мышления и отношения к окружающей действительности.

Это обогащение целостности за счет субъективности в данном строе мировоззрения является закономерным проявлением наглядно-конкретной формы единства общего и отдельного, а также выражением скрытых внутренних потребностей индивида, прежде всего потребности приобщения к незыблемости народного мира. Ведь высшим духовно-творческим назначением человека, согласно представлениям белорусских революционных демократов, является открытие лучших начал народной (крестьянской) жизни, утверждение их как важнейшей (и по сути главной, единственной) бытийственной ценности, и процесс этого утверждения предполагает прямой выход в сферу социальной практики. Причем само понятие творческих, созидательных сил человека сливается с потенциами

жизнетворения, жизнерождения, и проявления духовных возможностей оказываются родственными процессам, происходящим в самой реальной жизни; в итоге внутренне-творческая активность человека предстает как опять-таки хотя и духовное, но созидание все того же народного эпического мира, воплощающего в себе характерные черты такого строя бытия, который революционные демократы склонны были считать подлинным, истинным. Важнейшие этапы творческого развития Коласа в дооктябрьский период как раз и стали осуществлением этого процесса.

Дооктябрьское творчество Я. Коласа впитало все многообразие сложных и противоречивых обстоятельств и тенденций исторического развития последнего предоктябрьского десятилетия, когда задачи борьбы трудящихся масс против буржуазно-помещичьих социальных порядков были выдвинуты на первый план общественной жизни. Имея в виду эту ведущую общественную потребность того времени, следует особо подчеркнуть важное социально-политическое значение критического, разоблачительного пафоса коласовского творчества.

Позиция всех белорусских революционных демократов была четкой и определенной в своей последовательной социально-критической оценке самодержавно-помещичьей действительности. Вместе с тем своеобразие развития социально-критического начала в общем процессе формирования революционно-демократической идеологии обнаружилось в том, что выявившаяся впервые у К. Калиновского заостренно-публицистическая, предельная обнаженность конкретного социально-политического выражения непримиримости интересов трудового народа (трудового крестьянства) и эксплуататоров, постоянно сохраняясь, одновременно дополнялась и обогащалась обращением ко всем более глубинным слоям народной жизни, этики, национальной психологии, многообразным обстоятельствам самого уклада крестьянского бытия. Это обращение было призвано показать не только конкретную общественно-политическую и социально-экономическую несовместимость интересов трудового народа и эксплуататоров, что само по себе уже чрезвычайно важно, но также выявить принципиальную несоединимость с существующими социальными порядками самого трудового уклада и образа народной жизни и быта, господствующих в среде народа жизненно ценностных ориентаций, нравственных и эстетических представлений, всего строя мировосприятия человека труда, крестьянина-белоруса. И без того широкий социальный фронт стал поистине безграничным, потому что коснулся самых, казалось бы, отдаленных сфер народной жизни, когда по сути изображение любого явления оказывалось внутренне просветленным значительной общественной задачей и целью. Присущая всем белорусским революционным демократам обнаженно-открытая тенденциозность подкрепилась и обогатилась тенденциозностью глубинной, внутренней, опирающейся на развитую систему мировоззренчески-оценочных представлений. Вне учета этого факта остается

ся недостаточно проясненной социально-политической направленности идеально-поэтизирующей линии коласовского творчества, линии открытия лучших начал народной жизни.

Открытие новых, идеальных измерений народной жизни представляло как процесс духовного созидания народного эпического мира, оказывавшегося миром трудового, сельскохозяйственного круга бытия. Основной социальной, классовый самоопределяющий и разграничительный рубеж этого мира прочерчивался непримиримым конфликтом-противоречием «мужицкое — панское» (народное — эксплуататорское, хищническое), «свое — чужое», и разрешение этого конфликта в пользу трудящихся масс, уничтожение существовавшей социальной системы было первейшим условием реализации творческих возможностей трудового народа. Центральной предпосылкой, принципом существования этого народного мира являлось единство земли, человека, природы, достигаемое в процессе крестьянского, сельскохозяйственного труда; наиболее ярким свидетельством и залогом его полнокровного бытия, полновесного присутствия выступали сила жизненности и воля всех (сила единства); важнейшими жизненно-переживаемыми (эмоциональными) и вместе с тем духовными (эстетическими) состояниями — радостное, смешное, драматическое, а главными пространственно-временными измерениями оказывались вечность и беспредельность.

Уже отмечалась противоречивость общественно-политической программы белорусских революционных демократов, которые, выражая насущные освободительные устремления широких народных масс, вместе с тем склонны были видеть прообраз будущего по преимуществу в характерных чертах трудового крестьянского уклада жизни, что вело к канонизации крестьянской целостности и самобытности. Однако за очевидным утопическим консерватизмом стремления представить будущее преимущественно в простых и наглядных формах крестьянского уклада жизни нельзя не заметить в положительной программе революционных демократов попыток содержательных решений существенных проблем социального и нравственного порядка. К ним относится, например, фиксация важных идеологических оснований бытия всякой социальной общности, прежде всего принципа всеобщего блага, не просто провозглашенного в абстрактном виде, но достаточно широко представленного как особый, специфический характер единства и взаимосвязи общего и личного; и если уровень их единства оказывался достаточно простым, то это не умаляет значения самого факта выделения характерных условий и обстоятельств взаимоотношающихся отношений общности и индивида. По достоинству должны быть оценены гуманистические принципы революционных демократов, последовательное неприятие ими всяческих форм угнетения и унижения человека, стремление к такой общественной организации, в которой осуществление принципа свободы означало полный простор для развития жизненно-созида-

тельных и духовных возможностей людей труда; при этом, конечно, выявлялась характерная противоречивость — осуществление принципа свободы в тенденции к абсолютному выражению неизбежно вело к уравнительности, а следовательно, к замкнутости. И здесь как раз уместно напомнить о важном мировоззренческом значении присущих позиции белорусских революционных демократов черт видения и оценки окружающей действительности сквозь призму конфликтности (проблемности), что вступало в противоречие с моментами неподвижности в идеальных представлениях, неподвижности, обусловленной стремлением к абсолютизации значения трудового крестьянского мира как формы социальной организации.

Характерные моменты идеально-поэтизирующей устремленности Коласа, представленной как тенденция к воплощению всенародного эпического мира, выразительно обнаружились в различных идейно-эстетических и жанровых сферах творчества писателя в дооктябрьский период. В этом плане и лирика, и прозаические рассказы, и рассказы стихотворные, и такой неповторимый коласовский философско-художественный жанр, как «Казкі жыцця», оказываются взаимосвязанными как сферы и этапы проявления единой тенденции, получившей затем широкое и всестороннее выражение в поэмах «Новая зямля» и «Сымон-музыка».

Коласовская лирика — это выявление насущной, безотлагательной необходимости говорить от имени трудового белорусского народа о его коренных социальных и духовных потребностях, выражение чувства возмездия угнетателям народа и призыв к вооруженной борьбе против них, сочетавшиеся с изображением бедственного положения трудящихся масс в условиях буржуазно-помещичьего общества. Это вначале мягкие, незаметные, а затем все более отчетливые в своей поэтизирующей окрашенности, конкретно-указующей и выделяющей пластичности характерные черты крестьянского уклада жизни и быта, картины национального пейзажа, зачастую представленные в несколько минорном звучании. Это раскрытие мира внутренних субъективных переживаний самого поэта, существенных моментов его духовного развития, причем ведущей тенденцией этого развития было осознание неповторимости своей творческой индивидуальности, понимание единства с всенародной общностью как закономерности своего полнокровного духовного существования и отыскание на этой основе такой наиболее действенной формы взаимосвязи с общностью, которая способствовала бы осуществлению народных освободительных идеалов и устремлений, привела бы к открытию новой формы социального и духовного бытия народа и индивида.

Коласовские дооктябрьские рассказы вводят нас в такую идейно-художественную область, атмосфера которой определяется проявлением и соединением комического, «серьезно»-поэтизирующего и сатирического потоков, где в полную меру раскрылось значение

комической призмы осознания явлений и процессов народной жизни как специфической идеально-поэтизирующей формы, помогающей увидеть неповторимость уклада народной жизни. Этим, конечно, не исчерпывается значение комического колорита у Коласа, но в данном случае важно подчеркнуть, что поэтизация в комической оболочке была скрытой, неявной формой идейно-эстетического утверждения, формой, подготавливавшей и предварявшей прямое и широкое идеально-поэтизирующее изображение народной жизни. В плане отношения различных форм проявления поэтизирующего начала (как форм комической и «серьезной», отчетливой в лирике и прозе) особого внимания заслуживают стихотворные рассказы Коласа, оказывавшиеся как бы промежуточным звеном между сферой комического (как областью скрытого идеального предпочтения) и сферой открытого, прямого проявления идеально-поэтизирующего начала в лирике и прозаических рассказах. Особенности жанра стихотворного рассказа способствовали более интенсивному вычленению форм и средств широкой и открытой поэтизации, художественного утверждения многообразных сторон народной жизни. Что же касается такового специфически коласовского жанра, как «Казкі жыцця», то он может быть определен как область нахождения и художественного выражения типических пространственно-временных пропорций окружающего мира в его характерных национальных природно-земельных обстоятельствах, а также как область важнейших образно-понятийных оценок и измерений существующего, связанных со всем строем представлений крестьянского уклада жизни и быта; «Казкі жыцця» могут быть рассмотрены как обобщенно-абстрактные наброски к широкой, многогранной и красочной картине народного эпического мира и вместе с тем это раздумья, размышления над кардинальными проблемами эпического искусства, прежде всего такими как жизнь и смерть, природа и человек, человек и народ.

Все эти сферы коласовского творчества представляли собой единое идейно-эстетическое целое, цементирующим началом которого являлся пафос утверждения силы и могущества трудового народа, лучших начал народной жизни. Вместе с тем специфические художественно-познавательные и выразительные возможности каждой жанровой сферы обуславливали преимущественный акцент на определенном аспекте наиболее интересующих Коласа проблем — прежде всего проблемы народа и его социального и национального освобождения, а также проблемы человека. Так, в лирике внутренне-содержательным стержнем была энергия органического сдвигания интересов и побуждений индивида и насущных освободительных потребностей общности — трудового народа. Если для обрисовки человека в коласовской лирике в целом характерен сплав широких социально-конкретных характеристик с чертами индивидуально-психологическими, то в прозаических рассказах писателя, среди которых особое место занимают рассказы комические, образ человека труда,

воссозданный в буднично-бытовом, ситуационно-комическом преломлении, незаметно и неожиданно, шаг за шагом будет обнаруживать свою содержательность и значительность, которые есть выражение и проявление неисчерпаемой жизненной энергии и силы человека труда как частицы силы и могущества всего трудового народа. В «Назках жыцця» проблема отношения общего и отдельного рассматривалась и разрешалась прежде всего в плане отношения природы и человека. И если осознание их единства на такой «натуралистической» основе вело к вещно-объектным чертам образа человека, то вместе с тем весьма немаловажным для эпического искусства оказывался факт утверждения и изображения значительности и своеобразия человека как части живой природы, факт, возникший как последовательная реализация столь важного у Коласа принципа жизнестости, обнаруживавшегося в данном случае в своем первичном, «естественно-природном» проявлении.

«Новая зямля» и «Сьмон-музыка» как осуществление художественного синтеза сплывали воедино все оттенки и аспекты понимания и изображения бытия народной общности и человека труда, представили их в целостном, многогранном и всеобъемлющем облике.

ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС

Основа всей революционно-демократической идеологии — осознание сущности созидательно-преобразующей деятельности народных масс и их исторического предназначения, поиски путей социального и национального освобождения трудового народа. Постоянство такой идейной устремленности характерно для всех белорусских революционных демократов — К. Калиновского, Ф. Богушевича, Тётки, Я. Купалы, Я. Коласа. Оно обуславливалось коренными общественно-политическими и социально-экономическими обстоятельствами исторического развития второй половины XIX — начала XX в., неразрешенностью ведущего социального противоречия между трудовым народом и буржуазно-помещичьими общественными порядками, всей системой угнетения и подавления трудящихся масс. Это постоянство идейной устремленности есть по сути выражение четкой проблемной и социально-действенной определенности революционно-демократической идеологии, процесс развития которой характеризуется первоначально достаточно абстрактным, преимущественно агитационно-публицистическим выражением ведущих освободительных идей (К. Калиновский), что сменяется этапом тщательного познания и выявления реальных обстоятельств существования трудового народа под гнетом буржуазно-помещичьего общества (Ф. Богушевич); в начале XX в. Я. Купала и Я. Колас соединяют идущую от К. Калиновского наступательную социально-преобразующую при-

звность и завещанную Ф. Богусевичем пацеленность на познание противоречий буржуазно-помещичьей действительности. Деятельность Я. Купалы и Я. Коласа в дооктябрьский период явилась высшим, завершающим этапом становления революционно-демократического направления в общественной мысли Белоруссии. Широкое и всестороннее развертывание революционно-демократических идей и принципов оказалось возможным лишь в эпоху рождения широкого фронта освободительного движения, резкого обострения социальных противоречий, мощно проявившихся в революционных событиях 1905—1907 гг.

Революция 1905—1907 гг. была ярким свидетельством крепнущих сил трудящихся масс. Она резко обнажила социальные антагонизмы, дала новые импульсы освободительному движению. Атмосфера вооруженной борьбы, воочию обнаружившееся могущество трудящихся масс оказали сильное воздействие на формирование идейных убеждений Я. Купалы и Я. Коласа. Наиболее очевидный аспект воздействия — решительное и окончательное преодоление присущей Ф. Богусевичу трактовки ведущего общественного противоречия как трагического состояния, как социально-жизненной ситуации с чертами статичности и как следствие такого преодоления утверждение динамики освободительных, свободолюбивых устремлений, поэтизации активности, призыв к вооруженной борьбе с буржуазно-помещичьими социальными порядками.

Присущая белорусским революционным демократам призывная публицистичность есть непосредственное производное массового порыва, площадности, движения людского потока, свидетельство связи данной художественной формы с широким социально-политическим течением эпохи. Незнакомая и третируемая в декадентски-утонченных формах искусства публицистичность обнаруживается как непременное и существенное качество искусства демократического, массового. Стремящаяся к прямому, непосредственному контакту с аудиторией, опирающаяся на понимание особой роли художественного слова и его связи с практическим действием публицистичность оказывается ярким проявлением активности общественной позиции художника, выражением тенденции интенсивного воздействия на совершающиеся в действительности процессы. Берущая мощное начало в «Мужыцкай праўдзе» К. Калиновского, соединенная с чертами просветительства у Ф. Богусевича агитационная публицистичность становится действенной и важной формой выражения освободительных идей у Я. Купалы и Я. Коласа.

«Багачы і панства, нашы «дабрадзеі»! Мы на суд вас клічам, каты вы, зладзеі»² — в этих коласовских строках опыт лучших традиций высокого публицистического жанра: твердость позиции, точность обращения, определенность вдохновляемого действия. И вместе с тем

² Якуб Колас. Збор твораў у дванаццаці тамах, т. 1. Мінск, 1961, с. 23.

поэту в высшей степени присуще ощущение глубокой историчности своего времени, историчности как значительности переживаемого периода, как «грозной межи времен переходных», когда, наконец, чаша весов в соотношении социальных сил начала склоняться на сторону трудового народа. Именно как стремление к подведению итога над тягостным и мрачным прошлым трудового белорусского народа, пробуждающегося к борьбе и к новой жизни, звучат строки обвинения угнетателям: «Чыімі рукамі вы дабро збіралі? На чые вы слёзы дабрабыт куплялі? І за што, скажыце, палкамі нас білі, секлі-катавалі, голадам марылі? Ласкаю ж чыёю і з чые вы працы замкі збудавалі, пышныя палацы? Усё ад нас забралі, а што нам далі вы?» В таком же стремительном эмоциональном ключе звучат и завершающие строки стихотворения: «Ужо даўно вяроўкі вас, паны, чакаюць, і па вас асіны слезы праліваюць»³.

Вот эта четкость осознания непримиримости интересов противоположных социальных лагерей, трудового народа и угнетателей, эта бескомпромиссность оценки существующей буржуазно-помещичьей социальной системы как системы угнетения и унижения трудового народа, как общественного устройства, в корне враждебного интересам и устремлениям широких трудящихся масс, определяют высокий гуманистический пафос общественной позиции Я. Коласа, которая была позицией отстаивания коренных интересов миллионов тружеников, позицией борьбы за их право «людьми зваться». Причем, как и все белорусские революционные демократы, Я. Колас склонен был ставить знак равенства между трудовым народом и трудовым крестьянством, в характерных чертах крестьянского уклада жизни и человеческих отношений, основанных на принципах трудовой этики, стремился увидеть прообраз будущего, не знающего эксплуатации и угнетения; в соответствии с этим и человеком истинным, подлинным являлся у Коласа человек труда, крестьянин-труженик. Понятно, что в той мере, в какой Колас сумел сквозь эту призму выразить передовые освободительные устремления всего трудового народа, в какой его творчество способствовало расширению фронта борьбы против буржуазно-помещичьих социальных порядков, включению в эту борьбу трудового крестьянства, в той мере его деятельность имела прогрессивное общественное значение в дооктябрьский период; моменты же абсолютизации значения крестьянского уклада жизни как формы социальной организации преодолевались им уже на новой идейной основе в советскую эпоху.

Для революционно-демократической идеологии начала XX в. присущи новые черты трактовки народа и его типичного представителя — крестьянина-труженика. Черты эти связаны прежде всего с изображением его возросшей социальной активности, с раскрытием процессов духовного раскрепощения широких народных масс. Эта

³ Я к у б К о л а с. Збор твораў, т. 1, с. 24.

активность явилась действенным внешним выявлением тех существенных перемен, которые совершались в социальной психологии масс. Немаловажно поэтому осознание тех внутренних факторов, которые определяют и обуславливают саму возможность деятельного проявления могущества народных масс. Белорусские революционные демократы второй половины XIX в. проявления могущества народных масс видели в многообразных формах их созидательной активности, живительный источник которой усматривался в неразрывной связи с землей; наиболее полным осуществлением этой связи выступал процесс земледельческого труда, обеспечивающий саму возможность жизни на земле, преобразующий ее облик, а также являющийся краеугольным основанием ведущих нравственных представлений народной общности. Я. Купала и Я. Колас восприняли эту жизнепорождающе-земледельческую тенденцию избращения трудового народа, придали ей — в русле развития национального искусства — классическую художественную завершенность. Вместе с тем эпоха резкого обострения общественных противоречий, интенсивность процессов революционирования широких народных масс с особой настойчивостью выдвигали перед революционными демократами вопрос об источниках и природе социальной активности масс. В этом отношении весьма существенными проблемами, которые ставились и решались в начале XX в. Я. Купалой и Я. Коласом, были проблемы классовой консолидации трудящихся масс, проблемы единства всех людей труда, осознания ими общности своих освободительных устремлений. Сила не просто как фактор созидательно-производственный, трудовой, а сила единства всех людей труда как фактор социальный и идеологический, определяющий саму возможность целенаправленного действия, и прежде всего против антинародных буржуазно-помещичьих порядков, главной преграды на пути осуществления народных идеалов, — один из важнейших аспектов идейной заинтересованности Я. Купалы и Я. Коласа.

Так, первичным, основополагающим является у Я. Коласа понимание трудового народа как общности социального, классового порядка (т. е. народ для него — это трудовое крестьянство), хотя эта общность нередко мыслилась как достаточно большое множество однородных слагаемых, в чем сказывалось влияние присущих белорусским революционным демократам представлений конкретно-наглядного плана. Исходя из реальных общественно-политических и социально-экономических условий существования трудящихся масс в условиях буржуазно-помещичьей действительности, определяя народ как социальную общность, Я. Колас вместе с тем указывает — и в этом проявилось воздействие той эпохи — на момент единства как духовный, идейный факт бытия народной общности, который придает ей определенность внутреннюю — как следствие возросшего социального и национального самосознания, что в свою очередь начинает находить внешние, деятельные формы выражения, прежде все-

го формы социально-преобразующей активности. «...Ядпанне — сіла ў свеце. Хто ж дужэй ад грамады? Дружнасць — першы крок свабоды, згода — сіла грамады»⁴. Важно, что «грамада», народ не есть лишь трудящаяся масса, это — люди труда, объединенные общностью четко оформившегося устремления, что и выступает у Коласа залогом будущей свободной жизни.

Общая трактовка проблемы парода находит специфическое преломление в коласовской лирике с ее двумя взаимопересекающимися проблемными сферами — конкретного социального содержания и духовно-психологической. Причем сфера духовно-психологическая не является абсолютной принадлежностью и приметой присутствия художественной индивидуальности, но также выступает как момент обрисовки главного коласовского героя — крестьянина-труженика, хотя следует сказать, что в его изображении доминируют широкие социальные черты. Причем рельефность широких социальных черт характеризует также образ человека труда в изображении Я. Купалы. И в данном случае следует иметь в виду некоторые общие исходные моменты подхода к проблеме человека у Коласа и Купалы, характеризующие важную сторону их революционно-демократических убеждений, а также учитывать специфическое проявление этих общих моментов в разных идейно-эстетических системах.

Человеком истинным, подлинным выступал у всех белорусских революционных демократов человек труда, крестьянин-труженик. Основопологающим моментом такой оценки являлся социальный, классовый фактор, который дополнялся нравственной аргументацией. Эта идея истинности крестьянина-труженика получила у К. Калиновского социально-экономическое и нравственное обоснование и постепенно, в процессе все более широкой и всесторонней обрисовки человека труда, образ которого, всегда четкий в своей социальной определенности, начал обогащаться индивидуальными и психологическими характеристиками (Ф. Богусевич), выросла впоследствии у Я. Купалы и Я. Коласа до уровня новой идейной и эстетической проблемы изображения определенного социального типа как типа человеческого. У Купалы образ человека труда обрел высокое духовное наполнение, обогатился возвышенными, героическими чертами. Это новое соединение черт социальной активности и высокой духовности Я. Купала склонен был трактовать в духе общечеловеческого идеала. Процесс утверждения такого идеала оказался у Я. Купалы противоречивым; вместе с тем существенным специфическим аспектом купаловской трактовки человека стало определение его как существа свободного, активно отстаивающего свои осознанные социальные и человеческие права.

Коласовское понимание истинности человека труда, крестьянина-труженика органически включает социальный и нравственный мо-

⁴ Я к у б К о л а с. Збор твораў, т. 1, с. 121.

менты; очевидным является у него также индивидуально-психологический аспект обрисовки крестьянина-труженика, фиксирующий процессы формирования личностного сознания в среде широких народных масс. Причем если Купала центральным фактором истинности человека выдвигает напряженное, динамическое начало как предпосылку достижения человеком труда тех условий бытия, которые достойны его подлинно человеческого предназначения как существа свободного, то Колас стремится к выделению тех моментов характеристики, которые имеют непреходящее значение, выражают аспект непоколебимой устойчивости и постоянства самого существования человека труда; истинность крестьянина-труженика получает у Коласа свое высшее обоснование близостью к истокам жизни вообще, дающей наибольший эффект и действенность присутствия на земле. Таким образом, в обрисовке человека, воспринимая и развертывая присущие всем белорусским революционным демократам два плана аргументации — социально-экономический и нравственный, Я. Колас сплавляет их воедино на уровне трактовки крестьянского как первичного, основополагающе-жизненного вообще. Так возникает специфический оттенок «натуральности», ощущение непосредственного присутствия природного начала, свойственное эпическому искусству как таковому; интерес к естественно-природному, к органическим формам, всему многообразию живого является характерной особенностью художников-эпиков. Я. Колас в этом отношении не составлял исключения, хотя, само собой разумеется, проявления этой заинтересованности оказались у него своеобразными, о чем свидетельствует прежде всего тесная взаимосвязь в системе его представлений категорий «бытие», «жизнь» и «народ».

Проблема народа как проблема общественно-политическая и социально-экономическая, в нравственном измерении выступавшая в форме обоснования принципа общего блага, в своем эстетически-содержательном и художественно-выразительном наполнении опиралась у Коласа на такой важный принцип эпической эстетики, как принцип жизненности. И когда говорится о связи у Коласа категорий «жизнь», «бытие» и «народ», то как раз имеется в виду сочетание и переплетенность представлений социально-конкретного (и нравственного) порядка с представлениями жизнепорождающего, естественно-природного плана, присутствие в сфере общественных оценок критериев и измерений, почерпнутых из объектно-природной области действительности.

БЫТИЕ ПОДЛИННОЕ И ИЛЛЮЗОРНОЕ. ОБ ЭПИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КРАСОТЫ

Фактор существования, бытия как основополагающий в трактовке Коласом проблемы народа и проблемы человека ни в коей мере не предполагал опоры на наличную, конкретную действительность того

времени, представавшую в творчестве художника в облике созданного буржуазно-помещичьим обществом разветвленного и многообразного аппарата подавления и угнетения трудового народа. Если у Купалы основой ценностной ориентации выступает противопоставление идеального реальному, свободного — рабскому, силы — бессилию и все внимание направлено на динамический момент победы над угнетенным и приниженным состоянием жизни народа и духа человека труда, на преодоление слабости, бессилия, оказывающееся началом процесса обретения силы и достижения свободы, то у Коласа, художника-эпика, привязанного ко всему многообразию жизненных форм, центральной идеальной устремленностью выступает тенденция предвосхищения форм истинного, подлинного, свободного бытия народной общности. Поэтому и центральной противопоставительной понятийно-образной парой выступают у него бытие — небытие, жизненное — мертвое. Небытие, мертвое — это и есть определение существующей буржуазно-помещичьей действительности.

Если купаловская оценка буржуазно-помещичьей действительности призвана выявить прежде всего разнообразие формы несвободы, зависимости, рабства, в которые заключены народ и человек труда, то аналогичное проявление социально-критического начала в высшей степени присуще также коласовскому творчеству. Вместе с тем русло центральной идейно-эстетической ориентации Я. Коласа определяет оценку и изображение буржуазно-помещичьей действительности как ущербного, неподлинного и преходящего бытия, враждебного истинным началам жизни, наиболее полным воплощением которых выступает трудовой народ. Иллюзорность и относительность оказываются у Коласа важнейшими характеристиками тогдашней буржуазно-помещичьей действительности (как небытия) в противоположность эффекту полновесного, наглядно-ощутимого и очевидно присутствия бытия подлинного, народного. В понятие бытия подлинного включались у Коласа лучшие начала трудовой народной жизни, бывшие по сути его основанием, и понятие это, вовлекаясь в русло центральной идейной устремленности Коласа, получало реальное содержание — как предвосхищение будущей свободной жизни народных масс — в общей идеально-поэтизирующей линии творчества художника — линии открытия и утверждения народного эпического мира. Явственно выявившаяся тенденция к принципиальной размежеванности нынешнего и будущего, к абсолютному разделению конкретного общественно-политического и социально-экономического жизненного положения, в котором находится трудовой народ в условиях буржуазно-помещичьего общества, и полнокровного, свободного, истинного бытия как осуществления лучших народных стремлений была последовательным выражением тенденциозности революционно-демократической позиции Я. Коласа. Открытие и утверждение народного эпического мира как раз стало процессом преодоления реальности буржуазно-помещичьего общества и устремленностью к

бытию подлинному, процессом широкого постижения жизни, осознанием и изображением крепнувшей силы и могущества трудящихся масс.

Отмеченное противопоставление эпически-копкретного плана постоянно присутствует в системе оценочных представлений Я. Коласа, образуя позицию внутренней тенденциозности, которую следует особенно учитывать при изображении художником типических обстоятельств существования народных масс в условиях буржуазно-помещичьего общества. Воссоздание реальных явлений жизни трудового народа под гнетом враждебных социальных порядков, обращение к конкретному бытовому слою имело важный общественный смысл, ибо способствовало правдивому раскрытию бедственного состояния народной жизни, выявлению непримиримых социальных противоречий той поры; такое воссоздание было пронизано общей тенденцией изображения опустожительного нашествия на подлинную жизнь враждебных социальных сил, грозящих уничтожить сами основания бытия. Это не прекращающееся ни на мгновение оттеснение человека труда к грани небытия, эта нависшая постоянная угроза, пропитавшая все буднично-привычное окружение, порождают мотив глубокой трагичности изображения Коласом жизни народа и крестьянина-труженика в дооктябрьский период.

Изображение реального положения народных масс в условиях господства буржуазно-помещичьих порядков пронизано высоким гуманистическим пафосом и связано в коласовской лирике с созданием обобщенного образа-картины важнейших обстоятельств уклада народной жизни и быта, которые выступают наглядным свидетельством царящих в действительности хищнических законов. «Наша поле кепска родзіць, бедна тут жыве народ, у гразі жыве ён, ходзіць, а працуе — льецца пот. Пазіраюць сумна вёскі, глянеш — сэрца забаліць. На дварэ — паленне, дэскі, куча сметніку ляжыць. Крыж збуццелы пры дарозе, кучка топаляў сухіх... Сцішна, нудна, бы ў астросе ці на могілках якіх»⁵.

Эта зарисовка запустения, безжизненности выступает в сущности характерной приметой буржуазно-помещичьей действительности, губительные следы воздействия которой постоянно испытывает народная жизнь. Безрадостная картина народной жизни, нищета и унижение, и как символ и реальность осуществления такого порядка вещей — полиция, жандармы и вся армия: «Куды ні глянь — адно і тое: усюды стрэльбы і «шнуры» — стаяць па пары і па трое на скрыжаваннях «каўняры»⁶. В идейно-эстетической системе Я. Коласа, в которой отношение старого и нового своеобразно трактуется в конкретно-жизненном плане посредством образа дороги как наиболее адекватного образа движения вообще, в том числе и пути к по-

⁵ Якуб Колас. Збор твораў, т. 1, с. 20.

⁶ Там же, с. 48.

вому, выражение «стаяць на скрыжаваннях», занять перекрестки дорог — это значит пытаться парализовать возможность всякого движения, всякой перемены к иному, это значит стремиться обречь жизнь, народ, человека на полную неподвижность, полное примирение с безысходностью нынешнего состояния народной жизни; по сути это и есть высшая цель стремлений всего карательного аппарата самодержавно-помещичьего общества.

Однако в том и заключается нестигаемая жизненная сила трудового народа, что можно крайне стеснить и ограничить ее проявления, но нельзя полностью подчинить или уничтожить ее; это — одно из самых сокровенных убеждений Якуба Коласа. Принципиальное и последовательное неприятие подневольного и униженного положения трудового народа естественно рождает устремление к новой, свободной жизни, перерастающее в условиях все более действенного проявления социальной активности масс в глубокую убежденность в реальной возможности ее достижения. Как конкретное художественное выражение этой убежденности разворачивается в коласовской лирике мягкая пластически-выделяющая линия, бывшая своеобразной формой проявления идеального начала, призванная очертить те специфические черты народного (крестьянского) уклада жизни, которые поэт склонен был относить к истинным, подлинным. В данном случае можно говорить не только о тех коласовских стихотворениях («Родныя вобразы», «Рольнік», а также природоописательные), в которых идеально-поэтизирующая тенденция проявилась в открытой и отчетливой форме, но даже о стихотворениях, рисующих беды и недолу человека труда, где присутствуют такие штрихи рельефной обрисовки типичных условий деревенского уклада быта, как, например, в стихотворении «Вёска»: «Зелянеюць два-тры клёны, глянэ ліпа дзе з-за хат, дзе-нідзе садок зялёпы, нізкіх вішань чэзлы рад. Граблі, саві пад страхою, колы, сошка, барана, кол з хваёваю мятлюю, убіты ў дол каля акна»⁷. Именно мягкая выделяющая пластичность воссоздания характерных черт народной жизни и быта выступает у Коласа содержательной и выразительной оболочкой идеально-поэтизирующего начала как такового. По сути свойство представления и открытия вообще есть наиболее широкое, универсальное свойство поэтизирующего начала, бывшего выявлением коласовской идеи красоты; ведь в эпической эстетике красота есть одновременно идея и конкретная реальность определенной формы бытия, существования.

В этом смысле особенно показательно позднейшее коласовское предисловие к «Казкам жыцця», полемически направленное против убеждения, что красота есть примета и принадлежность только человеческого духа. Своеобразному аллегорическому циклу рассказов соответствовал пафос утверждения земного, естественного облика

⁷ Якуб Колас. Збор твораў, т. 1, с. 49.

красоты, ее растворенности в самой природе, когда красота становится достоянием и необходимым элементом всего существующего, объединенного в едином одухотворенном целом, каким предстают земля, трава, деревья, реки, горы, нивы, небо и тучи, солнце и его лучи и множество других природно-земельных начал и явлений. Вместе с тем и коласовская поэтизация в целом как обращенное «на себя» (на определенный строй бытия) идеальное носит такой же земной, естественный характер. «Растворенность» красоты в окружающем мире, красота как элемент существующего — все это следует понимать не только метафорически, но и в более прямом, непосредственном смысле — как вещественный, конкретный элемент всего существующего (разумеется, в орбите лучших начал трудовой народной жизни). Художественный мир Коласа оказывается миром реальностей, признаком подлинности и жизненности которых выступает поэтизация. Трактовка красоты в эстетике Коласа как бытийного, жизненного начала соответствовала тенденции к пониманию единства бытия и сущности, где бытие — сами многообразные конкретно-реальные формы трудового крестьянского уклада жизни, а сущностным обозначением является поэтизирующий колорит как указание на высший жизненный смысл (оправданность) данной формы бытия. По сути коласовская поэтизация являлась выражением предпочтения определенного строя жизни, предпочтения, основа которого коренилась в глубинных слоях мироощущения; ведь это было утверждением трудового уклада народной жизни и решительным неприятием такой социальной организации, которая покоится на эксплуатации и угнетении.

Выделяющая и указующая пластичность оказывалась наиболее адекватной конкретно-художественной плотью идеально-поэтизирующего начала. Если поэтизация как проявление идеального устремления выступает у Коласа осознанием ценности определенных жизненных реальностей, свидетельством неразрывности существования и сущности (истинности) и если важнейшей идейно-творческой задачей становится выявление (открытие) и представление (обрисовка) этих реальностей, то в художественном плане это реализуется в формах конкретно-завершенных, пластических. В данном случае речь идет о важности и необходимости воссоздать сам образ и облик тех сфер бытия, которые, согласно взгляду Коласа, являются истинными, жизненными, и пластичность — как проявление тенденции такого воссоздания — согласуется с присущим строю коласовских оценок и предпочтений моментом опоры на наглядное, плотски-материальное, конкретно-весомое. Но пластичность не есть просто свидетельство привязанности к конкретному, материальному богатству мира; как выразительная художественная форма она не чужда высшей устремленности эпического искусства к утверждению единства мира и человека, хотя и на основе, не свободной от элемента их вещественной однопорядковости, уравнительности — ведь в данном слу-

чае следует говорить о единстве земельно-природного окружения и человека труда, крестьянина-труженика. Существенны поэтому в определении сущности коласовской пластичности и область преимущественного внимания художника и сам характер воспроизведения жизненной конкретности. Мягкость и вместе с тем отчетливость формы как бы приблизившихся к нам объектов, воссоздаваемых художником, есть выражение бережного прикосновения Коласа к окружающему миру, глубоко заинтересованного отношения к нему.

Если пластичность является наиболее широким, универсальным (наиболее общим, абстрактным) свойством коласовской поэтизации, то в этой же плоскости должен быть отмечен и такой момент выражения идеального начала, как красочность, который особенно явно проявляется в природе, когда объекты поэтизации (земледельческий труд, быт, природа) уже достаточно четко выкристаллизируются. Красочность соединится в «Новой землі» с праздничностью, помноженной на содержательность отбора тех сторон крестьянской жизни и быта, которые в наибольшей степени выражают идею могущества и вечности трудового народа. В общем русле развертывания идеально-поэтизирующей линии формы открытой, прямой и скрытой (в комической оболочке) поэтизации синтезируются в «Новой землі» в широкоформатное и многогранное восславляющее изображение народной жизни.

ФОРМА БЫТИЯ И СВОБОДА. ПРИНЦИП ДВИЖЕНИЯ

Идеально-поэтизирующее начало отчетливо проявилось в коласовской лирике. Однако особое место и значение приобретает в ней открытое и прямое публицистическое выражение коренных социальных требований миллионов масс белорусского крестьянства, сущность которых обозначалась краткой формулой — «земли и свободы». Этот лозунг революционно-демократической идеологии приобрел в условиях развертывания широкого освободительного движения особую действенно-призывную силу; носителем его стал у Коласа крестьянин-труженик. Социальная активность выступает у Коласа (как и у Купалы) принципиально новой чертой обрисовки человека труда, крестьянина-труженика, чертой, фиксирующей и процессы возрастания общественной действительности трудового народа и рост личностного сознания в среде трудящихся масс. Коласовские стихотворения «Ворагам», «Кіньце смутак», «Не бядуў», «Песні вясны», «Мужык», «Тры жаданні», «Эй, скажы мне, небарача» и другие рисуют крестьянина-труженика в новом измерении — как человека, гордого своей принадлежностью к трудовому народу, осознающего значительность своего места труженика на земле, пришедшего к пониманию необходимости борьбы против существующей буржуазно-помещичьей общественной системы за свои коренные социальные и человеческие права. Эта призывно-публицистическая тенденция ко-

ласовской лирики воссоздает образ человека труда в рельефности широких социальных черт. Говорящий от имени многомиллионной массы колосовский герой предстает в резком, взрывном обрамлении, и голос его звучит в особом, крепнущем тоне — тоне непокорности и бунта. «Я — мужык, а гонар маю, гнуся, але да пары. Я маўчу, маўчу, трываю, але скоро загукаю: «Стрэльбы, хлопчыкі, бяры!»⁸

Обрисовка героя в колосовской лирике вместила два достаточно разнородных потока. Человек труда обрел новую позицию в отношении к окружающему миру, обусловленную процессами духовного раскрепощения масс. Тенденция к передаче такого внутреннего содержания образа героя, соединенная со стремлением активно содействовать этим процессам, ускорила открытую социальную публицистичность колосовской поэзии. Наряду с этим образ человека труда воссоздается в реальном жизненном окружении, несущем отпечаток характерных обстоятельств подневольного и униженного существования крестьянина-труженика в условиях буржуазно-помещичьей действительности, и колосовские стихотворения этого плана передают те обстоятельства и то ощущение беспросветности жизни, которое столь знакомо нам по поэзии Ф. Богушевича: «Усе вуглы і куты сваім целама я змеў, ссек і лес, і кусты, і дарогі правёў, ды не езджу па іх, а хаджу пехатаў у рваных ботах старых, часцей босай нагой. Збудаваў я палац, многа фабрык, мастоў. Сам жа голы, як бац, — пары дзве рызманоў»⁹. Такая двойственность в обрисовке героя сохранится на протяжении всего дооктябрьского периода творческого развития Я. Коласа. В сущности двойственность эта имела в своей основе реальную противоречивость социальной психологии крестьянства как класса, коренилась в исторически-конкретном политическом и социально-экономическом положении трудового крестьянства в самодержавно-помещичьем обществе. И если объективные условия 1905—1907 гг. «выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы»¹⁰, то революционные события выявили также существенные слабости, присущие крестьянскому движению вообще.

В. И. Ленин так характеризовал деятельность крестьянства в революции 1905—1907 гг.: «С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический

⁸ Якуб Колас. Збор твораў, т. 1, с. 163.

⁹ Там же, с. 75.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 20.

паг крестьян в нашей революции...»¹¹ С другой стороны, В. И. Ленин отмечает крайнюю патриархальность и неопределенность крестьянских представлений об этих новых формах общежития, непонимание того, почему необходимо свержение самодержавия для уничтожения помещичьего землевладения. «Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась... Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей»...»¹²

В том-то и заключалась радикальность идеологии белорусских революционных демократов, выявляющая ее активный, действительный характер, что усилия Коласа были направлены на отыскание путей преодоления инертности и смирения, присущих отсталым, консервативным слоям крестьянства, на последовательное утверждение необходимости решительного разрыва того охранявшегося самодержавно-помещичьим полицейско-административным аппаратом круга бед и несчастий, в который был заключен крестьянин-труженик. Важное общественно-политическое значение имело в этом отношении развенчание Я. Коласом царистских иллюзий, резкое сатирическое разоблачение «другого і апошняга Мікалая» («Малебен», «Мікалаю II»), а также беспощадная критика государственных порядков той поры («Жанстыгудыя»).

Утверждение Коласом абсолютной несоединимости народного и панского (эксплуататорского), бытия и небытия, подлинного и ущербного, живого и мертвого как проявление тенденции решительного неприятия самодержавно-помещичьей действительности исторически было глубоко оправданным и прогрессивным. Положение народа и человека труда осознается как положение всеобщей зависимости, подчинения — прежде всего зависимости общественно-политической и социально-экономической, а также подчинения духовного, низводящих людей труда на грань крайней униженности и бессилия. «З нас пямала жартавалі, той нас крыўдзіў, гэты сек. Годнасьць напую тапталі, ў нас заплёван чалавек»¹³. Решительное неприятие такого положения вещей, изображение тех условий существования, в которые поставлены люди труда в буржуазно-помещичьем обществе, как состояния небытия, несвободы, уже призвано было — по занимающему столь важное место в мировоззренческом строе белорусских революционных демократов принципу противопоставления — очертить некоторые грани той формы бытия, которая выступала для них осуществлением коренных социальных устремлений трудового народа.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210—211.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 211.

¹³ Якуб Колас. Збор твораў, т. 1, с. 119.

По сути все белорусские революционные демократы, стремясь дать определение свободы, начинают с противоположного, с утверждений отрицательного порядка. «Каб больш слёзы не ліліся, каб не падаў чалавек, каб астрогі запырліся ад людзей на вечны век; каб казалі, што хацелі, каб не гнулісь, як цяпер, каб са страхам не глядзелі на ўрадніцкі каўнер; каб пабольшала нам поля, каб разросся вузкі луг, каб спявалі песні волі, дзержучы жалезны плуг»¹⁴. Пафос позитивной программы Я. Коласа здесь выражен достаточно отчетливо, прежде всего ее гуманистическая направленность, выявившаяся в решительном неприятии всего того, что унижает и угнетает человека труда, — а это было неприятием существовавшей социальной системы с такими ее непререкаемыми атрибутами, как «астрогі» и «урадніцкія каўняры». Коласовский гуманизм был гуманизмом последовательно-классовым, социальным; и когда поэт говорил: «Каб пабольшала нам поля, каб разросся вузкі луг», то в данном случае он касался наиболее сокровенной крестьянской жизненной потребности — «земли», необходимой основы и условия самого существования человека труда, крестьянина.

В своих наиболее общих чертах реализация принципа свободы (достижение бытия истинного) включала у Коласа два взаимосвязанных и последовательных момента: первый — уничтожение враждебной народу самодержавно-помещичьей социальной системы, второй — превращение человека труда, крестьянина-труженика в полновластного и безраздельного хозяина его исконного и естественного поля деятельности — земли. Свобода, таким образом, оказывалась свободой от антинародных, враждебных человеку труда общественных порядков, бытием крестьянским, изобильно-земельным, а также бытием радостным, нравственно-гармоничным, в котором человек не знает унижения и страха. Свобода и земля — их отношение и взаимосвязь в мировоззренческой системе белорусских революционных демократов достаточно подробно рассмотрены ранее. Эта проблема займет исключительно важное место в создававшейся Коласом на протяжении длительного времени и завершенной уже в советскую эпоху поэме «Новая зямля».

В дооктябрьский период в коласовской лирике особый акцент сделан на социально-политические условия достижения свободы народных масс; это прежде всего оценка тогдашней общественной системы как антинародной и призыв к активности, к решительной борьбе против нее. Вместе с тем, говоря о выражении Коласом насущных социальных и национальных требований трудовых масс белорусского народа, всегда замечаешь то особое, специфически коласовское внимание к объекту первостепенной заинтересованности крестьян-труженика — к земле, внимание, обусловленное своеобразием ценностной ориентации художника. Отставание Коласом этого важней-

¹⁴ Я к у б К о л а с. Збор твораў, т. 1, с. 47.

шего требования миллионных масс белорусского крестьянства, имея актуальное социально-политическое значение, согласовалось с эпическими принципами его эстетики, с преимущественной устремленностью к тем фундаментальным основам, которые обуславливают и саму возможность существования строя жизни, считавшегося истинным, подлинным, и определяют условия наиболее полного и многогранного развертывания заложенных в этом строе жизни начал. Так конкретная политическая и социально-экономическая тенденция обретала новые идеальные измерения, оказывалась существенной характеристикой будущего свободного бытия трудового народа. А потому и сама земля, вовлекаясь в круг широких идеальных ассоциаций («зямлі і хлеба..., сонца і свету..., жыцця і волі...»¹⁵), выступала и как форма выражения и осуществления конкретной социально-экономической заинтересованности человека труда, крестьянина-труженика, а также становилась обозначением и символом новой, свободной жизни.

Если в коласовской лирике в дооктябрьский период особый акцент сделан на социально-политических условиях достижения свободы, то общая тенденция творческого развития Коласа, связанная со все более широким развертыванием идеально-поэтизирующей линии раскрытия лучших начал народной жизни и человеческих отношений, основанных на принципах трудовой этики, будет постоянно обнаруживать стремление к эпически-конкретному выражению идеальных представлений. Поэтому, говоря о понимании Коласом сущности свободы, следует иметь в виду, что свобода — это в первую очередь устремленность к определенной форме бытия, существования; свободное несет у Коласа вполне конкретный, реально-ощутимый характер и в этом своем естественно-жизненном качестве является составным компонентом народного эпического мира как мира просветленно-идеального. Это значит, что в структуре коласовского идеала (а идеал этот неотделим от народного эпического мира) необходимым слагаемым входит свободное в его конкретном, жизненно-определенном и вещественном качестве как жажда бытия радостного, нравственно-гармонического и бытия крестьянского, изобильно-земельного. В таком жизненно-конкретном понимании Коласом сущности самого идеала проявляется сходство с Купалой, для которого идеальное и есть свободное как реальное осуществление новой жизни, не знающей принуждения, зависимости и построенной на простых, очевидных в своей нравственной ценности принципах всеобщего труда и равенства свободных тружеников земли. Есть вместе с тем и отличия от купаловских оценок.

Ведь для Купалы свободное есть сфера возвышенная, удаленная от косной, рабской реальности; свободное становится в своем идеально-понятийном и оценочном качестве критерием, прилагаемым ко всем

¹⁵ Якуб Колас. Збор твораў, т. 1, с. 303.

явлениям действительности и определяющим степень их пригодности и готовности к движению во имя будущего. У Коласа центральным моментом в подходе к действительности, народной жизни выступает принцип жизненности народа, призванный вскрыть многообразие проявления созидательных сил народных масс. И проявления эти чрезвычайно богаты и разносторонни, по сути охватывают все грани народного бытия. Оно может быть опутано разными формами несвободы, зависимости (выступающими следствием господства антинародных социальных порядков) и вместе с тем свидетельствовать о могуществе заключенных в трудовом народе сил и возможностей. Поэтому изображение и утверждение неисчерпаемой жизненности (могущества) народных масс с точки зрения эпической эстетики — задача универсальная, охватывающая все стадии исторической жизни народа.

В таком специфическом в соответствии с принципами эпической эстетики преломлении свобода выступает как ничем не сдерживаемая возможность реализации, раскрытия заложенных в трудовом народе созидательных потенций, оказывается свободой творения подлинного бытия. Пробраз этого подлинного бытия белорусские революционные демократы видели в характерных чертах трудового крестьянского уклада жизни. А потому и свобода, ассоциируясь с определенным строем жизни народа и человека труда, связывалась с такой новой формой жизненной активности народных масс, которая возможна лишь при условии уничтожения существующих самодержавно-помещичьих общественных установлений. Вместе с тем утверждение Коласом неисчерпаемой жизненности и могущества трудового народа в соответствии с духом высоких образцов эпического искусства, стремящегося к соединению вечного с преходящим, абсолютного с зыбким и текучим, к преодолению всякой иллюзорности и относительности, обрело реальность художественного воплощения в идее неуничтожимости, бессмертия народа, его бытия. Это высшее выражение идеальной устремленности коласовского искусства, связанное с потребностью преодоления всякой относительности и нацеленностью на абсолютную незыблемость, вечность существования народной жизни, оказывалось также моментом характеристики состояния свободы в ее эстетическом (эпическом) преломлении, ставилось непоколебимой точкой духовной опоры человека, приближенного к всенародной общности.

Совершенно очевидно, таким образом, что Колас стремился к соединению аспектов социально-политического, конкретно-жизненного и нравственно-эстетического в трактовке свободы. Получая отчетливую социально-политическую тенденциозность как решительное неприятие общественных установлений буржуазно-помещичьей действительности, враждебных человеку труда, и как утверждение освободительных социальных и национальных устремлений трудового белорусского народа, в своем позитивном выражении трактовка сущ-

ности свободы обнаруживает четкий социальный, классовый характер (бытие свободное как бытие завершено-крестьянское, избыточно-земельное), выявляет нравственно-гуманистический и социально-психологический аспект своего содержания (устремленность к бытию радостному, гармоничному, где человек не знает страха, унижений и страданий), а также раскрывается в эстетическом измерении (простые, наглядно-обозримые формы жизни и человеческих отношений; приобщенность к свободному бытию трудового народа как приобщенность к вечности, незыблемости существования вообще).

Пафос неприятия Коласом существующей буржуазно-помещичьей действительности питался устремленностью к свободному будущему; процесс оформления идеальных представлений естественно включал в себя необходимость осознания путей достижения новой жизни. В целом преодоление пропасти между подневольным и свободным, небытием и бытием связано у Коласа со своеобразным пониманием принципа движения, трактованного преимущественно как выявление заключенных в трудовом народе сил и возможностей, как выражение его активности — социальной и жизненной. В коласовской лирике на первом плане — раскрытие момента социальной активности трудящихся масс белорусского народа, носителем которой выступает типический представитель народа, крестьянин-труженик. Социальная активность выражается прежде всего в осознании необходимости уничтожения существующих антинародных самодержавно-помещичьих общественных порядков; это было, по словам В. И. Ленина, стремление «расчистить землю». За этими пределами, как полагали белорусские революционные демократы, открывалось поле свободной реализации трудовым народом своих жизнетворческих потенций; процесс созидания нового оказывался по сути процессом ничем не сдерживаемого саморазвертывания лучших начал народной (крестьянской) жизни.

Достижение свободы, представлявшееся реализацией, установлением определенной формы бытия, существования, не может быть рассмотрено — если иметь в виду плоскость идеальных представлений белорусских революционных демократов — всецело в плане отношения нового и старого, ибо новое (свободная жизнь трудового народа), выступая как качественно отличный рубеж от подневольного и униженного состояния народной жизни в условиях буржуазно-помещичьей действительности, оказывается по сути очищением, идеализацией от века известных, извечных начал трудового крестьянского уклада жизни. В такой своей интерпретации новое (свободное) выступает как ничем не сдерживаемая полнота реализации трудовым народом своих сил, задатков, возможностей, как простор проявления его созидательных, жизневорящих потенций. Новое (свободное) предстает как полнота и всесторонность раскрытия трудовым народом своих потенций, как необходимая фаза саморазвертывания его сил и в конечном счете как закономерность самой жизни. В этом от-

ношении уничтожение самодержавно-помещичьей социальной системы выступает как преодоление преград на пути реализации трудовым народом своих жизненных сил. Социальная тенденциозность стремится принять природообразную, освященную авторитетом самой жизни (как основы и истока всего существующего) оболочку.

Достижение свободы осознавалось белорусскими революционными демократами как закономерность, определявшаяся всеобщностью, универсальностью проявления момента движения, выступавшего в разнообразных формах и являвшегося характерной особенностью, приметой присутствия жизненных сил как таковых. В наиболее общей форме принцип движения фиксировался Коласом в своеобразной естественно-патуристической интерпретации, включавшей постоянно периодического и циклического процесса смены состояний зарождения — расцвета — увядания — нового рождения; этот процесс охватывал широкий круг явлений природной среды и трудового земледельческого уклада бытия и выступал как процесс творения самой жизни. Момент цикличности, «круга», его «начала» и «завершения» присущ также коласовскому осознанию индивидуального жизненного пути человека («прайсці свой круг...») ¹⁶. И в целом постоянство смены одного другим, кругооборот предстает закономерностью и выражением жизненности бытия.

В процессе смены разных состояний, выступающих последовательными фазами существования определенного явления, момент зарождения всегда ассоциируется у Коласа с новым; широкий и емкий символ молодого, нарождающегося — весна. Причем если проследить особенности развертывания в идейно-художественной системе Коласа образа весны, то обнаружатся три содержательных слоя этого образа: 1) конкретная природно-растительная трансформация, изображение процесса пробуждения всего живого, становящееся символом неуничтожимости жизни как таковой; 2) образ лучшего периода жизненного «круга» человека, периода расцвета — детство, молодость; 3) наполнение образа весны предельно широким содержанием, призванным выразить пробуждение и неугасающую устремленность к воле, свободе, новой жизни, здесь сочетаются различные мотивы — и общенародные и личностные.

Тенденция эпически-целостного постижения человеческого и природного в их единстве по сути и определяет рассмотрение и изображение Коласом явлений природы и обстоятельств человеческой жизни сквозь призму «круга», его начала и конца. Причем каждое природное явление и любая человеческая жизнь помещены в определенные границы; «ніхто з граніц сваіх не выйдзе, з законаў, жыццём

¹⁶ Интересно сравнить с этим коласовским положением запись из «Дневника» Л. Н. Толстого от 29 мая 1906 г.: «Мне представляется, что все существа совершают круги от рождения к смерти». (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., т. 55. М., 1937, с. 288).

написанных»¹⁷,— скажет Колас в «Новай зямлі». И если все в природе подчинено циклическому процессу зарождения, расцвета, увядания и нового рождения, то человек как часть природы также подчиняется этой закономерности. Но как существо, отличающееся от природы, он имеет свою линию жизни, свою «судьбу», которая в деятельном проявлении и есть, согласно Коласу, движение, хождение по тем дорогам, которые предлагаются жизнью, а также поиск новых путей, новых жизненных дорог.

Образ дороги — один из важнейших в дооктябрьском коласовском творчестве, такой же значимый и емкий, как и образ весны. Возникновение этого образа, его, так сказать, наглядно-эпический генезис обусловлен характерными особенностями национального пейзажа, неизменным атрибутом которого наряду с лесом и лугом является дорога. Воссоздававшаяся как типичная черта облика родного края, эта конкретная реалья обретает в поэзии Коласа новое, дополнительное значение, образованное убежденностью в том, что трудовой белорусский народ имеет свой путь исторического развития и, несмотря на крайне неблагоприятные обстоятельства дискриминации и подавления в условиях господства самодержавно-помещичьих социальных порядков, сумеет найти ту единственную дорогу, которая ведет к новой, свободной жизни. В целом же трансформация в коласовском творчестве образа дороги как образа жизненного пути человека и поиска путей освобождения трудовым народом неотрывна от общей тенденции идейно-эстетического развития художника.

В дооктябрьской лирике Коласа весьма устойчива трактовка образа дороги как того пути в жизни, которым идет крестьянин-труженик; образ дороги становится символом тяжелого и безрадостного положения человека труда в условиях тогдашней действительности: «Ой, дарога-сцэжка, вузкая, крывая! І ты, жыццё наша, ты, доля, такая!»¹⁸ В прозе этот образ обретает уже по преимуществу динамическое выражение, призванное передать присущее человеческой жизни постоянство движения и устремленности к неведомому («Думкі ў дарозе», «Вяковая дарога»). И если первоначально речь шла о той безрадостной дороге, которая предназначена крестьянину-труженику в условиях господства антинародных государственных порядков, то постепенно Колас начинает говорить о «сцэжках-дарожках», что было свидетельством расширения возможностей, открывавшихся перед людьми труда в период обострения классовых противоречий и все более широкого и интенсивного вовлечения их в освободительную борьбу. Образ дороги получает широкое социальное содержание, становится выражением устремленности к новой, свободной жизни. Широко развернут мотив дороги как пути к свободному будущему в коласовской поэме «Новая зямля».

¹⁷ Я куб Колас. Збор твораў, т. 6, с. 7.

¹⁸ Я куб Колас. Збор твораў, т. 1, с. 30.

Образ дороги как движения к новому находит у Коласа определенные соответствия с жизненным «кругом» человеческого существования; молодое, нарождающееся наделяется особой чуткостью и устремленностью к новому, оно само — символ нового; вместе с тем новое достигается в процессе многотрудного постижения и поиска тех конкретных жизненных путей, которые ведут к нему. В кристаллизации понятия «новое» (свободное) наряду с отмеченными ранее аспектами сливается также содержание образа весны и образа дороги. Тем самым достижение нового, свободного оказывается итогом последовательно-линейного движения, хотя и имеющего жизнеподобный характер (дорога), движения, находящего точки соприкосновения с постоянством и всеобщностью круговых, циклических изменений (жизненный «круг» человека). Существенным при этом оказывается то, что содержание образа дороги отдалается от естественно-природной цикличности как заранее предустановленных начала и конца, цикличности, связанной с древнейшими слоями народного мировосприятия, согласно которым движение — это по сути схема роста. Выражение активности осуществления человеком своего предназначения, прежде всего непрекращающийся поиск путей к свободной жизни трудового народа вводит нас в новую сферу — сферу общественной, человеческой деятельности с ее интенсивностью движения к четко осозанным социальным целям. Момент движения получает целенаправленность и выразительность социальной тенденциозности, которая в сущности и обусловила высоту пафоса утверждения Коласом идеи могущества и бессмертия трудового народа.

ОДУХОТВОРЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО. КОМИЧЕСКОЕ И ПРИНЦИП ПОЭТИЗАЦИИ

Раскрытие и утверждение лучших начал народного бытия составляли ведущую линию идейно-творческого развития Я. Коласа и призваны были показать могучую созидательную силу и величие трудящихся масс. Эта тенденция охватывала все идейно-жанровые сферы коласовского творчества, находя в них специфическое проявление. Если в лирике с наибольшей рельефностью выявились ведущие освободительные идеи и дооктябрьская коласовская поэзия оказалась концентрированной формой выражения всеобщих, всенародных потребностей и интересов, а образ человека труда, крестьянина-труженика, предстал в активном, социально-деятельном проявлении, то коласовская проза того периода воссоздает реальность народной жизни в ее конкретно-бытовом измерении, передающем будничную атмосферу существования крестьянина-труженика в дооктябрьское время. Причем воссоздание повседневной жизни, забот, огорчений и радостей крестьянина-труженика не имело у Коласа ничего общего с приземленностью бытописательства, было одухотворено и сгармони-

зировано светлыми поэтизирующими тонами. Значительная часть дооктябрьских коласовских рассказов комического плана; первоначально — это преимущественно комизм ситуаций. Затем постепенно усиливается интерес к внутреннему содержанию образов; тенденция к внутренним, психологическим характеристикам, вторгшись в исходное неразрывное переплетение начал юмористических, сатирических, поэтизирующих, приводит к четкому разграничению, а также внутренне-самостоятельному развитию этих начал. Претерпевает изменения и первоначальная сюжетно-ситуационная форма комических коллизий, которые будут подчиняться крепнущей тенденции к передаче внутреннего, психологического содержания. Поскольку комическое раскрылось в коласовской прозе в многогранном и красочном проявлении — как юмористическое и эта атмосфера становится постоянным слагаемым обрисовки образов людей труда, само комическое оказывалось своеобразной формой выражения ведущей идеальной тенденции писателя. В общей линии идейно-творческого развития Коласа комическое выступило неявной, скрытой формой художественного утверждения, формой, предворявшей и подготавливавшей прямое, открытое и широкое поэтизирующее изображение народной жизни и человека труда.

Исследователями отмечались различия обрисовки героя в лирике и реалистической прозе Я. Коласа, прежде всего различия в уровне развития социального самосознания героя, что объяснялось характером процессов обобщения в лирике и прозе¹⁹. Очень существен момент фиксации специфики выражения идеального начала в различных жанровых сферах коласовского творчества. Вместе с тем необходимо постоянно иметь в виду общее идейное родство этих сфер, их внутреннюю взаимосвязь, определяемую ведущей тенденцией творчества художника.

Прикосновение к конкретному социально-бытовому слою, стремление к передаче атмосферы, жизненного ритма и строя существования крестьянина-белоруса отвечали коренной, первичной для художника-эпика внутренней потребности — потребности воссоздания во всех характерных проявлениях той формы бытия, которую он считал истинной, подлинно жизненной. Комическая форма изображения как раз и возникла на пересечении общей идеальной устремленности к утверждению лучших начал народной жизни как прообраза подлинного бытия и реальности существования крестьянина-труженика в условиях буржуазно-помещичьей действительности, оказывалась выражением определенной оценочной дистанции в отноше-

¹⁹ Иван Навуменка. Якуб Колас. Духоўны воблік героя. Мінск, 1968, с. 13—19. «Высокий общественный идеал, воплощенный в публицистической лирике Коласа,— пишет автор,— не мог также непосредственно реализоваться в прозаических произведениях. Здесь пути материализации идеала более опосредованные, косвенные, здесь писатель нередко подает героя в ироническом, юмористическом освещении...» (с. 19).

нии действительности того времени, а также призвана была показать принципиальную несоединимость существовавших социальных порядков и тех нравственных и жизненных ценностей, носителем которых выступает трудовой народ и его типический представитель — крестьянин-труженик. Речь идет не просто о внутренне-субъективной дистанции писателя в отношении героя реалистической прозы, образ которого обладал большей степенью объективации, чем образ героя публицистической лирики, а потому в меньшей мере мог быть прямым выражением авторской позиции. Коласовский идеал формировался в процессе художественного постижения народной жизни, и в этом отношении проза Я. Коласа с ее зримой наглядностью и конкретностью развертывания и воссоздания реальных обстоятельств и условий существования крестьянина-труженика в дооктябрьское время, являясь одной из важнейших художественно-познавательных сфер дооктябрьского творчества писателя, была вместе с тем необходимой и закономерной сферой кристаллизации идеальных представлений художника. Именно пристальное художественное исследование народной жизни в ее различных проявлениях позволило писателю вскрыть важные черты психологии людей труда, показать их духовную красоту («Нёмапаў дар», «Малады дубок»).

Дооктябрьская проза Я. Коласа достаточно многообразна по своей проблематике. Изображение реальных обстоятельств существования крестьянина-труженика в условиях дооктябрьской действительности обнаруживало те изменения, которые происходили в жизни и социальной психологии трудового народа под влиянием революционных событий 1905—1907 гг., раскрывало черты нового отношения героя к окружающей действительности, самодержавно-помещичьим социальным порядкам. Такие коласовские рассказы, как «Слабода», «Бунт», «Андрэй-выбаршчык», «Соцкі падвёў» и другие, являются характерными зарисовками деревенской жизни, вовлеченной в круг и атмосферу новых для нее событий, бывших прямым порождением эпохи революционного столкновения противоположных социальных лагерей. Эта атмосфера воссоздается писателем в различных измерениях. Будь то эпически-конкретное изображение выступления крестьян в защиту своих исконных прав («Бунт») или обрисовка комической ситуации, призванной показать абсурдность тех требований, которые предъявляются представителями власти к крестьянину, и тем самым выявляющей ущербность самих существующих антинародных социальных порядков («Слабода»), или разоблачение царских избирательных законов («Андрэй-выбаршчык») — постоянно в центре внимания писателя находится человек труда с его насущными жизненными интересами и потребностями, с его неугасимой жаждой «земли и свободы».

Короткие ранние коласовские рассказы «Слабода», «Выбар старшыні» смешные и серьезные одновременно, весьма глубокие по своей центральной идее, неотрывной от заостренно-комической ситуации.

Так, в рассказе «Слабода» воссоздается по существу анекдотический случай. Полицейские, проведая, что «в одной деревне у мужика есть ружье», которое, по правде сказать, и не заслуживало такого названия, провели по всем правилам военных операций окружение хаты «преступника» и арестовали мужика, захватив это его злосчастное ружье. Как изображение беззакония, постоянно чинимого представителями власти в отношении крестьян, рассказ этот возник в русле оформившейся еще во второй половине XIX в. социально-критической тенденции. Есть вместе с тем и существенные отличия от той позиции, выразителем которой был в прошлом веке Ф. Богусевич. Эти отличия обусловлены спецификой содержания исторических периодов, что и порождает черты новой позиции героя, крестьянина в отношении происходящего. Соединение этих моментов, пронизанное идеей враждебности существующих социальных установлений человеку труда, подлинным основам жизни, и обусловило своеобразие рассказанной истории. Вспомним хотя бы выдержанное в насмешливо-издевательских тонах описание предпринятой карательной операции. «Едзе цэлы абоз паліцы: прыстаў, два ўрадікі, стражнікаў з дваццаць, са стрэльбамі, шаблямі, нагайкамі. І куды едуць? Адбіраць у мужыка стрэльбу. Праўда, наш Сымон Таўкач гаварыў, што мужык той быў чужы не сацыяліст: панскую кабылу назваў брыдка і земскага калісь дурнем злаяў перад соцкім»²⁰. Перед нами типическое описание-развенчание, вскрывающее абсурдность, бессмысленность предприняемой акции. Но логика развертывания комической ситуации такова, что абсурдность, бессмысленность действий представителей власти должна получить свое наиболее очевидное и наглядное проявление, отлиться в высшую в своем роде форму. И она получает такую форму. На крик и топот погами «начальства», когда мужик говорит: «Не крычыце, паночку. Вунь дзеці перапалыхаліся, плачуць», — в ответ он слышит грозное: «А табе хто разрашыў іх...?!»²¹

Выявление антигуманности, крайней враждебности существовавших самодержавно-помещичьих порядков интересам и потребностям трудового народа, раскрытие трагизма исторического пути и социального положения трудового белорусского народа в тогдашнем обществе — эти аспекты выражения революционно-демократической тенденции, нашедшие последовательное и глубокое выражение у К. Калиновского, Ф. Богусевича, Я. Купалы, Я. Коласа, сохраняли свою актуальность на протяжении всего дооктябрьского периода общественно-исторического развития. Тема трагичности существования народа и человека труда в условиях эксплуататорского общества обрела глубокое выражение в коласовской лирике. Вместе с тем если благодаря широким возможностям кристаллизации общественно зна-

²⁰ Я к у б К о л а с. Збор твораў, т. 4, с. 7.

²¹ Т а м ж е, с. 8.

чимого содержания, его обобщенного выявления, а также присущей публицистической лирике эмоциональной импульсивности коласовская лирика в своем идейно-художественном наполнении свободно вмещала достаточно разнородные потоки, такие, например, как пафос социально-преобразующей активности и мотив «печальной песни», то прозаический жанр в большей степени подчинен ритму и логике конкретного жизненного материала. И если герой коласовской лирики отличается более высоким уровнем развития социального самосознания (а при этом имелись в виду четко выраженные в лирике черты его возросшей общественной активности в отношении существовавших порядков), чем герой рассказов писателя, то следует подчеркнуть, что обнаружившиеся в прозе особенности обрисовки крестьянина-труженика также свидетельствовали о развитии, возмужании его социального самосознания, только в данном случае фиксировался достигнутый устойчивый уровень убеждений человека труда. Причем сам факт утверждавшегося жанрового разнообразия, будучи отражением сложности и многогранности происходящих в действительности того времени процессов, обнаруживая стремление ко все более широкому и всестороннему охвату жизненных явлений, был закономерным следствием тенденции к расширению идейно-эстетических горизонтов.

Итоги такого стремления отчетливы уже в отмеченных коласовских рассказах. Так, в коласовской лирике изображение несоединимости народного и панского (эксплуататорского), раскрытие ведущего социального противоречия того времени между трудовым народом и самодержавно-помещичьими социальными порядками неотрывно от идейно-эстетической интерпретации этой коллизии как глубоко трагической по своему существу. В этом отношении Колас выступал продолжателем уже сложившейся в белорусской революционно-демократической литературе традиции; причем изображение трагичности существования человека труда в условиях тогдашней действительности было лишено у Коласа нот пессимизма и неверия в силы народа, его историческое предназначение. Мотив трагизма «жизненного круга» человека труда пройдет через все дооктябрьское творчество писателя, займет значительное место в поэме «Новая земля». Одновременно с этим как прозаический аналог жизнеутверждающим мотивом коласовской лирики в прозе все более настойчиво и широко будет звучать — первоначально в комической оболочке — тема принципиальной несоединимости народного и эксплуататорского как тема превосходства человека труда, его жизненной (а затем и нравственной) позиции над существующими социальными установлениями, всей системой унижения и подавления трудового народа. Так, кульминация и содержательный центр рассказанной в «Слабодзе» истории по сути и признапы выявить это превосходство.

Коласовские рассказы фиксировали решительный выход за пределы постоянства ощущения безысходности существования человека

труда в условиях самодержавно-помещичьей действительности. Они существенно отличны от тональности произведений Богусевича про светленностью, выявлением неисчерпаемой жизненности героя — крестьянина-труженика. Комические ситуации обнаружили явную тенденцию движения к светлому, юмористическому полюсу своего спектра. Сам принцип заострения типично комической ситуации, развернутой в «Слабодзе», эта вырвавшаяся на волю логика «чистого» смеха свидетельствовали о новом внутреннем состоянии коласовского героя, чуждого и тени какой бы то ни было покорности и смирения, воспринимающего представителей власти как нечто глубоко чуждое истинным устоям жизни и преходящее, а потому с нескрываемой проницей реагирующего на их слова и действия: «Да чагымы, браткі, дажыліся! На дзеці білет трэба браць. От хіба «слабода» дык «слабода!»»²²

В целом следует отметить важность освоения Коласом смеховой стихии, этой искрящейся жизнерадостностью сферы проявления народного духа. Поскольку комическое оказывалось одной из форм проявления внутренней непоколебимости (жизненности) трудового народа, оно естественно и закономерно включалось в картину народного эпического мира, становилось необходимым и весьма существенным его слагаемым.

Комические ситуации ранних коласовских рассказов обнаруживают черты близости с творчеством Ф. Богусевича. Так, принцип резко-наглядного раскрытия абсурдности требований, предъявляемых представителями власти к крестьянину-труженику («Слабода»), впервые обнаружил и доказал свою действенность в художественном творчестве Ф. Богусевича. Конечно, интерпретация Я. Коласом коллизии несовместимости народного и эксплуататорского отмечена большей внутренней свободой в отношении изображаемого; комический эффект возникает как прямое, открыто развенчивающее раскрытие абсурдности, противоестественности самих основ существующего порядка вещей, допускающего соединение несоединимого — народного и панского, истинного и ложного. Момент «превращения», бывший в творчестве Ф. Богусевича формой обнажения подлинной сути жизненных явлений и отношений, а не их внешней, вполне благопристойной оболочки, также находит у Я. Коласа специфическое преломление. Показателен в этом отношении рассказ «Выбар старшыні». Вот, например, передаваемая рассказчиком-крестьянином в сугубо констатирующей форме ситуация: «У нас япчэ і так бывае: выберуць старшыню, а назаўтра тыя самыя, што выбіралі яго, прыходзяць цалаваць яму рукі»²³.

Здесь совершенно очевидно обнажение момента алогизма, «превращения», связанного с тем, что соприкосновение крестьянина, че-

²² Якуб Колас. Збор твораў, т. 4, с. 9.

²³ Там же, с. 9.

ловека труда, с враждебным социальным миром ведет к искажению его подлинной, человеческой природы. Недоумение рассказчика-крестьянина по поводу несоответствия формы и сути понятно — вроде бы хозяева положения — крестьяне, избирающие старшину, однако это совершенная иллюзия, ведь назавтра избравшие унижаются перед тем, кого сами и выбрали. Недоумение рассказчика обусловлено пафосом его критической оценки происходящего, и в данном случае чрезвычайно важно, что пафос этот направлен против покорности и смирения, присущих отсталым, консервативным слоям крестьянства. Тем самым выявлялся весьма важный факт существования различных социальных слоев в среде крестьянской массы — стихийно-«избирающих» и стихийно-подчиняющихся, с одной стороны, и осознающих подобное рабское положение, с другой.

Существенны вместе с тем отличия в оценке рассказчиком своей, трудовой крестьянской среды и всего того, что связано с враждебным социальным миром и его отношениями. В данном случае отчетливо присутствует авторская бескомпромиссность, усиливающая точку зрения рассказчика, придающей ей рельефность и особую глубину. И вновь перед ними момент «превращения», представленный в форме, особенно близкой духу творчества Ф. Богусевича. Это — описание «превращения» старшины, внутренним стержнем которого было общее для всех белорусских революционных демократов убеждение в том, что значимость представителя власти эксплуататорского общества не имеет никакого внутреннего, нравственного обоснования, а целиком определяется его принадлежностью и местом в государственной системе, становящемся фиктивным обозначением его человеческой сущности. Лишенный власти хотя бы на время, на миг или поставленный перед перспективой потерять ее человек этот поражает своей ничтожностью и убожеством. С властью он — владыка, «хадзіў на воласці, як цар, крычаў, аж шыбы бразджалі», «тоўсты», «роўны»; на миг без нее — «згорбіўся ў дзве пагібелі, як свіны татка», «на цэлы пуд худзейшы», «сагнуўся, як жабрак, і маўчыць, як немка, — толькі вачыма лыпае»²⁴.

Комизм изображения возникал как осознание отклонения от подлинных, выработанных в процессе трудовой жизни оценок и представлений. В соответствии с ними истинность и значимость человека определяется фактором социальным (и нравственным) прежде всего. Конкретная идейно-художественная трактовка этого фактора в соответствии с принципами эпической эстетики предполагала раскрытие организической связи народной общности и индивида, причем значительность и внутренняя содержательность индивида получали прямую зависимость от степени его приобщенности к жизненной и творческой силе трудового народа, а также вовлекались в сферу устремленности эпического искусства к выявлению основополагающих,

²⁴ Я к у б К о л а с. Збор твораў, т. 4, с. 10.

фундаментальных начал бытия. Приобщенность человека к народной общности как фактор постоянный оказывалась истоком устойчивых начал его существования и сущности, источником его жизненной силы и непоколебимости. Идеально-эпическая оценка как таковая невозможна вне фактора фундаментальной устойчивости, проявляющейся под потоком многообразных жизненных и психологических изменений, в процессе которых находится человек, и, наоборот, нарушение этой четкой определенности рождает негативную отрицательную реакцию. Комизм «превращения» в сущности и являлся художественным познанием и изображением искажения человеческой природы, обнаруживающей отрицательную множественность одного и того же существа, становящуюся равнозначной факту его небытия как человека.

Характерная особенность представленных Я. Коласом комических ситуаций в отличие от аналогичной сферы эстетики Ф. Богушевича состоит в том, что они являются открытыми, содержат возможности и предпосылки качественно новой интерпретации заключенного в них идейно-художественного материала. И если в целом эстетика Ф. Богушевича обнаруживает особо тесную взаимосвязь трагического и комического, то в коласовской эстетике комическое благодаря тому, что оно является важной сферой раскрытия духовного здоровья, жизнерадостности трудового народа, есть предвещение и подготовка идеально-поэтизирующей тенденциозности, линии открытия и представления народной жизни во всех ее многообразных проявлениях.

Комическое как алогизм, абсурдность соединения несовместимых социальных миров — эта исходная предпосылка существования данной эстетической сферы, утвержденная Ф. Богушевичем, отмечена в коласовской интерпретации все более решительным выходом за рамки статично-констатирующей обрисовки, стремлением к более резким ситуационным столкновениям представителей противоположных социальных лагерей. Эти заключенные в комическую оболочку столкновения имеют ограниченный, локальный, можно сказать, «местный» характер; тем не менее совершенно очевиден факт нарушения параллелизма существования различных порядков жизни, присущего Ф. Богушевичу, нарушения, в основе которого лежала открыто выраженная убежденность в превосходстве героя, человека труда, над уставами того времени. Возникает провоцирующая комическая ситуация, обуславливающая неожиданность и резкость поворота сюжетной линии, ее взрывную точку, что являлось специфической художественной трансформацией той новой атмосферы напряженности, которой была охвачена народная жизнь в исторических условиях начала нашего века. Так, в уже упоминавшемся коласовском рассказе «Выбар старшыні» такой взрывной точкой, центром всего рассказа было неожиданное появление «Піліпа, селяніна з чорнай барадою», стремительно вмешавшегося в идущий, казалось бы, к бла-

гополучному завершению ход событий. «Грамада!.. Каго вы выбра-лі? Яшчэ мала вышйі у вас крыві?.. Ты старшынька? Сто рублёў пра-піў! Каму трэба — падсунуў? Зноў кроў будзеш піць?»²⁵ Эффект появления и слов Пилипа бесспорно комичен, равно как и итог его «бунта»: бедный Пилип оказывается в «холодной».

Сказанное о старшине есть выражение общего мнения всех крестьян, по существующий порядок диктует им определенные нормы поведения, роль молчаливых свидетелей происходящего. Пилип же действует в соответствии с общим единодушным мнением крестьян, резко, вызывая нарушение установленного порядка. Вот эта неожиданность нарушения установленных норм, это взламывание чуждого крестьянам «порядка» и выявление подлинной сути происходящего рождает комический итог. Итог этот в немалой степени обусловлен нарочитым подчеркиванием грубоватости действий и слов Пилипа, мастерской передачей стремительности и силы размахисто-мужицкого натиска и зычного крика, на полную мощь звучащего в присутствии «начальства». Причем Колас делает особый акцент на этом, и само нарочито-грубоватое изображение героя соседствует с глубокой авторской симпатией к нему как к человеку, остающемуся верным своему характеру и формам выражения своих побуждений, обусловленных всем укладом жизни трудового крестьянства. Формы эти не соответствуют тому строю отношений, в системе которого герой оказывается, но герой остается тем, кто он есть, и проявляет — пусть нелепо, комически с точки зрения «порядка», — но проявляет именно свое, крестьянское отношение к происходящему, собственно, и вскрывающее его истинную суть.

Подобный принцип лежит также в основе позднейших коласовских рассказов «Адгукнуўся» и «Старыя падрызнікі». В первом из них комический эффект вновь возникает на столкновении норм навязанного крестьянину поведения (в данном случае церковной службы) и насущных жизненных забот и интересов человека труда; во втором — на моменте соединения различных представлений о жизни и людях. Коласовская обрисовка крестьянина таким, каков он есть, в ситуации, соответствующей его тогдашнему реальному жизненному положению, причем обрисовка в открыто юмористическом обрамлении отнюдь не вела к снижению героя; именно такое обрамление, создавая атмосферу простоты и естественности, способствовало передаче типических черт поведения и характера героя в условиях и обстоятельствах его повседневного бытия. Не точка зрения стороннего наблюдателя и стремление к оценке, посягающей иерархическую структуру, а открытие и выявление характерных моментов облика, поведения, особой, неповторимой атмосферы существования крестьянина-белоруса оказываются доминирующими у Я. Коласа. Писатель обращается к ситуациям различным, к самым, казалось бы, про-

²⁵ Я к у б К о л а с. Збор твораў, т. 4, с. 10.

заическим или откровенно анекдотичным, постоянно преображая их в соответствии со своей ведущей идейно-эстетической тенденцией. Развернутые в дооктябрьской коласовской прозе колоритные зарисовки типических жизненных ситуаций, облика, манеры поведения, речи крестьян в их многообразных контактах с окружающим создавали пока еще мозаичный, но точно и верно схваченный образ характерного представителя трудовой крестьянской массы. Поскольку область комического открывала широкие возможности изображения народной жизни как таковой, выявляла ее активные внутренние потенции, постольку она заняла важное место в идейно-эстетической системе Я. Коласа. Ведь для него чрезвычайно важны реальные проявления народной жизни во всем многообразии конкретно развернутых и полновесно ощутимых форм. Обращение к тем началам и слагаемым народной жизни, которые выразительны не только в плане утверждения самого факта ее наличия как самобытного национального феномена (а в условиях тогдашней действительности это имело актуальный и прогрессивный общественный смысл, было отражением освободительных устремлений трудового белорусского народа), но также оказываются значимыми в таком существенном с позиций эпической эстетики аспекте — аспекте раскрытия народной жизни как бытия полнокровного, глубоко пронизанного мощными жизнетворящими потечиями, выявляло ведущую идейно-творческую линию коласовского искусства.

Часто фиксируемые первоначально в комической форме черты облика или внутреннего состояния героя становились впоследствии важным элементом «серьезного», открытого и прямого идеально-поэтизирующего изображения, вехи которого отмечены в коласовской дооктябрьской прозе рассказами «Калядны вечар», «Нёманаў дар», «Малады дубок», «Сірата Юрка», «На чыгунцы». Художественные достижения сферы комического способствовали кристаллизации форм и средств открытой, прямой поэтизации. Идейно-художественный опыт рассказов «Трывога», «Недаступны», «Тоўстае палена» подготавливал рождение таких произведений, как «Малады дубок». Понятно вместе с тем, что одно лишь взаимодействие комического (юмористического) и поэтизирующего («серьезного») не дает ответа на вопрос о достигнутой писателем высокой культуре художественного изображения. В данном случае следует учитывать успехи Я. Коласа в различных жанровых областях, обусловивших в совокупности возможность постановки новых важных идейно-эстетических проблем, свидетельством чего было начало работы над созданием широкого эпического полотна народной жизни («Новая зямля» и «Сымон-музыка»).

Тем самым обозначался повый этап творческой эволюции Коласа в дооктябрьский период. В прозе такой рубеж ощутимо выявился прежде всего в том, что широкий целостный взгляд на явления трудовой крестьянской среды начинает сочетаться с дифференциацией

и расчленением, обобщенно-суммарная обрисовка героя обогащается тенденцией к передаче неповторимого внутреннего эмоционально-психологического состояния, комизм ситуаций трансформируется под влиянием психологических мотивировок; все более отчетливой становится идеально-поэтизирующая линия. Тенденция психологизации естественно выдвигает на первый план фигуру главного героя колосовского творчества — крестьянина-труженика. Ранние рассказы изображают героя как обобщенного представителя крестьянской массы; момент взаимосвязи общности и индивида носит здесь во многом конкретный и уравнительно-однозначный характер, в известном смысле родственный выраженному в ряде стихотворений пониманию народной массы как единства однородных слагаемых. Интерес к неповторимому внутреннему содержанию образа человека труда, остающегося типическим представителем своей социальной среды, являясь отражением процессов роста личностного сознания в народной массе, свидетельствовал о выходе писателя за паглядно-конкретный уровень однозначного понимания и изображения отношений общности и индивида, был следствием крепнущей тенденции выделения героя из окружающей его среды, возрастания его социальной и человеческой значимости.

Творческие интересы Я. Коласа устремлялись в направлении воссоздания реального многообразия черт облика и характера, а также обстоятельств жизни типичного представителя трудовой крестьянской массы, многообразия, впоследствии уже в новую историческую эпоху синтезированного в широком эпическом полотне «Новай зямлі» — классическом произведении белорусской литературы.

Когда стремление к объемному, эпически-поэтизирующему изображению народной жизни стало искать самостоятельное оформление, о чем свидетельствовало начало работы над поэмами «Новая земля» и «Сымон-музыка», это вызвало интенсивную трансформацию необходимого идейно-художественного материала разных жанровых сфер. Поэтому и рассказов с четкой, открытой поэтизирующей окраской совсем немного в дооктябрьской прозе Коласа. Зато значительным оказывается число произведений комического и сатирического плана. Видимо, на уровне малого эпического жанра благодаря его мобильности, а также возможностям комической (юмористической) формы изображения народной жизни, способствовавшей воссозданию характерных черт и обстоятельств жизни человека труда, чрезвычайно важным оказывалось создание такой колоритной и достаточно многообразной, хотя и не отличающейся целостностью и единством, картины действительности. Малый повествовательный жанр как таковой отражает малый мир; мир этот еще раздроблен и замкнут в себе. И если в исходном принципе подхода Коласа к действительности весьма выразительно и мощно обнаруживались синтетические, гармонически-целостные начала, обуславливающие тенденцию к воссозданию большого мира народной жизни, то тенденция эта еще дол-

жна была найти пути своей идейно-художественной реализации. В этом отношении жанр рассказа в дооктябрьском творчестве Я. Коласа при бесспорном самостоятельном значении способствовал развертыванию этой тенденции: немаловажную роль в этом отношении благодаря объективной вовлеченности в русло центрального идеального устремления Я. Коласа сыграла сфера комического.

Светлый юмористический колорит, присущий изображению крестьянина-труженика в обстоятельствах его повседневной жизни, и сатирически-разоблачительное воссоздание художником представителей самодержавно-помещичьей государственной системы выступают и очерчиванием противоположных, несовместимых социальных миров и вместе с тем их оценкой. Смех над представителями враждебного социального лагеря, смех сатирически-разоблачительный есть как бы граница, которая обозначает жизненную сферу, область народной жизни, есть указание на то, где начинается враждебный крестьянину-труженику мир. Рождение такого смеха — свидетельство и выражение мощного запаса жизненности человека труда, его глубокой убежденности в превосходстве начал трудового уклада крестьянской жизни над навязываемыми эксплуататорским обществом унижительными формами существования.

Стремление к более дифференцированному рассмотрению явлений народной жизни, углубление аналитического начала в дооктябрьской прозе обусловили обращение к сфере новых идей и образов. В этом отношении немаловажное значение имели коласовские рассказы, посвященные судьбе детей в условиях тогдашней действительности. По сути в прозе нашла специфическое развитие и преломление уже звучавшая в лирике тема молодого, нарождающегося в жизни. Тема эта получила впоследствии самостоятельное и широкое разрешение — в плане проблемы народ и художник — в поэме «Сымон-музыка», центральной идеей которой станет утверждение вечности искусства, вырастающего на народной основе, и подлинности художника, вышедшего из среды трудового народа.

Тема молодого, нарождающегося в коласовской прозе дооктябрьского времени звучит в драматических тонах (равно как и тема художника в первой редакции поэмы «Сымон-музыка»). Центральный мотив — мотив внутреннего трагизма, возникающего как итог глубочайшего несовпадения внутреннего мира ребенка с чуткой поэтической душой и тогдашней дисгармоничной действительности; контакты с окружающим оказываются губительными для него. Дети в коласовских рассказах не несут и доли того запаса прочности и жизненности, которым повсеместно наделены образы крестьян реалистической прозы. В их обрисовке совершенно отчетливо начинает звучать романтический мотив духовной исключительности и противопоставления существующему. Рассказы о детях — это в сущности первые наброски образа нового коласовского героя, мужичьего сына, который уже в советскую эпоху откроет для себя неведомые

ранее сферы жизни. Очевидно родство героя рассказа «Сирота Юрка» и Сымона из поэмы «Сымон-музыка», над первой редакцией которой работал в то время Я. Колас. Но пока мы слышим лишь первоначальное звучание этой темы, в котором доминирует мотив сиротства и заброшенности. И лишь позднее — в поэмах «Новая зямля» и «Сымон-музыка» — новый герой получит полнокровный «жизненный круг», а тема молодого, нарождающегося обретет мощное жизнеутверждающее звучание.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК. ИДЕЯ СИЛЫ ЖИВОГО

Обращение Я. Коласа к аллегорическому жанру «Казак жыцця» неразрывно связано с дооктябрьской реалистической прозой, есть наследование ее опыта и вместе с тем это попытка достичь универсальности и всеобъемности, той широты и цельности, которых так недоставало реалистической прозе. Аллегоризм позволял на малом пространстве свести воедино те разнообразные начала и слагаемые народной жизни, которые выступали для художника основами народного бытия, были выражением его неповторимости, незыблемости и неисчерпаемой жизнеспособности. Земля, человек, природа, все существующее в обозримом мире оказывалось единым целым, взаимосвязанным, обладающим своими внутренними жизненными силами, свидетельством их созидательной активности, трактуемой в нравственно-гуманистическом аспекте. Эта тенденция к выявлению существующего в природе и жизни людей порядка и взаимосвязи, к соединению живого и неживого, природы и человека в едином одухотворенном целом есть, конечно, форма художественной условности, но именно такая содержательная форма определила своеобразие аллегорического жанра свободного широкого раздумья, чуждого отвлекающей умозрительности и тяготеющего к конкретным, наглядным образам.

Важнейшим объектом коласовской заинтересованности была народная жизнь во всех ее многообразных проявлениях. И если для Коласа важнее всего сама жизнь, то чрезвычайно показательным, что для художника-эпика она предстает в конкретном облике, прежде всего в облике земли, колосающейся нивы, в облике работающего на земле крестьянина. Жизнь для Коласа — это земля и люди-крестьяне, постигнутые в единстве и конкретности жизнеподобия и жизнетворения. Поэтому для Коласа чужда всякая абстрактность в понимании существа «таямніцы» самой жизни, взаимосвязи земли и труженика-земледелца, человека и природы, ведь они выступают как слагаемые самого бытия, проявляющиеся в живой жизнепо-активной наглядности, в естественной, природно-натуральной взаимосвязи. Причем взаимосвязь эта одухотворяется, неживое получает характере-

ристики, почерпнутые из сферы человеческих, духовно-нравственных отношений.

Если уж говорить о взаимосвязи живого и неживого, человека и земельно-природного окружения, то наиболее полным осуществлением этой взаимосвязи выступал у Коласа (как и у других белорусских революционных демократов) процесс земледельческого труда. Земледельческий труд понимается не только как орудие, средство, обеспечивающее саму возможность существования крестьянина; такой сугубо утилитарный оттенок бесспорно присутствует, однако он втянут в сферу иных представлений. Характер земледельческого труда мыслился как наглядное и естественное отношение между человеком и землей: человек — земле, земля — человеку, выступая тем самым как форма связи человека и земли. А поскольку эпическому искусству присуща устремленность к утверждению единства человека и окружающего, хотя и на основе, не лишенной элемента их вещественной однопорядковости, и процесс крестьянского труда оказывается натурально-органическим осуществлением такого единства, сам земледельческий труд представал одной из важнейших жизненных реальностей, необходимым компонентом «круга» бытия, фундаментальными слагаемыми которого были народ (человек как типический представитель общности) и все земельно-природное окружение как жизненное пространство и поле деятельности человека. Исходя из этого, земледельческий труд провозглашался основой жизни, а также получал нравственное освящение, утверждался предпосылкой существования истинного, подлинного человека. Тем самым аспект натурально-органического понимания труда как формы естественной связи земли и человека соединялся с аспектом нравственным.

Влияние нравственных представлений оказалось значительным; оно обнаружилось в стремлении свести подчиняющую потенцию труда к неживой природе, причем и здесь выявился неприятие принципа господства, в какой бы форме он ни проявлялся: отношения человека и земельно-природного окружения мыслились как нехищнические, гармонические. Не случайно момент достижения таких отношений трактовался как идеальный. Нравственное одухотворение неживого вытекало из эпически-конкретного принципа равноценности, равнозначности важнейших жизненных реальностей, из учета момента их единства и взаимосвязи как необходимого условия существования жизни как таковой. Вместе с тем понимание земледельческого труда как связи человека и земли несло отпечаток представлений, уходящих в толщу народной культуры, вплоть до древнейшего ее слоя. В плане этих представлений ценность такой связи обуславливалась силой, даруемой человеку приобщением к земле, наделявшей неизмеримо большим статусом могущества, устойчивости и непоколебимости.

Стремление раскрыть характер этой взаимосвязи, проникнуть в «тайны жизни» в высшей степени присуще коласовскому аллегорич-

ческому жанру «Казкі жыцця», который органично впитал проявившуюся в лирике раскрепощающую устремленность к простому, естественному, устремленность, подкрепляемую чувством родства и близости к природе. Причем эта устремленность не являлась итогом абсолютного противопоставления природного и социального; так, например, это отчетливо видно в коласовском стихотворении «На прастор», где утверждается превосходство такого состояния жизни, которое не имеет ничего общего с обманом и ложью, царящими в тогдашней буржуазно-помещичьей действительности.

Природное, естественное благодаря своей близости обстоятельствам жизни трудового крестьянства выступает символическим обозначением состояния жизни, обладающего чертами истинности, подлинности, состояния, в корне противоположного отношениям, господствующим в буржуазно-помещичьем обществе. Само по себе «простое» выступает у Коласа синонимом подлинности, правдивости, противопоставляясь сложности и запутанности однопорядковых с неестественностью и иллюзорностью. Это не означало, однако, что в коласовской системе идейно-образных представлений нет реального антипода «простому»; таким допустимым антиподом в отношении простого с точки зрения коласовских критериев адекватного, верного восприятия, в основе которых лежат наглядность, обзорность и опора на опыт (см. «Даль», «Балотны агонь»), является «тайна жизни» как необходимый атрибут всего существующего, его первейший сокровенный смысл, загадка. Поэтому и познавательная задача формулируется как стремление «зразумець таемнасць свету» («Вадаспад»), как процесс нахождения «канцоў і пачаткаў» («Сірата Юрка»), что особенно явственно выразилось в коласовском аллегорическом жанре.

Впитав традиции народно-философских жанров (загадка, притча, поучительная история), «Казкі жыцця» существенно отличны от них прежде всего рельефностью присутствия точки зрения развитой творческой индивидуальности. В этом отношении коласовский аллегорический жанр несет черты определенной двойственности. Почерпнутые из сферы привычного и знакомого крестьянину-труженику окружающего образы (мужики, земля, вода, деревья, тучи, камни и т. д.) представляли вместе с тем в новом освещении; отдельные черты благодаря тщательной избирательности и определенному типу их комбинации отражали общее, часть — целое. Эта тенденция к концентрации многого в малом и была, собственно, сутью коласовского аллегоризма, конкретно-земного и идейно-содержательного одновременно.

В проблемном отношении черты такой двойственности жанра обусловлены его положением в общей линии идейно-эстетического развития Коласа в дооктябрьский период; в сущности жанр этот связан с этапом, когда обобщенно-целостное изображение народной жизни начинает соединяться с дифференциацией и расчлением. В самом аллегорическом жанре это проявилось в сочетании обобщенности, целостности с рационалистическим началом. Опыт «Казак

жыцця» оказывался чрезвычайно важным в развертывании ведущей идеально-поэтизирующей тенденции Коласа — тенденции открытия-представления народной жизни; и если тенденция эта нашла свое классическое выражение в поэмах «Новая зямля» и «Сымон-музыка», то весьма показательна (в плане взаимосвязи разных жанровых сфер коласовского творчества) близость образной системы «Казак жыцця» и поэмы «Сымон-музыка». Известная двойственность, амбивалентность «Казак жыцця» обусловила и характер затронутых в этом жанре проблем. Пафос утверждения народной жизни, могущества подлинного, полнокровного бытия (идея силы живого — природы, народа, человека труда) пересекается с проблематикой, выдвигаемой развитой творческой индивидуальностью и свидетельствующей о ее возросшем самосознании (человек и народ, человек и природа, жизнь и смерть, художественно-познавательная позиция как следствие определенного психологического состояния, радость и трагизм бытия и др.).

Само обращение Я. Коласа к миру естественно-натуральных, природных образов имело глубокие основания, опираясь на устойчивую традицию белорусского устного народного творчества. Еще в первой половине минувшего столетия исследователи народной культуры отмечали характерную черту белорусского фольклора — выражение глубокого единства человека и природы²⁶. Современные исследователи творчества Я. Коласа также выделяют как типический момент близости человека и природы, нашедший глубокое выражение у писателя. «Колас, как никто в белорусской литературе, почувствовал, что народ, писателем которого он является, — народ извечно «лесной», что в краю, который он опеваает, человек стоит очень близко к природе. Действительно, для белорусского крестьянина, который составлял преимущественное большинство народа, нации, лес, озеро, речка, болото, отвоеванный у леса кусок поля были той повседневностью, которая окружала его от рождения до смерти. Человек столетия, тысячелетия жил в лесу, привык быть в одиночестве, наедине с лесом, с полем, небом над головой, на которое он часто поглядывал, потому что в конечном счете от того, будет или не будет дождь, сменится мороз оттепелью и т. д., зависит плод его работы»²⁷. Разумеется, выражение Коласом особой близости человека и природы было чуждо наивности реального отождествления природного и человеческого, объекта и субъекта, отголосок которого в той или иной мере ощутим в устном народном творчестве. Кроме того, отношение человека и природы достаточно четко дифференцировано у Коласа в двух аспектах.

²⁶ Э. Дорошевич, Вл. Конон. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии. М., 1972, с. 194—195.

²⁷ Иван Навуменка. Якуб Колас. Духоўны воблік героя. Мінск, 1968, с. 212—213.

Один из них, уже затрагивавшийся при трактовке процесса земледельческого труда, охватывает в сущности конкретный-деятельный аспект отношения крестьянина-труженика к окружающему и связан с основополагающими факторами самого уклада крестьянской жизни. Реальные жизненные условия крестьянина-труженика таковы, что само его существование немислимо вне земли, природного окружения; тем самым принципами эпической эстетики уже предопределяется идеализация, одухотворение земельно-природной среды: ведь она оказывается фундаментальным основанием, вне которого немислимо существование той формы бытия, которая считается истинной, подлинной. Объективные условия земледельческого труда, в циклично-календарном повторяющемся процессе которого утверждалось заботливо-бережное отношение к земле, и становились основой такого единства человека и земли, природы, когда труд как осуществление этого единства оказывался формой установления их, так сказать, «равноправного» отношения: человек отдает земле свой труд — и отданное земле возвращается ему сторицей; земля возвращает человеку плоды его труда, которые есть одновременно и ее плоды²⁸. На такой почве, как осознание и утверждение обстоятельств народной, крестьянской жизни, и возникало отношение к природе как сфере реальности, которая в условиях господства антигуманных, хищнических установлений эксплуататорского общества является для человека трудом и основой существования, и единственным надежным прибежищем от бед и несчастий жизни.

Здесь мы уже подошли ко второму аспекту трактовки Коласом отношения человека и природы, аспекту, выражающему особенности процесса духовного развития в понимании писателя. Поскольку природа мыслится как сфера, качественно отличная от враждебной человеку буржуазно-помещичьей социальной действительности, осознается как сфера близкая, своя, постольку развертывание процесса личностного формирования человека из народа, предполагающее момент внутренней концентрации и уединения при сохранении прочных объектных точек опоры индивида, выдвигает в качестве такой благоприятной для него среды природное окружение. Тем самым существенный этап внутреннего становления человека обозначается рождением духовного отношения к природе, связанного с «пониманием» языка ее мельчайших изменений. Именно такой чуткостью к природным явлениям отличаются герои коласовских рассказов о детях («Сирата Юрка»). Природные формы становятся руслом духовно-психологических состояний индивида; одухотворенное отношение к природе выступает для Коласа одним из важных элементов

²⁸ Не будем сейчас возвращаться к трагическому аспекту этих отношений в условиях эксплуататорского общества, достаточно полно выраженному в купаловской «Адвечной песне», а также позднее нашедшему отражение в коласовской «Новой зямлі». Ведь в целом направленность аллегорического жанра «Казкі жыцця» идеально-поэтизирующая.

процесса внутреннего развития. На основе взаимоотражения и взаимоуглубления природного и человеческого, собственно, и возник такой своеобразный коласовский жанр, как «Казкі жыцця». Причем в аллегорическом жанре личностное развитие как таковое оказывается формированием художника, поэта: «Тоўсты, высокі лес адзін толькі слухаў яго песні і сам памагаў яму спяваць сваім доўгім шумам»²⁹.

В сравнении с реалистической прозой коласовский аллегорический жанр представлял собой дальнейший значительный шаг именно в развитии идеально-поэтизирующего начала, проявления ведущей идейно-эстетической устремленности к представлению, открытию и утверждению народной жизни. В общем русле развертывания эпической концепции красоты, в основе которой лежала идея неисчерпаемой жизнечности и могущества трудового народа, «Казкі жыцця» сыграли важную роль. В лирике в сферу поэтизирующего начала оказались вовлеченными черты новой позиции человека труда в отношении к тогдашней действительности, свидетельствующие о его возросшей социальной активности, а также отдельные моменты уклада народной жизни и природного окружения человека труда, крестьянина. В реалистической прозе происходило освоение конкретных обстоятельств существования человека труда, представленного в повседневно-бытовом аспекте; этот конкретно-бытовой аспект оказался одухотворенным благодаря присутствию своеобразной изобразительно-комической призмы, способствовавшей выявлению форм и средств открытой, прямой поэтизации. «Казкі жыцця» стали по существу первым жанром, который был идеально-поэтизирующим по преимуществу; и в этом при всех существенных отличиях его несомненное родство и близость поэмам «Новая зямля» и «Сымон-музыка».

Именно в «Казках жыцця» четко и определенно была выражена идея могущества и непоколебимости трудового народа (в универсально-обобщенной форме идеи силы живого), многообразное и красочное изображение получила природа родного края, а также широко введено в сферу поэтизации духовное, проблемное начало; поэтизация раздумья, идейной сферы начинает сочетаться с поэтизацией реальных обстоятельств и начал народной жизни.

Наиболее наглядной и очевидной сферой проявления идеально-поэтизирующего начала в аллегорическом жанре стала область природно-пространственная, воссоздание характерных черт и красок своей земли, раскрытие красоты родного края. Нередко возникает едва уловимая связь между типическими зарисовками белорусского пейзажа и обликом того предстающего в эпическом обрамлении социального и человеческого типа, которого революционные демократы считали истинным, — крестьянина-труженика; это особенно касается тех пейзажных картин, которые передают ощущение прочно-

²⁹ Т а р а с Г у ш ч а. Казкі жыцця. 1907—1921 (Мінск, 1921), с. 14.

сти и постоянства. У Коласа множество природных зарисовок; особенно показательны в этом отношении его лирика, «Другое чытанне для дзяцей беларусаў».

В «Казках жыцця» благодаря большой насыщенности конкретных природных форм, а также их избирательно-обобщенному представлению возникли не просто зарисовки с натуры (каких немало в «Другім чытанні...»), а типический образ белорусской земли, то неповторимое сочетание леса, луга, озера, дороги, извива речки, где все близко, компактно, органично соединяется вместе и вся эта земельная, лесная, озерная реальность разворачивается крупно и рельефно, рождая иллюзию маленького неба. Лес и поле, дорога и речка, луг и озеро как бы приподняты, заняли бы почти всю поверхность листа в живописном рисунке, а потому здесь нет перспективы в ее классическом виде, представлявшем землю и ландшафт полем видения и сценой действия. Тенденция к передаче чувства гармонической взаимосвязи природы и человека, воспринимающего и осознающего природное окружение как широкий, просторный и близкий ему мир, доминирует в пейзажных зарисовках Я. Коласа.

Содержательная оболочка аллегоризма, образуемого сочетанием конкретности с рационалистическим началом, позволяла не только широко ввести в русло поэтизирующей тенденции такие реально разрываемые компоненты народной, крестьянской жизни, как, например, земельно-природное окружение, но также в достаточно отчетливой самосознающей форме выразить некоторые существенные принципы подхода к оценке действительности, раскрывавшиеся в неразрывной связи как с актуальной проблематикой широкого, общенародного плана, так и с проблематикой индивидуально-личностной.

Собственно, наиболее широкая, общая идея коласовских «Казак жыцця» — это идея силы живого, ставшая рационалистическим предвзвешением того широкого эпического полотна народной жизни, пронизанного пафосом величия и бессмертия трудового народа, которое будет впоследствии развернуто в поэме «Новая зямля». Идея эта покоится на центральном принципе эпической эстетики — принципе жизненности. Причем если сам по себе принцип жизненности является лишь абстрактным обозначением ценностной ориентации данной формы искусства, есть указание области предпочтения определенной сферы реальности, то понятие силы становится качественным обозначением того уклада существования, который оценивается как подлинный, раскрытием его творческой саморазвивающейся способности, интенсивности и многообразия скрытых в нем возможностей, активности проявления его потенций. Можно сказать, что понятие силы жизни оказывается универсальной характеристикой всего бытия (как бытия подлинного, народного), а также принципом его единства (достигнутого на эпически-конкретном уровне). Частными, конкретными проявлениями этого общего принципа выступают: сила земли, сила народа, сила крестьянина, сила таланта как частицы общей си-

лы; и если они действительно такими являются (несут отпечаток подлинности), то они заявят о себе, отвоюют себе право на существование, приход в мир и полнокровную жизнь в нем. «...Раз у цябе ёсць сіла, ты заўсёды знойдзеш спосаб жыць на свеце, праб'еш сабе дарогу — што жывое, жывым і застаецца»³⁰. Существование как таковое оказывается постоянством присутствия жизненной силы; вопрос об истоках не возникает; доминирующим является момент присутствия, наличия. В таком взгляде на мир не было элемента оправдания всего существующего. Революционно-демократическая тенденция органически взаимосочеталась у Коласа с принципами эпической эстетики. Ведь живое есть примета истинности, подлинности, и как таковое оно включено в пределы трудового народного мира. Пределы его есть одновременно и границы сферы поэтизации, за которыми находится неистинный, враждебный социальный мир. В этом смысле все неистинное, враждебное трудовому народу не имеет силы жизненности, «не мае грунту пад сабою», как сказано о панах в «Новай зямлі», существует за счет труда народа, а потому рано или поздно исчезнет, в то время как народ бессмертен в своем бытии.

Таким образом, во взгляде на мир сквозь призму идеи силы живого отчетливо выражено центральное в идеально-поэтизирующей устремленности Я. Коласа утверждение вечности народной жизни, народного бытия как истинных, подлинных. Немаловажной эта идея оказывается и в нравственно-гуманистическом аспекте, ведь в ее орбиту вовлечено лишь то, что существует благодаря себе, собственным потенциям и усилиям; тем самым принципиально отвергается хищнический принцип подавления других и использования их труда.

Существенным является тот факт, что коласовское понятие силы выступает выражением активности народа, человека труда, объемно-эпической формой постижения процесса выхода трудового крестьянства на арену общественной жизни и борьбы, который совершался в условиях резкого обострения классовых противоречий в начале нашего века. Ведь сила, согласно Коласу,— это деятельный процесс развертывания явления, его рост и утверждение. Характер развертывания внутренних потенций вмещает момент стихийности, грубоватой импульсивности и предопределенности натурально-природного порядка. Это сочетание первично животворящего и вместе с тем творящего по определенному плану, по плану, «составленному» природой (по законам, «жыццём напісаных»), это соединение «тайны жизни» и просветленной человеческой способности предвидеть и понимать смысл совершающего в действительности определяет специфическую окраску понятия силы в системе коласовских мировоззренческих представлений. В этом плане сочетания стихийности и просветляющей человеческой способности понимания чрезвычайно ва-

³⁰ Я к у б К о л а с. Збор твораў, т. 5, с. 459.

жен коласовский призыв к одухотворению силы, к превращению ее в «силу разумную»³¹, что позволит людям труда объединиться на основе осознания общности своих освободительных интересов и устремлений. И если в коласовской лирике мотив «собрания сил» имеет прямой социально-консолидирующий смысл, обусловленный событиями революционной эпохи, то призыв сделать свою силу силой разумной обращен к поколению, только вступившему в жизнь в тот исторический период, что является ярким показателем широты общественной гуманистически-педагогической заинтересованности Якуба Коласа.

Идея силы живого нашла в коласовском аллегорическом цикле исторически-конкретную интерпретацию, была подчинена выражению насущных устремлений трудового белорусского народа в условиях господства буржуазно-помещичьих социальных порядков. Характерным в этом отношении является рассказ «Жывая вада», пронизанный идеей неизбежного возмездия угнетателям трудового народа; рассказ этот одухотворен глубокой убежденностью писателя в светлом будущем своего края.

Пафос служения трудовому народу, активного содействия его счастью и благополучию провозглашается во многих коласовских произведениях высшим предназначением человека («Хмарка», «Крыніца» и др.). В целом отношение общего и частного трактуется в «Казках жыцця» в двух взаимосближенных аспектах. Понимание человека как части природы, подчиненной ее общим закономерностям («Вадаспад»), что вносило натуралистический момент в его обрисовку, соединяется с раскрытием единства человека и народа. Отсоединенность от общего есть в сущности выключение из жизни, обреченность на неподвижность, небытие («Камень»). Выше всего ценится поэтому усилие, способствующее консолидации, укреплению силы общности, деятельность во имя «аб'яднання жыцця» («Крыніца»). Утверждение неразрывного единства с народом является у Коласа основополагающим моментом социально-нравственной оценки индивида. В этом плане решение развивающейся индивидуальностью специфических духовных проблем, связанных с осознанием своего места в жизни, с преодолением трудностей процесса познания («Чыя праўда?», «Адзінокае дрэва»), предстает кристаллизацией, четкостью оформления такой позиции в отношении трудового народа, которая призвана активно содействовать его социальному и культурному развитию. Это была высшая цель устремлений самого Коласа.

³¹ Я к у б К о л а с. Збор твораў, т. 4, с. 213.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционно-демократическое направление в общественной мысли Белоруссии возникло как выражение коренных социальных и национальных освободительных устремлений трудового белорусского народа, прежде всего революционных устремлений трудового крестьянства. Общественный кругозор революционных демократов был ограничен; на всем строе их представлений лежал отпечаток канонизации замкнутого крестьянского мира. Однако именно сильные стороны революционного демократизма как влиятельного идейного и социально-политического течения — решительное неприятие антинародных буржуазно-помещичьих общественных порядков, пафос социального преобразования, восславление революционной борьбы, постоянное, неугасимое стремление содействовать реальному воплощению идеалов равенства и братства людей труда определили выдающееся значение деятельности революционных демократов в истории борьбы белорусского народа за социальное и национальное освобождение.

Общая тенденция развития революционно-демократических идей в общественной мысли Белоруссии — это тенденция неуклонного усиления социальной действенности и активности, возрастания позиции непримиримости в отношении антинародного общественного строя. Оформившись в 60-х годах минувшего века, революционно-демократическая мысль Белоруссии развивалась под благотворным влиянием идей русских революционных демократов; революционно-демократическая тенденциозность оценки явлений действительности соединялась с национально-освободительными идеями.

Революционно-демократический период в общественной мысли Белоруссии был периодом напряженных поисков путей социального и национального освобождения трудового белорусского народа, гармонических оснований существования народной общности, взаимообогащающих отношений народа и индивида, человека труда и окружающей его среды. Деятельность белорусских революционных демократов была одухотворена высоким пафосом борьбы за свободу народа и человека труда, решительным отрицанием любых форм угнетения и унижения трудящегося человека, непоколебимой убежденностью в возможности осуществления такого общественного устройства, в котором трудовой народ займет центральное место.

Вместе с тем процесс формирования революционно-демократического направления обнаружил свою внутреннюю противоречивость; это стало совершенно очевидным в условиях пролетарского этапа освободительного движения. Сильные стороны общественной позиции идеологов трудового крестьянства соседствовали с момента-

ми утопизма и консервативности, с абстрактностью и расплывчатостью позитивной программы, что в конечном счете являлось отражением социального положения крестьянства как класса. Многомиллионная крестьянская масса представляла собою большую социальную силу, однако масса эта, взятая сама по себе, изолированно от других широких и более революционных слоев трудового народа — рабочего класса в первую очередь, оказывалась разрозненной, недостаточно централизованной для того, чтобы одержать победу в общественной борьбе. Поэтому и идеологи трудового крестьянства, выразители его революционных устремлений, не в состоянии были найти конкретно-обусловленный путь к подлинному освобождению. Ибо путь этот пролегал через материалистическое понимание истории, осознание исторической революционно-преобразующей роли рабочего класса. «...Простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может,— писал В. И. Ленин,— ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы) — все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»¹. Исторические условия развития освободительного движения определили тот особой важности факт, что будущее трудового крестьянства оказалось неотрывным от борьбы рабочего класса и его авангарда.

В этом отношении чрезвычайно показательно такое обстоятельство. Революционно-демократическое направление в общественной мысли Белоруссии начала XX в. испытало сильное влияние социал-демократических и марксистских идей. Условия широкого развертывания борьбы рабочего класса ставили перед выдающимися представителями революционно-демократической мысли Белоруссии такие проблемы, ответ на которые не мог быть найден в рамках идеологических представлений революционного демократизма. Неуклонное следование революционным идеалам делало неизбежным их переход на новые идейные позиции. Именно по этому пути пошли Янка Купала и Якуб Колас. Накануне Октябрьской революции Я. Колас пишет ряд произведений, в которых высказывает свое решительное неприятие существовавшей государственной антинародной системы. Колас приветствует Октябрьскую революцию, призывает к солидарному труду на свободной земле. Чуткость к насущным интересам трудового народа обусловила закономерность перехода Я. Купалы и Я. Коласа — уже в новых исторических условиях победы рабочего класса — на позиции марксизма-ленинизма. Переход этот был внутренне подготовлен процессом их предшествующего идейного развития, явился выражением глубокой преемственности революционной традиции, закономерной взаимосвязи исторически обусловленных периодов освободительного движения.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 41.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Исторические предпосылки развития революционно-демократической мысли	16
Возникновение революционно-демократической идеологии (17). Кризис либерального реформаторства (23).	
Глава 2. «Мужицкая правда» К. Калиновского	32
Принципы социальной критики. Гуманистический характер революционно-демократической идеологии (34). Позитивная программа. Проблема свободы (38). Народная общность и индивид. Проблема человека (45).	
Глава 3. Социальный критицизм Ф. Богушевича	52
Общественная и эстетическая позиция (53). Предназначение искусства. Первостепенность познавательных задач (60). Истинность как социально-нравственный оценочный принцип. Труд, человек, народ (63). Раскрытие социальных противоречий (70). Драматизм неразрешенного противоречия и позиция человека (77). Трагическое состояние и форма его преодоления. Комическое (81).	
Глава 4. Идеал — свобода. Янка Купала	88
Общественная позиция (90). Задачи искусства. Единство народа и художника (96). Принцип общего блага и романтизм. Идея человека (100). Характер трагического противоречия. Формы конфликтности (104). Новые черты трактовки народа и человека труда. Об эволюции понятия свободы (109). Человек в трагической коллизии (121). Отношение народ — индивид и идея свободы (126). Свобода и земля (141).	
Глава 5. Идея могущества трудового народа. Якуб Колас	150
Характер и особенности развития центральной идеи (151). Преобразующая деятельность трудящихся масс (165). Бытие подлинное и иллюзорное. Об эпической концепции красоты (170). Форма бытия и свобода. Принцип движения (175). Одухотворение повседневного. Комическое и принцип поэтизации (184). Природа и человек. Идея силы живого (196).	
Заключение	205

АЛЬФРЕД СТЕПАНОВИЧ МАЙХРОВИЧ

**БЕЛОРУССКИЕ
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ**

Редактор Г. И. Вольская,
Обложка А. А. Сивоконя,
Художественный редактор Л. И. Усачев,
Технический редактор Г. И. Якубовская,
Корректор И. А. Альперович.

ИБ № 360

Печатается по постановлению РИСО АН БССР.
АТ 13152. Сдано в набор 16.03.77. Подписано в печать 09.06.77. Формат 60×84/16. Бум. № 1. Печ. л. 13,0. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 1150 экз. Изд. № 14. Зак. № 374. Цена 1 р. 80 к. Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.